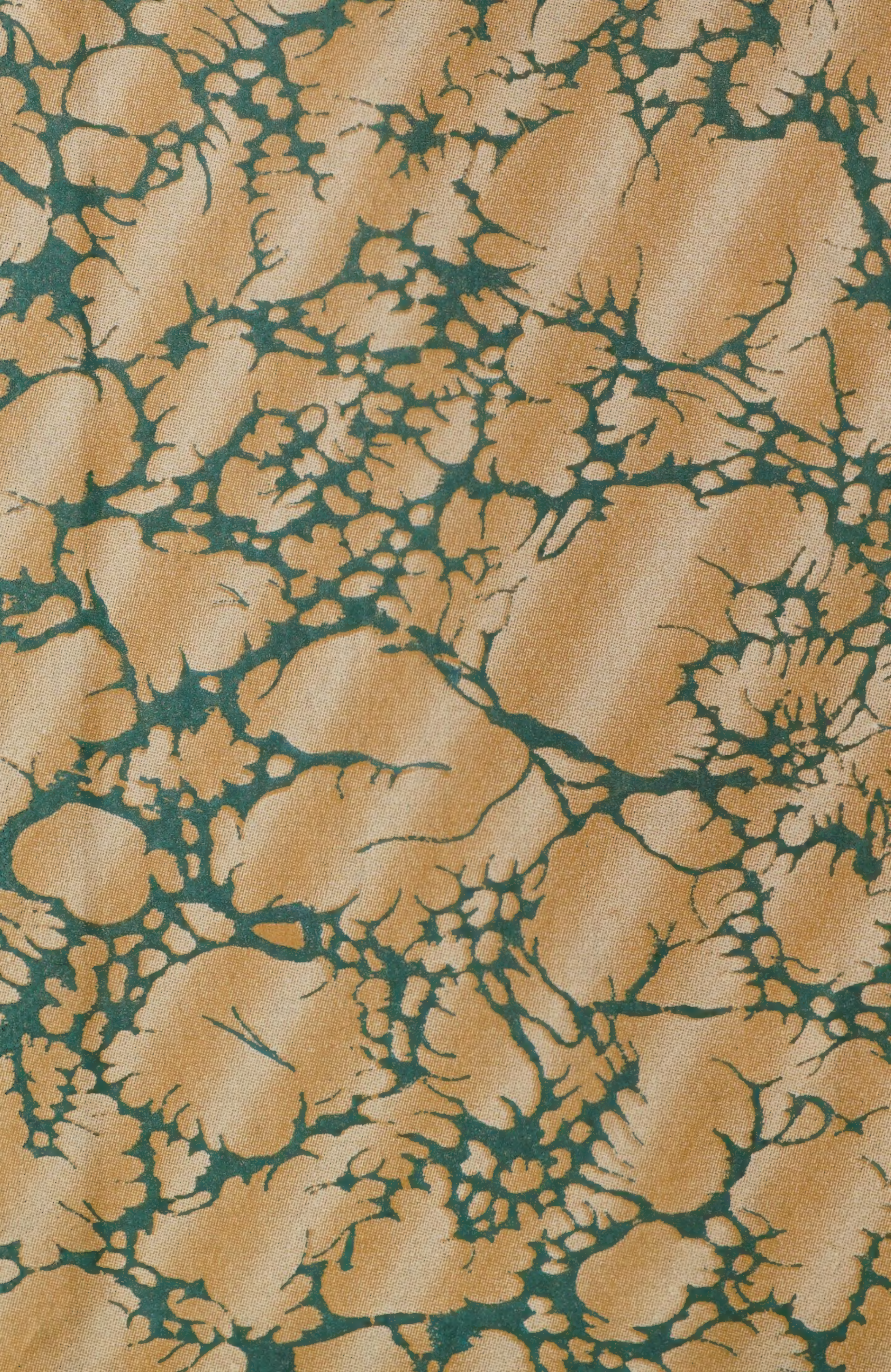
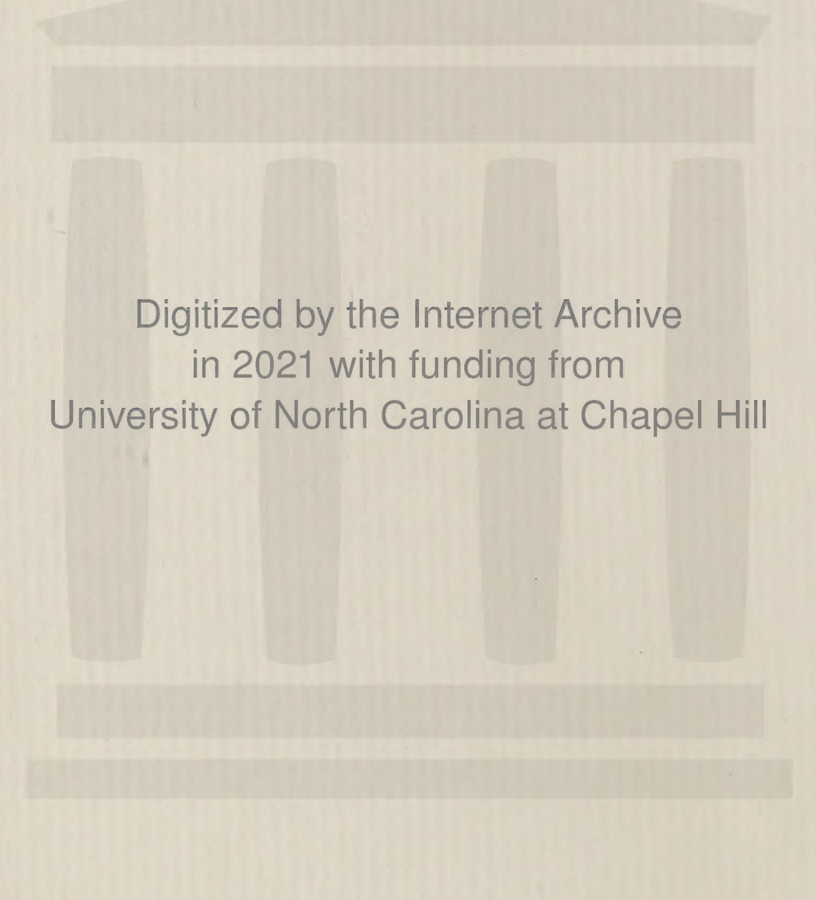
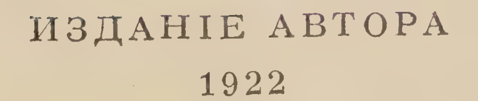

В. НАРЫШКИНА-ВИТТЕ

ЗАПИСКИ ДѢВОЧКИ

ИЗДАНІЕ АВТОРА
1922

Моимъ дѣтямъ,

ЛЬВУ И ИРИНѢ

Какъ на экранѣ волшебнаго фонаря, проходятъ предо мною картины моего дѣтства. Онѣ быстро чередуются; я едва поспѣваю услѣдить за ними. Неопытная рука набросала ихъ. Но каждый штрихъ мнѣ дорогъ. Съ каждымъ изъ нихъ связано воспоминаніе о томъ, что прошло и что никогда не вернется.

Мнѣ хотѣлось бы, чтобы — на чужбинѣ — и вамъ сталъ близокъ тотъ сложный, своеобразный міръ, среди котораго я такъ беззаботно росла и выросла. Полюбите и вы — Мойку и Елагинъ, Арапку и ворчливую Степаниду, Вѣру Иннокентьевну и шарообразную, но милую миссъ!

Картины смѣняются ... На всѣхъ появляются однѣ и тѣ-же, знакомыя тѣни: суроваго великана и прекрасной женщины съ задумчивыми глазами, съ загадочной улыбкой. Около нихъ — долговязая дѣвочка.

— Да, вѣдь это — дѣдушка и бабушка Витте! — воскликнете вы. — А кто-же дѣвочка? ...

— Дѣвочка, — это ваша

Брюссель *Мама*

ДЕНЬ

Блѣдный, мерцающій свѣтъ петербургскаго зимняго дня какъ будто колебался, тускло озаряя просторную комнату; на обояхъ ея, мужички и бабы въ кумачевыхъ сарафанахъ и поясахъ казались пляшущими. Старушка въ траурѣ, съ воробьинымъ профилемъ, читала вслухъ маленькой, худенькой дѣвочкѣ, сидящей на скамейкѣ у ея ногъ, трогательный разсказъ «Безъ семьи». На этомъ дѣтскомъ личикѣ не было видно ничего, кромѣ большихъ черныхъ глазъ, жадно устремленныхъ на M-lle Pauline. Тоненькій, однообразный голосъ старой француженки звучалъ заунывно. Со двора доносилась Santa Lucia. Подъ эти звуки, несчастія, постигшія маленькаго Реми, становились еще болѣе родными, болѣе близкими. Сердце черноглазой дѣвочки болѣзненно сжималось и слезы подступали къ горлу, но она глотала ихъ и старалась улыбнуться, зная, что взрослые никогда не плачутъ.

Часы незамѣтно проходили; когда сумерки уже заглядывали въ окошко, старушка и дѣвочка еще сидѣли, погруженныя въ разсказъ. При свѣтѣ лампы съ зеленымъ абажуромъ, комната принимала таинственный оттѣнокъ. Мужички на обояхъ, прислушиваясь къ чтенію,

тоже нахмурились и притихли, съ застывшимъ выраженіемъ на лубочныхъ лицахъ. Въ столовой часы пробили восемь. Не торопясь, M-lle Pauline закрыла книгу съ золотымъ обрѣзомъ. Она простилась со своей питомицей, которая, отправляясь спать, подъ впечатлѣніемъ услышаннаго, все время шептала: бѣдный, бѣдный Реми... Но, когда мать, лаская, укладывала ее въ бѣлую кроватку, и разсказывала сказки своимъ чарующимъ и пѣвучимъ голосомъ, — все, что до сихъ поръ причиняло боль этой семилѣтней душѣ, сразу исчезало. Эта чародѣйка, съ таинственной улыбкой, въ серебристомъ платьѣ, шитомъ жемчугомъ, не видѣніе — это ея родная, собственная мама̀. При видѣ ребенка, грустные глаза сѣрые, какъ весенній туманъ, становились зелеными, какъ дно морское. Маленькая ревниво относилась ко всему, касающемуся ея матери, она враждебно смотрѣла даже на соболье боа, вокругъ шеи. Дѣвочка обвивала ее ученками, не отпуская отъ себя. Вдругъ мама̀ превратится въ русалку и исчезнетъ навсегда: вѣдь, она, какъ двѣ капли воды, похожа на морскую царевну изъ толстой книги, подаренной ей на елку.

Немного спустя, молодая женщина, наклонившись надъ дѣвочкой, увидѣла, что она спитъ, перекрестила ее и ушла на цыпочкахъ.

Не прошло и пяти минутъ, какъ этотъ крошечный человѣкъ уже успѣлъ вылѣзть изъ-за перилъ кроватки, — правда съ большимъ трудомъ, такъ какъ онѣ были слишкомъ высоки. Накинувъ на себя турецкій стеганный халатъ изъ желтаго

шелка, со шнуромъ и большими кистями, дѣвочка отправилась со свѣчей въ дѣтскую. Путь предстоялъ сложный и опасный, но желаніе найти книгу съ картинкой морской царевны, похожей на мамà, побѣдило всѣ колебанія.

Въ темномъ коридорѣ ей стало страшно: мерцаніе свѣчи отражалось фантастическими узорами на стѣнѣ; изъ угла смотрѣли какіе-то бѣлые призраки, оказавшіеся вблизи картонками изъ подъ бальныхъ платьевъ матери. Полъ скрипѣлъ... Наконецъ, она добралась до книжнаго шкапа; съ трудомъ повернула ключъ въ замкѣ, который гулко щелкнулъ. Книга больше не лежала на полкѣ... Разочарованіе было такъ сильно, что дѣвочка невольно всплеснула руками. Свѣча упала и погасла: когда стало темно, всѣ подробности дня воскресли въ ея памяти. За завтракомъ она не хотѣла ѣсть супъ, упорно отказалась слушаться. За это книга любимыхъ сказокъ, съ картинкой морской царевны, была отправлена въ изгнаніе въ комодъ M-lle Pauline.

Тутъ она вспомнила, что могла быть схвачена на мѣстѣ преступленія, не оглядываясь, бросилась обратно въ спальню и спряталась подъ одѣяло.

Въ сосѣдней комнатѣ, вполголоса болтали горничная и няня: «наша барышня не дитя, а золото, ее не видать и не слыхать. Уложишь сердечную, она себѣ и спитъ сномъ праведныхъ. Хотьтутъ домъ треснетъ, а она, голубушка, не шелохнется.»

Дѣвочка лукаво улыбнулась и, дѣйствитель-

но, заснула подъ ихъ говоръ, замышляя грозную месть противъ M-lle Pauline.

НОЧЬ

Тщательно закрывъ за собой дверь, черноглазая дѣвочка очутилась на улицѣ. Часы на башнѣ собора били полночь. Вся улица отдыхала, погруженная въ полную тишину; не спали только золотой шпиль адмиралтейства и городовой съ мутнымъ взоромъ на застуженномъ лицѣ. Чтобы согрѣться, онъ билъ въ ладоши неуклюжими кожаными рукавицами, совсѣмъ, какъ деревяные человѣчки, которыхъ продаютъ на вербѣ.

Луна, еще больше и круглѣе, чѣмъ обыкновенно, казалась желтой черезъ дымчатую завѣсу тумана, отдѣлявшую землю отъ неба. На площади Зимняго дворца дѣвочка въ недоумѣніи остановилась у Александровской колонны, которая во мракѣ была еще выше; увидѣвъ бородатыхъ гренадеръ, стоящихъ на часахъ, въ высокихъ черныхъ мохнатыхъ шапкахъ, она испугалась и пошла дальше.

Нева, покрытая льдомъ, ширилась во всей своей ночной красѣ. Когда звѣзды отражались въ глыбахъ голубого льда, онѣ начинали искриться и сверкать, какъ алмазы. Дѣвочкѣ становилось холодно. Припоминая свою теплую кроватку съ мягкимъ пуховымъ одѣяльцемъ и прислонившись къ гранитнымъ периламъ набережной, она горько заплакала. Къ ней подошла

сгорбленная старуха, съ оранжевымъ въ зеленую клѣтку платкѣ, со зловѣщимъ выраженіемъ на сморщенномъ лицѣ. Дѣвочка не могла вспомнить, гдѣ она уже ее встрѣчала, но вдругъ узнала: вѣдьма была точь въ точь, какъ M-lle Pauline, когда та сердилась. Старуха вкрадчиво предложила у нея отдохнуть и выпить тепленькаго чая съ малиновымъ вареньемъ. На минутку дѣвочка призадумалась, но не могла побороть страха и стремглавъ побѣжала, куда глаза глядятъ.

Сама того не замѣчая, она очутилась на окраинѣ города. Широкая шоссейная дорога, тянувшаяся вдоль безконечныхъ огородовъ, была покрыта снѣжною пеленой. Вдали, на горизонтѣ, легкимъ штрихомъ обрисовывались темныя трубы заводовъ и куполъ Исаакіевскаго собора. Коегдѣ мерцаніе лучинки въ окошкѣ жалкой избушки нарушало мертвенное запустѣніе. Дѣвочка свернула налѣво. Туманъ куда-то исчезъ, темное небо казалось синимъ, неисчислимыя звѣзды выводили на немъ блестящій хороводъ. Изъ громадныхъ сугробовъ, какъ таинственные витязи, выростали изумрудныя ели...

Вдругъ сѣрый заяцъ, съ длинными усами, какъ у стараго запорожца, перебѣжалъ дорогу, сталъ передъ дѣвочкой и сказалъ: «пойдемъ со мной, малютка! здѣсь слишкомъ холодно, даже я мерзну, несмотря на мою теплую шубку.»

Дорогой она ему разсказала, что ищетъ свою мамà, морскую царевну, живущую на берегу океана въ чудномъ коралловомъ замкѣ; она не знала точно, въ какой это странѣ, но гдѣ-

то очень, очень далеко. Заяцъ одобрительно покивалъ головой и, выбѣжавъ изъ лѣса, куда-то исчезъ. И все какъ-будто измѣнилось: въ воздухѣ чувствовалась весна, не наша неувѣренная и молчаливая, а жизнерадостная и теплая. Легкій вѣтерокъ заигрывалъ съ мотыльками, разбросанными въ степи, которая встрепенулась, купаясь въ лучахъ восходящаго солнца. Небо то розовое, какъ мохнатая кашка, то лиловое, какъ полевая фіалка, ласково смотрѣло на землю. Роскошныя нивы пестрѣли самыми разнообразными цвѣтами, точно устланныя рѣдчайшими восточыми коврами.

Пара воловъ, съ унылымъ выраженіемъ въ большихъ карихъ глазахъ, медленно плелась, запряженная въ скрипучую телѣгу. Тутъ-же важно разгуливали стаи гусей, разыскивая мѣсто, гдѣ они могли бы пріятно отдохнуть. Дѣвочка рѣшила слѣдовать за ними. Въ лазурной дали красовался хуторъ; солнце, лѣниво потягиваясь послѣ сна, кивнуло ей головой, но бѣлая глиняная хата, на краю дороги, приняла эту милость на свой счетъ и зардѣлась румянцемъ, какъ молодая дивчина при видѣ своего суженнаго. Это было такъ неожиданно, что цапля съ краснымъ клювомъ, живущая у колодца, выпрямила свою длинную шею и улыбнулась; никто, конечно, этого не замѣтилъ, кромѣ золотого подсолнечника, росшаго по сосѣдству.

Въ садахъ гроздья душистой черемухи сливались съ кустами пышной и гордой сирени. Вишневыя деревья, въ полномъ цвѣту, казались

громаднымъ букетомъ; на фонѣ этой бѣлизны, иногда сверкала алая вишня, къ которой подкрадывался дубоносъ. Пѣніе птицъ смѣшивалось въ одинъ гулъ съ шумомъ крыльевъ мельницы и журчаніемъ ближняго ручейка. Вся природа лихорадочно трепетала и радовалась, словно сознавая свою красу. Пѣсни пахарей придавали ей еще больше прелести. Черноглазая дѣвочка торопилась и, какъ ей ни хотѣлось здѣсь остаться, шла дальше. Глядя на нее, серебристые тополи и зеленыя липы начали перешептываться съ могучими дубами, сотни лѣтъ сторожащими опушку лѣса; сквозь ихъ тѣнистыя вѣтви открывался видъ на рѣку, съ вѣчно бушующими порогами. На зарѣ въ этой темной дубравѣ раздавались раскатистыя трели соловьевъ.

— Кто мнѣ поможетъ найти мою мамà? — подумала дѣвочка, и рѣшилась обратиться съ этимъ вопросомъ къ бѣлкѣ, которая грызла желудь. — Извините меня, сударыня, не можете ли мнѣ указать путь къ замку морской царевны?

Окидывая ее презрительнымъ взглядомъ, бѣлка отвѣтила: «дитя, вы совершенно лишены чувства приличія, безпокоя меня своими праздными вопросами; я занята важнымъ дѣломъ и извиняю столь непростительное невѣжество только изъ-за вашего юнаго возраста. Ужъ такъ и быть, я удовлетворю ваше любопытство; идите все вправо и скоро дойдете до цѣли вашего путешествія.» Поблагодаривъ ее, дѣвочка побѣжала дальше, но снова принуждена была остановиться: всѣ дороги вели влѣво. Она клик-

нула кукушку, искавшую мошекъ, которая, не отвлекаясь отъ своего занятія, кисло сказала ей: «идите, куда хотите, и не приставайте къ старшимъ, вы только мѣшаете.» Надъ ней сжалилась большая желтая бабочка, съ черной спинкой, и обѣщала ее доставить въ замокъ морской царевны.

Становилось все жарче и жарче. Вдругъ показалась зубчатая стѣна, розовая, какъ самый нѣжный кораллъ. Бабочка бережно поставила свою спутницу у настежь открытыхъ воротъ этого невѣдомаго замка. Въ воздухѣ разливался незнакомый пряной ароматъ; высокія стройныя пальмы плавно качались на своихъ тонкихъ стволахъ; сѣренькія обезьянки гнались въ перегонку, добираясь до золотистыхъ банановъ. Птицы съ радужными перьями порхали и весело щебетали, перекликаясь между собою. Вѣтки баньяна отражались въ широкомъ прудѣ, куда пришли на водопой могучіе тяжеловѣсные слоны. Набирая воду въ хоботъ, они забавлялись пусканіемъ струи, которая, какъ фонтанъ, взлетала на воздухъ; тутъ-же цвѣла величественная Victoria Regia.

Въ концѣ аллеи, на самыхъ высокихъ вѣерообразныхъ пальмахъ, цѣпляясь своими темными крыльями, дремали летучія лисицы. У дѣвочки разбѣжались глаза отъ этого великолѣпія. Дойдя до дворца, она робко постучала въ дверь; ее открыли люди съ бѣлоснѣжными чалмами, какъ-будто вылитые изъ бронзы, въ одеждахъ, вышитыхъ брилліантами и рубинами. Поклонившись ей до земли, они ввели ее въ

круглый павильонъ, гдѣ зеркальныя стѣны сверкали драгоцѣнными камнями. Въ большомъ ониксовомъ бассейнѣ били благоухающіе фонтаны. Служанки съ миндалевидными глазами, темными, какъ тропическая ночь, принесли богатую одежду. Черноглазую дѣвочку облачили въ парчевый хитонъ, шитый жемчугомъ, и надѣли на ея головку корону. Пажи, похожіе на канареекъ, въ черныхъ курточкахъ, взяли ея шлейфъ; въ сопровожденіи блестящей свиты, она отправилась на пиръ.

Въ громадной залѣ съ хрустальными колоннами, обвитыми бенгальскими розами, былъ накрытъ столъ покоемъ; на блюдахъ изъ чеканнаго золота, въ видѣ лебедей, были разставлены всевозможныя явства. Лангусты съ пунцовыми лапками лежали возлѣ фазановъ съ пестрыми хвостами; шарообразные, какъ головы негровъ, трюфеля пристально смотрѣли на пухленькихъ, голубоглазыхъ поросятъ, бѣлыхъ, какъ вершины Гималая. Въ серебряныхъ корзинкахъ, утопающихъ среди жасминовъ, янтарныя манги презрительно сторонились отъ бархатистыхъ персиковъ и тяжелыхъ кистей фіолетоваго винограда; благоуханіе цвѣтовъ, ласкавшихъ взоръ, наполняло воздухъ. Въ большихъ золотыхъ клѣткахъ лѣниво качались лазоревые попугаи и райскія птицы. Невѣдомо откуда доносились звуки арфъ; попарно, съ глубокими поклонами, входили многочисленные гости. Среди нихъ дѣвочка узнала многихъ старыхъ знакомыхъ. Принцесса Горошина шла подъ руку со Степкой-

Растрепкой, который даже и здѣсь не потрудился причесаться. Маша-Разиня спорила съ Алладиномъ, но все же онъ не забылъ захватить свою лампу. Русланъ и Людмила выдѣлялись своей величественной, непринужденной осанкой. Да всѣхъ и не перечесть! Кого, кого тутъ небыло, даже M-lle Pauline попала, но почему-то была одѣта въ восточный костюмъ и все время улыбалась.

Черноглазую дѣвочку посадили на почетное мѣсто; ей все время предлагали любимыя блюда. Дома ее бранили, если она брала лишнюю конфету, а тутъ она царила: всѣ безпрекословно исполняли ея приказанія, даже M-lle Pauline. Она не могла понять, въ какую страну попала, такъ какъ дома обычаи были совсѣмъ иные. Но все-же ей было грустно, почему — она сама не знала.

Вдругъ прибѣжалъ взволнованный рабъ и объявилъ, что какой-то бѣдно одѣтый мальчикъ просилъ разрѣшенія переночевать; его, конечно, прогнали. Изъ глазъ дѣвочки покатились крупныя слезы; она вспомнила о Реми, который, какъ этотъ нищій, одиноко бродилъ по бѣлу-свѣту, и угрызенія совѣсти, что она его забыла, начали ее мучить. Она стала умолять, чтобы его пригласили на пиръ. При видѣ ея слезъ всѣ пали ницъ, — первая M-lle Pauline; столь раболѣпное поведеніе строгой гувернантки ее немного утѣшило; затѣмъ ей доложили, что сейчасъ нищій придетъ. Въ дверяхъ показался мальчикъ, одѣтый савояромъ. Взглянувъ на него, дѣвочка узнала

Реми, бросилась къ нему на шею къ великому изумленію всего двора. Онъ ей сказалъ, что теперь всѣ его несчастія кончились — онъ нашелъ свою семью; но раньше, чѣмъ вернуться домой, онъ хотѣлъ поблагодарить черноглазую дѣвочку, такъ его пожалѣвшую.

Они тутъ же рѣшили жениться, но для этого надо было получить согласіе ея мамà.

Конечно, это очень трудно — ея мамà морская царевна и, вѣроятно, живетъ на днѣ океана, но все же они постараются ее найти. «Какъ взрослые глупы,» — подумала дѣвочка, — «они утверждаютъ, будто не все въ сказкахъ вѣрно, а на дѣлѣ совсѣмъ обратное.»

Она уже привыкла повелѣвать и заявила, что поѣдетъ съ Реми къ своей мамà — морской царевнѣ. Опахало изъ павлиныхъ перьевъ, которымъ она обмахивалась, упало на полъ: величественнымъ жестомъ она указала на него рабынѣ, съ лицомъ M-lle Pauline, и та безропотно подняла.

Уже темнѣло. Дѣвочка и Реми вышли на террасу. Серебристыя волны океана плескались о мраморныя ступени. Съ ближайшаго островка поднялась фигура морской царевны, которая манила ихъ къ себѣ; къ террасѣ подплыла жемчужная ладья, съ алымъ парусомъ, въ которую они усѣлись ...

Коралловый замокъ исчезъ. Они приближались къ острову, гдѣ жила морская царевна; но вдругъ съ ужасомъ увидѣли огромнаго кита, плывшаго прямо на нихъ съ разинутою пастью:

волна ихъ захлестнула и сорвала мачту. Ладья накренилась; черноглазая дѣвочка поняла, что они погибаютъ. Все покрылось мракомъ; она съ крикомъ уцѣпилась за своего маленькаго спутника, чтобы его спасти. Въ это самое мгновеніе, она услыхала знакомый непріятный голосъ и, открывши глаза, увидѣла передъ собой серьезное лицо M-lle Pauline, строго спрашивавшей, кто это открывалъ вчера книжный шкафъ. Она хотѣла-было возразить, что она царица, а M-lle Pauline презрѣнная раба, но та держала въ рукѣ вещественное доказательство ея преступленія — ночную туфлю изъ краснаго сафьяна. Чудные замки, въ которыхъ она витала, разсѣялись, какъ дымъ; осталась одна горькая дѣйствительность и M-lle Pauline.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

Готовились къ отъѣзду. Дѣвочка знала, что они ѣдутъ въ Крымъ, гдѣ тепло и растутъ вкусные фрукты; но особенная радость заключалась въ томъ, что M-lle Pauline оставалась въ городѣ. Она будетъ вдвоемъ со своей красивой мамà, ни въ чемъ ей не отказывающей. Суета была ужасная, горничныя бѣгали съ чемоданами и сундуками и ссорились, — имъ все не хватало мѣста. Мебель была уже въ чехлахъ, вѣрный признакъ, что скоро двинутся въ путь. Дѣвочка рѣшила, что и ей надо подумать объ укладкѣ. Она долго размышляла, какую изъ книгъ взять съ собой въ дорогу: Машу-Разиню или Les Malheurs de

Sophie; объ были проказницы, но все же Маша симпатичнѣе, и выборъ палъ на нее. Дѣвочка съ нетерпѣніемъ ждала отъѣзда; всѣ были заняты и всѣмъ было не до нея. Горничныя, не переставая ворчать, ходили съ заплаканными глазами, считая себя жертвами причудъ барыни: онѣ не допускали, конечно, и мысли, что сами въ чемъ-либо виноваты.

Наконецъ, насталъ давно желанный день. Дѣвочка уже съ утра наполнила подаренную ей мамà дорожную сумку всѣмъ необходимымъ: тутъ былъ карандашъ, записная книжка, нѣсколько катушекъ, которыя она бережно хранила съ прошлаго лѣта, ключъ, неизвѣстно отъ чего, казавшійся ей необходимымъ для поѣздки, и два клапана отъ кармановъ зеленобархатнаго съ розовой подкладкой казакина мамà. Она нѣсколько разъ забѣгала въ буфетную, хотя это было ей строго запрещено, желая освѣдомиться, чтó кладутъ въ дорожную корзину, и уже мечтала о томъ, сколько она съѣстъ холодныхъ цыплятъ и какъ выпроситъ три лишнихъ мармеладины и пьяную вишню въ шоколадѣ.

Поѣздъ уходилъ вечеромъ; какъ ей ни хотѣлось спать — она бодрилась и увѣряла, прощаясь съ M-lle Pauline, что чувствуетъ себя великолѣпно. Ей вдругъ стало жаль разстаться съ этой старушкой, которая ей такъ много читала вслухъ, и она прослезилась. Шумъ и толкотня на вокзалѣ разсѣяли ея мысли. Дѣвочка старалась держаться непринужденно — какъ взрослая,

какъ-будто все ей давно знакомо, и въ тоже время исподтишка все подмѣчала. Ее посадили въ купэ; на платформѣ, въ сѣромъ костюмѣ и шляпѣ съ воробьиными крылышками, красивая мамà весело разговаривала со знакомыми, провожавшими ее. Услыхавъ звонокъ, наша дѣвочка ужасно перепугалась, не зная, что ихъ цѣлыхъ три, и подумала, что поѣздъ тронется безъ мамà; наконецъ, та пришла. Дѣвочка ее забрасывала вопросами, настаивала на объясненіи всѣхъ подробностей путешествія и болтала безъ умолку. Но усталость взяла свое и, подъ мягкую качку вагона, она заснула сладкимъ сномъ.

Въ первый день ей было очень весело, но вскорѣ ея дѣтская душа пережила первое недоумѣніе передъ загадками жизни. На какой-то станціи въ вагонъ вошло двое людей, изъ которыхъ одинъ, съ блуждающимъ взоромъ, размахивалъ руками и говорилъ очень громко, несмотря на увѣщанія своего спутника. Вскорѣ пришелъ кондукторъ и, запирая отдѣленіе, сказалъ: «вы не пугайтесь, сударыня, рядомъ докторъ везетъ сумасшедшаго въ Харьковъ; сейчасъ онъ долженъ немного погулять по коридору. Для вашего спокойствія, я закрою отдѣленіе на ключъ.»

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ послышались два голоса, одинъ сдержанный и ровный, другой — возбужденный, громко кричавшій:

— Я — царь и требую, чтобы меня выпустили! Какъ вы смѣете ослушиваться, куда вы меня

везете? Я вамъ не давалъ этого права, я вамъ приказываю повиноваться!

Дѣвочка вся съежилась, прижавшись къ матери. Шаги въ коридорѣ не стихали; всѣ уговоры врача не успокоили несчастнаго умалишеннаго. Наконецъ, кондукторъ отперъ дверь, но больной ѣхалъ въ сосѣднемъ отдѣленіи и черезъ стѣну доносились то угрозы, то просьбы. Подъ утро онъ, видимо, уснулъ, такъ какъ наступила тишина.

Вотъ показался свѣтлый вокзалъ станціи N., гдѣ всѣ вышли и бросились къ буфету. Въ залѣ перваго класса стояли двѣ дамы, старая и молодая въ траурѣ, съ заплаканными глазами, студентъ и пожилой полковникъ. Они окружили молодого человѣка съ русой бородкой, который, размахивая руками, дико озирался и кричалъ: «я — царь! я требую, чтобы вы меня выпустили и сказали, куда меня ведете.» Онѣ его обнимали, старшая говорила:

— Коля, неужели ты меня не узнаешь, я же твоя мама, а вотъ твоя сестра, Таня.

Въ его глазахъ какъ будто появился проблескъ сознанія, но это длилось одно мгновеніе, онъ ее рѣзко оттолкнулъ и сказалъ:

— Я — царь, какъ вы смѣете мнѣ докучать.

Женщина съ плачемъ упала въ объятія дочери. Вокругъ нихъ собралась толпа любопытныхъ. Но звонокъ напомнилъ пассажирамъ, что времени терять нечего.

Дѣвочка какъ-то притихла, ей было жаль и въ то же время страшно, — вдругъ этотъ моло-

дой человѣкъ вернется. Какой онъ странный, подумала она. Какъ только она закрывала глаза, онъ ей мерещился, умоляя ее:

— Пожалѣй меня, черноглазая дѣвочка, вѣдь и я былъ когда-то веселымъ, златокудрымъ мальчикомъ. —

Вотъ, наконецъ, и Севастополь. Погода стояла чудная. По бульварамъ гуляли моряки и дамы въ свѣтлыхъ платьяхъ, въ шляпахъ съ большими полями. Всѣмъ, казалось, было весело. Но дѣвочка не успѣла разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ: поѣздъ опоздалъ, до отхода парохода оставалось мало времени.

Въ бухтѣ былъ полный штиль и наша дѣвочка уже предвкушала всѣ прелести морского путешествія. Она себя чувствовала нѣкоторымъ образомъ героиней, ѣдущей бороться со стихіей. Воображеніе рисовало самыя ужасныя кораблекрушенія, въ которыхъ она играла первенствующую роль, спасая погибающихъ. Но вскорѣ качка стала усиливаться и кто-то сказалъ: ночь будетъ не изъ пріятныхъ.

Проснувшись подъ утро, дѣвочка хотѣла было, по обыкновенію, вскочить съ кровати, но у нея кружилась голова. Мамà лежала блѣдная, почему-то даже ея не поцѣловала, и смотрѣла какимъ то стекляннымъ взоромъ. Отовсюду доносились оханье и бѣготня. Пріоткрывши дверь, она не могла себѣ уяснить, почему всѣ сердиты, растрепаны, имѣютъ лица съ зеленоватымъ оттѣнкомъ, валяются на диванахъ и никто никого не жалѣетъ? Сквозь иллюминаторы рисовалась

въ голубой дали, у подножья горъ, Ялта. Надо было одѣваться, но никто объ этомъ и не думалъ. Вдругъ все закружилось, въ глазахъ потемнѣло, камень подступилъ къ горлу и ей стало дурно. Когда она очнулась, ей объяснили, что это бытъ приступъ морской болѣзни. Затѣмъ качка вдругъ прекратилась, они стояли на якорѣ. Ввалились носильщики, и она, крѣпко уцѣпившись за мама̀, сошла съ парохода. У мола было много четырехмѣстныхъ, плетеныхъ съ парусиновыми зонтиками колясокъ и кучеровъ, въ бѣлыхъ армякахъ съ серебряными поясами и въ черныхъ барашковыхъ шапкахъ. Усѣвшись въ такой экипажъ, они поѣхали вдоль живописной набережной, кипѣвшей народомъ. Дѣвочка съ любопытствомъ озиралась. Вотъ, какое-то строеніе на морѣ; мама̀ ей объяснила, что это кондитерская, гдѣ пьютъ чай и кушаютъ пирожки. Мелькали дамы и кавалеры, ѣдущіе верхомъ, въ сопровожденіи смуглыхъ татаръ въ шитыхъ серебромъ бешметахъ. Наконецъ, экипажъ остановился у большого сада, въ которомъ были разбросаны деревянныя дачи съ верандами, обросшими лиловыми глицинами.

Дѣвочка воспользовалась общей суматохой, чтобы незамѣтно ускользнуть и побродить по тѣнистымъ аллеямъ. Она никогда не видѣла столько цвѣтовъ и съ недоумѣніемъ останавливалась передъ каждымъ кустомъ. Влѣзши на сосѣдній заборъ, она долго не могла оторваться отъ чуднаго вида, хотя ясно слышала, что ее зовутъ. Въ окнѣ фотографа былъ выставленъ снимокъ во

весь ростъ какой-то дѣвочки, ея лѣтъ, въ черкескѣ и бѣлой папахѣ, съ буркой, небрежно брошенной на одно плечо; она стояла на скалѣ и задумчиво глядѣла въ даль. Это показалось нашей дѣвочкѣ настолько красивымъ, что она рѣшила когда-нибудь прогуляться совершенно также, но конечно, никому объ этомъ не скажетъ.

Вернувшись домой съ самымъ невиннымъ видомъ, она застала мама̀, бесѣдующею съ какой-то странной фигурой, которую звали Иваномъ Ивановичемъ. Онъ очень походилъ на Донъ-Кихота изъ книги въ шкапу у папа̀, только, вмѣсто латъ, на немъ былъ клѣтчатый костюмъ и шляпа съ широкими полями. Онъ почему-то строго взглянулъ на нее. Вѣроятно, онъ очень важный, подумала она, такъ какъ слыхала, какъ онъ разсказывалъ мама̀, что недавно получилъ письмо, адресованное просто — Ялта, Ивану Ивановичу.

Онъ ей подарилъ коробку конфектъ, но все же онъ не нравился.

Мама̀ заявила, что съ завтрашняго дня онѣ будутъ купаться въ морѣ. Ахъ, какая радость, хотя мысль о морѣ казалась немного страшной, послѣ морской болѣзни. Когда она объ этомъ напишетъ Катѣ, той станетъ безумно завидно: вѣдь Катя не только никогда не купалась, но даже не видѣла моря.

Купили туфли и отправились въ купальню. Въ водѣ плескалось много дамъ и барышень. Толстыя, тонкія, блѣдныя, смуглыя, однѣ взвизгивали отъ удовольствія, когда ихъ обкаты-

вала волна, другія, болѣе тяжеловѣсныя, не отходили отъ ступенекъ и охали, какъ въ церкви на панихидѣ (наша дѣвочка разъ присутствовала на панихидѣ съ горничной, когда у M-lle Pauline болѣли зубы; тогда поминали покойника, и присутствующіе охали точь въ точь, какъ теперь). Вотъ какая-то некрасивая особа, дрожавшая отъ холода, со съѣхавшимъ на бекрень чепчикомъ, почему-то вступила въ разговоръ съ мамà. Батюшки-свѣты! это — Марія Петровна, а дѣвочка-то ее и не узнала, она всегда такая нарядная и красивая, а если разобрать, такъ даже M-lle Pauline — лучше. Вообще, міръ взрослыхъ сложенъ и непонятенъ. Когда всѣ эти дамы гуляютъ по набережной, онѣ напоминаютъ картинки изъ модныхъ журналовъ, которыя она такъ часто раскрашиваетъ, а здѣсь онѣ совсѣмъ похожи на обезьянъ въ Зоологическомъ саду. Эти размышленія были прерваны мамà, которая окунула ее въ воду. Какъ это было ужасно, она глотала солено-горькую воду, ей было и холодно, и жутко. Слава Богу, это мученіе длилось недолго; когда ее послѣ спросили, какъ ей нравятся морскія купанія, она гордо отвѣтила — чудесно!

Насталъ день ея имянинъ. Ей подарили большую корзинку, обвитую цвѣтами и наполненную золотистыми сливами и синимъ виноградомъ. Усѣвшись на террасѣ, она принялась за фрукты и черезъ часъ, когда пришла мамà, корзинка была уже пуста. Опасаясь выговора, она уткнулась въ книгу и осталась неподвиж-

ной. Но скоро ей стало грустно, и такъ нехорошо, что она сама попросилась спать. Позже явился докторъ, вслѣдъ за нимъ касторка. Вотъ тебѣ и имянины, — повторяла она, плача навзрыдъ при видѣ большой столовой ложки съ ненавистнымъ лѣкарствомъ, которое она заѣдала земляничнымъ вареньемъ. Въ довершеніе всего, ее посѣтилъ Иванъ Ивановичъ, сказавшій, что въ другой разъ онъ ее возьметъ къ себѣ. А онъ не шутитъ, да и какъ же можетъ шутить человѣкъ, которому прямо пишутъ — Ялта, Ивану Ивановичу!

. . . .

Ея единственный и самый лучшій другъ былъ старый Селаметъ, служившій въ юности у бабушки. Теперь онъ бѣлъ, какъ лунь, и живетъ въ домикѣ на горѣ. Онъ ей часто приносилъ румяныя гранаты и разсказывалъ чудныя сказки, какихъ она никогда не читала и не слыхала. Она всегда была одного мнѣнія съ нимъ, за исключеніемъ вопроса о кизиловомъ вареньѣ. Онъ ей ни въ чемъ никогда не отказывалъ. Ея любимымъ занятіемъ было бѣгать за бабочками, и хотя у нея была новая сѣтка изъ голубой марли, ей никогда не удавалось ихъ поймать. Вотъ, кажется, бабочка въ сѣткѣ, а какъ приглядишься, и слѣдъ простылъ. Одинъ Селаметъ ее жалѣлъ и понималъ, какъ это обидно и унизительно.

Впервые за всю свою жизнь она побывала на кладбищѣ. Надо было ѣхать влѣво отъ пристани, на верхушку горы, по старому кварталу.

Издали море казалось темнымъ и блестящимъ, какъ сафиръ въ маминомъ кольцѣ. Дачи выдѣлялись яркимъ пятномъ въ гущахъ зелени и цвѣтовъ, на фонѣ розовыхъ горъ. На кладбищѣ было такъ хорошо: безконечная аллея кипарисовъ развѣтвлялась во всѣ стороны; вокругъ могилъ благоухали чудные цвѣты. Когда дулъ вѣтерокъ, онъ былъ насыщенъ ароматомъ, какъ огромный букетъ. Мама̀ опустилась у могилы съ мраморнымъ крестомъ и сказала: «тутъ похоронена бабушка», и долго молилась. Дѣвочка послѣдовала ея примѣру, но скоро ей стало скучно. Она не знала бабушки и не могла по ней плакать, стала считать камушки и очень обрадовалась, когда мама̀ встала и онѣ отправились домой.

По ихъ улицѣ проѣхала коляска, въ которой сидѣли двѣ дамы. У одной, съ большими задумчивыми глазами, были распущены черные, какъ смоль, волосы; на ней была шляпа съ длинной вуалью. Мама̀ пояснила, что это сербская королева Наталія. Дѣвочка не знала, что̀ за страна Сербія, но сдѣлала, конечно, видъ, будто знаетъ.

Недолго ей пришлось гулять на свободѣ. Скоро онѣ должны ѣхать въ Петербургъ, гдѣ, по словамъ мама̀, ей возьмутъ англичанку. Надо объ этомъ поговорить съ Селаметомъ: лучше-ли быть во власти M-lle Pauline, или подъ началомъ незнакомой англичанки? Ужъ онъ-то дастъ ей добрый совѣтъ.

ВЪ ПАНСІОНѢ M-lle ТРУБА

Подъѣзжали къ Петербургу. Дождь барабанилъ въ окна вагона; сквозь сѣрый туманъ смутно обрисовывались очертанія Николаевскаго вокзала. Какъ было холодно и неприглядно послѣ солнечнаго юга! По Невскому куда-то торопились хмурые люди; извозчики въ поношенныхъ армякахъ нахлестывали понурыхъ лошаденокъ. Сѣдоки-то укроются отъ ненастной погоды, а они, бѣдные, обязанные принести выручку хозяину, будутъ до глубокой ночи сидѣть на мокрыхъ козлахъ. Черноглазой дѣвочкѣ было жаль извозчиковъ, она рѣшила поговорить со Степанидой, ихъ поломойкой. Можетъ быть, среди ея знакомыхъ есть и извозчики, потому что она сама бѣдная. Но надо это сдѣлать такъ, чтобы гувернантка не замѣтила: ей ужасно надоѣли вѣчные выговоры, что, молъ, приличныя дѣвочки не бѣгаютъ въ буфетъ, зря, и не болтаютъ съ прислугой.

Дома она съ радостью бросилась къ своему шкапу съ книгами и, конечно, совершенно забыла объ извозчикахъ. Всѣ были заняты распаковкой, она дѣлала, что хотѣла. Какъ было бы хорошо, если бы раскладывали и укладывали вещи ежедневно.

Вдругъ мама̀ позвала ее въ гостиную, гдѣ сидѣла высокая, худая дама въ траурѣ, съ грустнымъ выраженіемъ лица.

— Вотъ, ваша маленькая воспитанница, — сказала мамà.

Дѣвочка вспомнила свою бесѣду съ Саламетомъ: жаль, что нельзя съ нимъ подѣлиться своей печалью. Отчего всѣ гувернантки сердитыя, грустныя и въ траурѣ, — подумала она.

Чтобы утѣшиться, дѣвочка вынула басни Лафонтена, размѣромъ чуть не больше, чѣмъ она сама, съ иллюстраціями Дорэ, и стала ихъ разсматривать. Картинка, приводившая ее въ умиленіе, изображала молодую дѣвушку въ средневѣковомъ костюмѣ, прощающуюся съ рыцаремъ; изъ ихъ глазъ капали крупныя слезы. Эта картинка относилась къ баснѣ «Два голубя» и страшно ей нравилась.

Въ дѣтскую пришла англичанка и попросила показать игрушки. Дѣвочка глубоко обидѣлась, ее ставили на одинъ уровень съ какими-то бебешками; она чинно отвѣтила:

— У меня есть куклы, но я давно уже въ нихъ не играю, я люблю только книги, и, конечно, не сказки. —

«M-lle Pauline была несравненно лучше», — подумала она; но, когда миссъ обѣщала ей почитать, она немного утѣшилась.

На слѣдующій день дѣвочка подъ секретомъ сообщила Степанидѣ, что миссъ носитъ трауръ по своей, недавно умершей, воспитанницѣ, дочери адмирала, которую она очень любила.

Имъ обѣимъ было скучно. Желая занять дѣвочку, англичанка давала ей раскрашивать картинки изъ иллюстрированнаго журнала, ко-

торый получала. У дѣвочки появилась новая страсть — играть на роялѣ, чему немного ее научила мама̀; теперь къ ней ходила уже настоящая учительница.

На восьмомъ году, въ жизни дѣвочки случилось крупное происшествіе: ей объявили, что она будетъ ходить въ пансіонъ. Было и лестно, и страшно.

Первый урокъ былъ назначенъ въ понедѣльникъ. Когда она поднималась по лѣстницѣ пансіона, на Екатерининскомъ каналѣ, ея душа замирала; она была готова заплакать. Мама̀ ее представила какой-то полной черной дамѣ съ привѣтливымъ лицомъ и съ усиками, оказавшейся инспектрисой.

Урокъ уже начался. Высокая, тощая особа въ платьѣ изъ чернаго шелка, съ башнеобразнымъ сѣдымъ шиньономъ, въ который былъ вколотъ бантъ, въ черныхъ лайковыхъ перчаткахъ — показывала какія-то удивительныя па неуклюжимъ дѣвочкамъ. Всѣ онѣ были взрослыя, только одна оказалась однолѣткой, — маленькая, кругленькая, въ сѣренькомъ платьицѣ; присутствовалъ еще одинъ маленькій мальчикъ.

На диванахъ, вдоль стѣнъ, сидѣли матери и гувернантки. Дама за роялемъ играла все одинъ и тотъ же мотивъ, а M-lle Кузнецова повторяла: разъ два, разъ два, выдѣлывая па, которое вслѣдъ повторяла вся орава.

Послѣ урока, M-lle Труба позвала ее въ свою гостиную и угостила большой шоколадиной. «Какая она, однако, добрая», подумала дѣвочка.

Вскорѣ она совершенно освоилась съ пансіономъ и какъ-то замѣтила мама̀, что всѣ дѣвочки приносятъ къ четыремъ часамъ бутерброды и другія прелести; дѣвочка умоляла сшить ей форменное коричневое платье съ чернымъ передникомъ. Мама̀ уступила, и въ одинъ прекрасный день счастливая черноглазая дѣвочка наша явилась гордая и радостная въ коричневомъ платьѣ съ бѣлымъ воротничкомъ, въ которомъ ея маленькая голова съ длинной шеей напоминала шею молодой цапли. Но главная радость заключалась въ люстриновомъ передникѣ съ бретелями, совсѣмъ какъ у гимназистокъ. Она набила ранецъ книгами и тетрадями, съ пропускной бумагой, украшенною ленточкою, совсѣмъ какъ у другихъ.

Во время перемѣны, она торжественно открыла свою корзиночку съ голубымъ бантомъ и набросилась на вкусныя вещи, положенныя мама̀. Другія дѣвочки, до сихъ поръ не обращавшія на нее никакого вниманія, переглянулись.

Ее любили здѣсь только учительницы, а воспитанницы всячески выказывали ей свое презрѣніе; ея оскорбленная душа таила это въ себѣ, тщательно скрывая отъ домашнихъ.

На слѣдующій день, во время перемѣны двѣ самыя взрослыя дѣвочки — одну изъ нихъ звали Тамарой — подошли къ ней и ласково сказали:

— Новенькая, не хочешь ли съ нами гулять во время рекреаціи?

«Новенькая» покраснѣла отъ удовольствія и

сконфуженно попросила ихъ скушать что-нибудь изъ ея корзинки.

— Ну, такъ и быть, чтобы тебя не обидѣть, — сказала Тамара, хорошенькая смуглая дѣвочка, лѣтъ двѣнадцати, вѣчно растрепанная, взявъ цѣлую плитку шоколада; ея товаркѣ приглядѣлись пирожки. Черезъ секунду буквально ничего не осталось въ корзинкѣ. Въ вознагражденіе, онѣ, взявъ ее подъ руку, долго ходили взадъ и впередъ по залѣ, болтая между собой. Онѣ совершенно игнорировали черноглазую дѣвочку, но ей было лестно, что она, на которую никто не обращалъ вниманія, вдругъ гуляетъ въ парѣ не съ маленькими, а съ большими; она была готова простить имъ всѣ обиды и отдать все изъ корзинки.

Ежедневно повторялось то же самое, онѣ съ ней ходили подруку и съѣдали все, что она приносила. Ей было скучно и голодно, но удовлетворенное самолюбіе брало верхъ надъ всѣми непріятными переживаніями.

Когда наступили лѣтнія каникулы, она уже умѣла танцовать Pas de quatre и кадриль и, чтобы не отстать отъ другихъ, также презирала всѣхъ новенькихъ, поступившихъ позднѣе ея.

ПЕРВАЯ ИСПОВѢДЬ

Маленькая черноглазая дѣвочка превратилась въ долговязую и неуклюжую. Жила она теперь въ домѣ министерства путей сообщенія. Огромное зданіе это прилегало къ тѣнистому саду. Степа-

нида, дослужившись до должности ея горничной, называла халатъ дипломатомъ, но, наединѣ съ ней, все-же ругалась попросту. Грустная англичанка въ траурѣ была замѣнена другою — веселою, рыжей, которую звали Thèrese. Дѣвочка нѣжно любила ее; сколько эта англичанка знала интереснаго! Она долго жила въ Японіи, у французскаго посла; у нея даже были снимки ея питомицъ въ японскихъ кимоно.

Папà устроилъ для дѣвочки садикъ съ настоящимъ заборомъ и калиткой, которая запиралась на задвижку. Посерединѣ была одна круглая, а вокругъ дорожекъ — продолговатыя клумбы. Здѣсь были всевозможные цвѣты: левкои всѣхъ оттѣнковъ, анютины глазки, душистый горошекъ и даже розы. Она должна была поливать грядки, подметать дорожки; работа, правда, скучная, но, что же дѣлать, безъ нея не было бы и сада.

У нея былъ одинъ врагъ — большой сетеръ папà — Арапка. Сетеръ очень любилъ дѣвочку, да и она тоже къ нему относилась хорошо; вся бѣда заключалась въ томъ, что онъ былъ слишкомъ великъ. Онъ ее поджидалъ на лѣстницѣ и съ радости прыгалъ, клалъ лапы на плечи и сшибалъ съ ногъ. Ей было совѣстно сознаться, что она боится этой собаки, — но, когда она поднималась въ дѣтскую одна, то не шла, а бѣжала стремглавъ, опасаясь встрѣтить ее. Но, какъ на зло, Арапка, услыхавъ дѣтскіе шаги, съ радостнымъ лаемъ бросался навстрѣчу. Когда она, одѣтая въ матросскій костюмъ, ходила гулять съ

Thérese и собакой, то брала съ собой хлыстикъ, чтобы держать въ повиновенiи вѣрнаго пса, — отчего чувствовала себя довольною и взрослой. Ей доставляло особенное удовольствiе, когда городовые, стоящiе на посту близъ министерства, отдавали ей честь, но она старалась это тщательно скрыть, принимая равнодушный, немного ухарскiй видъ.

На большомъ пруду былъ островъ, заросшiй кустами малины и смородины. Паро̀мъ соединялъ его съ министерскимъ садомъ. Большимъ наслажденiемъ было отправляться туда одной и лакомиться сколько-угодно ягодами.

Разъ она страшно обидѣлась; папа̀, никогда ее не бранившiй и всегда державшiй ея сторону, сегодня сдѣлалъ ей выговоръ: она шла на прогулку черезъ большую переднюю; папа̀ провожалъ какого-то старика въ бѣломъ клобукѣ съ брилiантовымъ крестомъ. Дѣвочку это заинтересовало, и, чтобы лучше его разглядѣть, она остановилась. Когда старецъ сѣлъ въ экипажъ, папа̀ сдѣлалъ ей замѣчанiе: отчего она не подошла подъ благословенiе митрополита Iоанникiя и не поцѣловала ему руку?

— Какъ родители несправедливы, — подумала наша дѣвочка, — вѣдь, она никогда съ митрополитомъ не встрѣчалась и не разговаривала, откуда же ей было знать, какъ съ нимъ обращаться? Надувшись, считая себя жестоко оскорбленной, она пошла къ себѣ наверхъ.

Вообще, ей не везло: она такъ полюбила этотъ домъ, а мама̀ сказала, что они скоро переѣдутъ въ

другой, гдѣ нѣтъ ни сада, ни терассы; тамъ она начнетъ серьезно учиться.

Ей очень хотѣлось имѣть бонбоньерку изъ краснаго клѣтчатаго атласа, которую она видѣла въ окнѣ у Rabon на Невскомъ; какъ только она пойдетъ съ папа̀ гулять, непремѣнно попроситъ его купить ей эту бонбоньерку, что, однако, скроетъ отъ мама̀. Надо будетъ искусно навести разговоръ на эту тему. Однажды папа̀ взялъ ее съ собой. Она старалась итти въ ногу, но это было трудно, — онъ такой высокій, шаги его такіе длинные. Дошли до Невскаго; въ окнѣ кондитерской она указала папа̀ на бонбоньерку и, тяжело вздохнувъ, сказала: «Какая она красивая! когда я буду большая, непремѣнно куплю себѣ такую».

Папа вошелъ и купилъ. «Какая я умная, — подумала дѣвочка, — я его перехитрила, сказала это нарочно, а онъ не догадался».

Она очень любила гулять съ отцомъ. Бывало, идутъ они по Морской, вдругъ замѣтятъ мама̀; папа̀ схватитъ дѣвочку за руку и давай бѣжать въ обратную сторону. Мама̀ спѣшитъ за ними и громко зоветъ: «Сережа, вернись», а они уже на противоположномъ тротуарѣ. Подъ конецъ, мама̀ ихъ догоняетъ.

Теперь она уже была большая, ей минуло десять лѣтъ, а, если взять десять разъ десять, получится цѣлое столѣтіе. Ариѳметику она терпѣть не могла и удивлялась, къ чему это учатъ. Вотъ Степанида, слава Богу, уже не молодая, а существуетъ безъ этой науки, и была бы совсѣмъ

хорошая, еслибы вѣчно не ворчала, и не говорила всѣмъ «ты». Напримѣръ, вчера подошла къ мамà и сказала по порученію папà: «Иди, онъ тебя зоветъ». Мамà разсмѣялась, ничуть не разсердилась.

Наконецъ, они переѣхали въ министерство финансовъ. Какъ казалось уныло послѣ чуднаго дома съ колоннами, гдѣ жилось, какъ въ усадьбѣ, и гдѣ она могла бродить одна по аллеямъ! Сидя на скамьѣ въ своемъ садикѣ, она давала полный просторъ своему воображенію, переживала безконечныя сказки, въ которыхъ всегда являлась героиней. А здѣсь, среди этой амфилады залъ, съ видомъ на мутную Мойку, она себя чувствовала потерянной. Ея помѣщеніе было совсѣмъ въ сторонѣ. Единственно, что ее радовало, это комната съ плитой, прилегавшая къ ванной, въ которой жила Степанида. Можно будетъ печь пироги къ чаю, по рецепту англійской книги миссъ.

Скоро дѣвочка должна будетъ начать занятія съ новой учительницей, Вѣрой Иннокентьевной Авдѣевой. Мамà сказала, что она очень милая.

Приготовившись къ уроку, дѣвочка съ нетерпѣніемъ ее ожидала. Въ комнату вошла худая, сухая, черномазая особа среднихъ лѣтъ съ лицомъ цвѣта печенаго яблока, съ сильно выдающимися скулами, со ртомъ горкой и съ узкими глазами, какъ у китаянки. Ея волосы съ прямымъ проборомъ были туго зачесаны назадъ и заложены косой. Она говорила ровнымъ, дѣло-

витымъ голосомъ и рѣдко улыбалась; вообще, дѣвочкѣ она очень не понравилась.

Она сразу велѣла приняться за чистописанiе, за самое ненавистное для дѣвочки занятiе, и не позволяла болтать во время урока. А мамà и папà неизвѣстно почему, очень благоволили къ Вѣрѣ Иннокентьевнѣ. Странный у нихъ вкусъ, ей Богу. Зато учительница музыки была душка: веселая, нарядная, болтала, какъ мельница, выбирала всегда такiя красивыя пьесы; и имя у нея было славное — Нина Павловна, не то, что Вѣра Иннокентьевна. И какъ это можетъ прiйти въ голову назвать сына — Иннокентiемъ!

Дни шли гладко и однообразно. Ей подарили ящикъ съ настоящими акварельными красками, были даже двѣ раковины съ золотой и серебряной краской. Кромѣ того мамà дала для раскрашиванiя цѣлую кипу модныхъ журналовъ; въ будни не хватало времени за это взяться, то урокъ, то прогулка. Къ счастью, приближался праздникъ. Стояли Крещенскiе морозы, и мамà сказала Thèrese, что, если завтра будетъ очень холодно, дѣвочка должна остаться дома. Вотъ нежданная радость, — она тотчасъ намѣтила, какiя картинки будетъ раскрашивать. Когда она утромъ проснулась, Thèrese ей заявила, что до завтрака онѣ пойдутъ гулять, такъ какъ нѣтъ десяти градусовъ. Дѣвочка страшно разозлилась, стала топать ногами и наотрѣзъ отказалась одѣваться. Thèrese не могла съ нею справиться и пошла за матерью. Дѣвочка въ своей длинной ночной рубашкѣ выбѣжала изъ комнаты и, съ

вызывающимъ видомъ, усѣлась въ голубой гостиной, подъ портретомъ Екатерины Великой. Пришла мама̀, стала уговаривать, сначала ласково, потомъ грозя наказаніемъ, но ничто не помогало. На помощь позвали папа̀, а она сидитъ себѣ, какъ вкопанная, и заявляетъ: «я гулять не пойду и отсюда не уйду».

Когда же ее стали одѣвать насильно, она такъ начала кричать, что можно было подумать, что ее рѣжутъ. Но все же, подъ конецъ, ее облекли въ шубку и гамаши и вывели на улицу. Ей было стыдно и обидно, но, изъ упрямства, она продолжала твердить свое: ей обѣщали, что она останется дома.

Часто приходилъ къ обѣду старый другъ родителей, князь Тумановъ. У него были круглые, страшные глаза; онъ всѣхъ увѣрялъ, что дѣвочка его невѣста и лѣзъ цѣловаться. Она же никогда ему не обѣщала выйти за него замужъ, тѣмъ болѣе, что, вообще, была влюблена въ совсѣмъ другого.

Ее немного пугало, что папа̀ ей однажды сказалъ: если она не будетъ слушаться, ей зашьютъ глаза, которые слишкомъ велики и напоминаютъ плошки. А вдругъ это правда!

На Марсовомъ полѣ открылись балаганы. Вмѣстѣ съ Thèrese онѣ поѣхали туда поглазѣть, — но, увы, мама̀ не позволила выходить изъ ландо. Дѣвочка никакъ не могла себѣ уяснить, какъ люди не вылетаютъ изъ этихъ подвѣшенныхъ коробокъ, которыя переворачиваются съ такой быстротой? Марсово поле напоминало бушующее

море. Волны людей передвигались подъ гулъ гармоникъ, шарманокъ и оркестровъ. Карусели вертѣлись съ невѣроятной скоростью, разносчики предлагали пряники всевозможныхъ размѣровъ и узоровъ. Но она, увы, смотрѣла лишь издалека, завидуя тѣмъ дѣтямъ, которыя принимали участіе во всѣхъ этихъ развлеченіяхъ. Миссъ была въ ужасѣ — все это ей казалось чудовищнымъ, варварскимъ, источникомъ всякой заразы.

Начался Великій постъ; мама̀ ей какъ-то сказала, что она уже большая и пойдетъ на первую исповѣдь. Въ состояніи ли она будетъ запомнить всѣ свои прегрѣшенія, а вѣдь ихъ много. Все это было такъ неожиданно и непріятно, что она рѣшила лучше объ этомъ не думать. Зато съ какимъ удовольствіемъ она ѣла постное. Всякія рыбныя закуски, фаршированная рѣпа, рисъ съ грибами — одно объяденіе! Но все же страшная минута, какъ грозовая туча въ ясный лѣтній день, надвигалась.

Вѣра Иннокентьевна сказала ей, что раньше, чѣмъ итти въ церковь, она должна у всѣхъ просить прощенія. Это ей было крайне непріятно. Ее обижали, а не она обижала! а тутъ еще изволь просить прощенія. Но ничего не подѣлаешь. Скрѣпя сердце, она обошла всѣхъ, хотя считала это несправедливымъ.

Говѣли въ Почтамтской церкви. Когда діаконъ объявилъ, что желающія исповѣдываться должны подождать, ее, отъ страха, стало бросать то въ жаръ, то въ холодъ. Всѣ прикладывались къ

образамъ, клали земные поклоны. Въ церкви погасили люстру; при мерцаніи свѣчей у иконостаса, лики святыхъ сдѣлались вдохновенными; золотыя ризы сверкали неземнымъ блескомъ. Дѣвочка все время думала о своихъ грѣхахъ, стараясь также не забыть молитвъ, которыя ее можетъ спросить священникъ. Вдругъ она услышала мягкій голосъ мама̀, говорившій ей: «иди, дѣточка, не бойся». За ширмой, у аналоя стоялъ старичекъ въ лиловой рясѣ; онъ спросилъ, какія она знаетъ молитвы и слушается-ли старшихъ? Когда она стала каяться въ своихъ грѣхахъ, онъ покрылъ ей голову епитрахилью, прочелъ молитву, и, благословивъ, ласково отпустилъ. Она вышла совсѣмъ растроганная; чувствовала себя хорошо и радостно, только ужасно боялась какъбы не согрѣшить дозавтра. Она твердо рѣшила вести себя безукоризненно, — если, конечно, Вѣра Иннокентьевна не будетъ ее слишкомъ притѣснять.

На слѣдующій день она надѣла красивое бѣлое платье съ голубымъ кушакомъ, чтобы ѣхать къ причастію. Въ церкви былъ у всѣхъ нарядный видъ. По одну сторону стояли дамы въ свѣтлыхъ платьяхъ, по другую мужчины въ парадной формѣ. Служба была торжественная. Пѣвчіе пѣли стройно; вообще, чувствовалось какое-то приподнятое настроеніе. Передъ дѣвочкой стояли двѣ дамы, одѣтыя по послѣдней модѣ; онѣ перешептывались между собой по французски:

— Est ce que vous allez demain chez Zizi, il y a un grand diner?

— Oui.

— Que mettez vous?

— Moi, ma robe de chez Brisac...

«Паки, паки міромъ Господу помолимся» — загудѣлъ густымъ басомъ діаконъ.

Одна изъ дамъ, глубоко вздохнувъ, подняла глаза къ небу и быстро начала креститься.

Дѣвочка съ ужасомъ на нихъ посмотрѣла и, неизвѣстно почему, ее потянуло въ Казанскій соборъ, въ которомъ она была разъ съ Вѣрой Иннокеньтевной; тамъ не было нарядныхъ барынь, болтающихъ во время службы по-французски.

Когда она, послѣ причастія, вернулась домой, всѣ ее поздравляли, въ томъ числѣ и старые курьеры, которыхъ она встрѣтила на лѣстницѣ. Даже Вѣра Иннокентьевна улыбалась и разсказывала много интереснаго изъ своей жизни въ институтѣ.

«Все-таки пріятно быть большой, когда съ вами разговариваютъ, какъ съ равной», — подумала дѣвочка, ложась вечеромъ спать, полная лучшихъ намѣреній.

ЛѢТО

Разъ, возвращаясь съ прогулки, миссъ и дѣвочка не могли понять, что случилось. Вся набережная Мойки была запружена народомъ. Не пожаръ ли? Навстрѣчу къ нимъ бѣжалъ взъерошенный курьеръ: «скорѣй, барышня, идите, по всему городу васъ ищутъ, у министра

отецъ Іоаннъ Кронштадтскій; васъ спрашивали, а васъ и нѣту.» Съ трудомъ протолкавшись черезъ толпу, она увидѣла у подъѣзда карету и раньше, чѣмъ могла опомниться, какія-то руки ее подняли на воздухъ и втолкнули въ экипажъ, гдѣ уже сидѣлъ отецъ Іоаннъ Кронштадтскій. Онъ ее благословилъ, и она опять очутилась въ подъѣздѣ. Терезу выбранили за то, что она ушла съ ней гулять, когда надо было оставаться дома.

Дѣвочка злилась, что нарушили ея обычную жизнь и что изъ-за совсѣмъ незнакомаго ей отца Іоанна сдѣлали выговоръ миссъ, къ которой она успѣла привязаться.

Въ маѣ мѣсяцѣ мамà заявила, что черезъ нѣсколько дней они переѣдутъ на дачу, на Елагинъ островъ. Дѣвочка очень обрадовалась, въ особенности, когда узнала, что тамъ есть большой садъ съ качелями и гигантскими шагами.

Это былъ одинъ изъ дворцовыхъ флигелей. Въ другомъ, совершенно такого же размѣра, жилъ старый господинъ, Михаилъ Николаевичъ Островскій, который мрачно гулялъ по аллеямъ; ей сказали, что онъ бывшій министръ земледѣлія и братъ драматурга.

Какъ все здѣсь казалось уютнымъ и веселымъ послѣ города! Правда, комнаты были небольшія, но зато залитыя солнцемъ, со старинной краснаго дерева мебелью Александровскихъ временъ, обитою глянцевитою бумажною тканью съ крупными цвѣтами. Передъ маленькой верандой, у дороги, росли кусты сирени. Ихъ было такъ

много, что издали чувствовался ароматъ. Какихъ только не было растенiй и цвѣтовъ въ этомъ дворцовомъ саду! За домомъ, гдѣ ихъ разводили, пестрѣли безконечныя грядки ирисовъ, — бѣлыхъ, черныхъ, синихъ, махровыхъ, — гвоздики и розъ, отъ нѣжночайныхъ до пунцовыхъ бархатистыхъ, съ чернымъ отливомъ. Гигантскiе шаги, трапецiи и качели были поставлены въ глубинѣ сада, у павильона съ колоннами и ступеньками, спускающимися къ Невѣ. Когда вдоволь набѣгаешься, можно было тамъ отдохнуть и полюбоваться пароходами, шныряющими по рѣкѣ. Вода, гладкая, какъ зеркало, начинала волноваться; зеленые ялики, перевозившiе людей, безпощадно качало. Надоѣстъ сидѣть у берега, пойдешь къ воротамъ смотрѣть на публику, которая прiѣзжала кататься на острова. Дни пролетали съ быстротой молнiи. Когда наступала жара, дѣвочка часто уѣзжала съ миссъ въ Удѣльный лѣсъ. Онѣ брали съ собой чай, разныя вкусныя вещи и, расположившись на травѣ, подъ тѣнью большой березы, все съѣдали. Дѣвочка воображала, что она Робинзонъ, строила себѣ шалашъ изъ сухихъ вѣтвей, искала чернику и не хотѣла возвращаться домой.

Здѣсь она впервые узнала, что такое смерть.

Утромъ, папà, какъ всегда, въ 9 часовъ пилъ чай въ столовой и читалъ газеты. Вдругъ вбѣжалъ испуганный лакей, что-то шепнулъ папà, который перемѣнился въ лицѣ и куда-то ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и грустно сказалъ: «знаешь, дѣвочка, бѣдный Петръ

Богу душу отдалъ.» Послѣ того, какъ Петръ помогъ папа̀ одѣться для верховой ѣзды, онъ себя почувствовалъ дурно и раньше, чѣмъ кто-либо могъ ему придти на помощь, умеръ. Онъ служилъ у папа̀ камердинеромъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ, папа̀ его очень цѣнилъ за преданность.

Папа̀ былъ очень удрученъ его смертью. Дѣвочкѣ стало грустно, но не оттого, что она очень любила Петра, — все это было такъ неясно, а поэтому страшно. Почему такъ бываетъ: полчаса тому назадъ Петръ былъ живъ и веселъ, говорилъ, а теперь замолчалъ навсегда, его положатъ въ гробъ, закопаютъ въ землю и скоро совершенно забудутъ, такъ какъ даже не имѣлось его фотографіи. Она читала про смерть въ книгахъ, но никогда никто изъ окружающихъ не умиралъ.

Ее не взяли ни на панихиды, ни на похороны. Но ея мозгъ все время работалъ, стараясь понять непонятное; она невольно какъ-то притихла, не могла ничѣмъ заняться. Ей было жаль осиротѣвшихъ дѣтей Петра, которыя ходили съ заплаканными глазами; хотѣлось имъ сказать что-нибудь ласковое, но застѣнчивость брала верхъ, — такъ она имъ ничего и не сказала.

Вскорѣ послѣ этого къ нимъ пріѣхала гостить ея маленькая двоюродная сестра, и всѣ печальныя думы исчезли изъ ея головы, хотя и оставили нѣкоторый слѣдъ. Всякій разъ, какъ она проходила мимо Старо-Деревенскаго кладбища, она вспоминала умершаго Петра и старалась себѣ уяснить, что онъ теперь чувствуетъ.

22-го были именины Государыни, въ этотъ

день на Елагиномъ играла музыка; вечеромъ весь островъ былъ иллюминованъ.

Дома было тоже празднество: день ангела мама̀. По этому случаю дѣвочкѣ разрѣшили лечь спать позже. Видъ парка былъ совсѣмъ волшебный. Громадные дубы, въ разноцвѣтнытъ, яркихъ фонарикахъ, казались заколдованными. Дѣвочкѣ вспомнились сказки, ей стало страшно. Всю̀ду мерещились какіе-то призраки; когда она легла въ кровать и черезъ занавѣску проскользнулъ лучъ свѣта, ей почудилось, что кто-то стучится въ окно.

Недолго привелось имъ пожить на дачѣ. Мама̀ собиралась въ Виши лечиться и брала дѣвочку съ собой. Это было ея первое путешествіе заграницу. До Вержболово они ѣхали въ роскошномъ вагонѣ. Было такъ весело, у нея было свое собственное купэ, гдѣ она расположилась, какъ дома. На границѣ и начальникъ станціи, и начальникъ таможни все кланялись и вертѣлись около мама̀, стараясь ей угодить.

— Вотъ любезные, — подумала дѣвочка.

Но вскорѣ длинный путь ей надоѣлъ.

Въ Эйдкуненѣ онѣ перешли въ другой вагонъ, попроще. Единственнымъ развлеченіемъ были фрукты и ягоды, которые ей мама̀ покупала на станціяхъ.

Наконецъ, они добрались до цѣли своего путешествія: Виши. Жарко, пыльно, она чуть не прослезилась, вспоминая Елагинъ.

Остановились въ „Hotel des Ambassadeurs". Утромъ дѣвочка уходила съ мама̀, которая пила

воды; ей тоже захотѣлось попробовать: какъ не вкусно, стоило ѣхать такую даль изъ-за этой воды! На прогулкѣ она встрѣчала дѣтей, но они совсѣмъ не походили на тѣхъ, которыхъ она привыкла видѣть въ Россіи. Дѣвочки ея возраста носили длинныя платья, съ короткой таліей, какъ въ книжкахъ Kate Greenaway. Почему-то всѣ онѣ окидывали ее презрительнымъ взглядомъ; странно! По пятницамъ, въ паркѣ на площадкѣ устраивались дѣтскіе балы, ей тоже очень хотѣлось потанцовать. Она была въ новомъ розовомъ платьѣ съ прошивкой и въ большой шляпѣ изъ paille d'Italie съ пышнымъ бантомъ. Вдругъ къ ней подходитъ маленькій мальчикъ съ дѣвочкой, — вѣроятно, чтобы ее пригласить на польку, — и, обращаясь къ ней, говоритъ: «Mademoiselle, эта маленькая дѣвочка поручила мнѣ вамъ сказать, что вы слишкомъ некрасивы, и поэтому никто съ вами не будетъ танцовать». Затѣмъ онъ повернулся и ушелъ. Слезы ей сжимали горло, никто еще ее такъ не оскорблялъ! Во всемъ виноваты мама̀ и миссъ; если бы ее одѣли, какъ другихъ, ей не пришлось бы подвергнуться такому униженію, да еще при всѣхъ. Вернувшись въ гостиницу, она заплакала навзрыдъ и долго не могла утѣшиться.

Вскорѣ она познакомилась съ какой-то дѣвочкой, по имени Jeanne, не обращавшей вниманія на то, какія у нея платья, модныя или нѣтъ. Она разъ предложила кататься верхомъ на осликахъ. Мама̀ разрѣшила и онѣ отправились. Jeanne впереди. Сначало все шло бла-

гополучно, ѣхали шагомъ. Jeanne хлестнула своего осла, и онъ помчался: увидѣвъ это, второй оселъ тоже пустился въ карьеръ. Къ ея несчастью, она потеряла шляпу; мальчикъ-проводникъ побѣжалъ поднимать. Оселъ, почуявши свободу, полетѣлъ, какъ стрѣла. Обхвативши его шею обѣими руками, еле живая отъ страха дѣвочка ничего не видѣла и не соображала. Но, къ счастью, ослу, на которомъ ѣхала Jeanne, заблагоразсудилось остановиться; остановился и второй оселъ. У дѣвочки болѣли, отъ тряски, ноги и спина, и, затѣмъ, ее нельзя было больше заманить на подобную экскурсію. Jeanne надъ ней подтрунивала, что ее еще больше заставило ненавидѣть ословъ.

Разъ она пошла въ Guignol, но вернулась совсѣмъ разочарованная, не находя въ маріонеткахъ ничего забавнаго. Въ три года можно смотрѣть такое представленіе, но не въ десять лѣтъ и цѣлыхъ восемъ мѣсяцевъ. Вообще, Виши отвратительное мѣсто; она съ восторгомъ оттуда уѣхала, купивши чудную брошку для Степаниды и ножикъ для разрѣзанія книгъ, для Нины Павловны, съ надписью Souvenir de Vichy.

ШАЛУНЬЯ

Выпалъ снѣгъ и зима окончательно установилась. Появились сани.

Вѣра Иннокентьевна стала еще болѣе желтою и хмурою. Степанида все ссорилась съ нею, а дни такъ и шли однообразно одинъ за другимъ.

Мама̀ принимала по воскресеньямъ. Разъ дѣвочку позвали въ гостиную, гдѣ было много посѣтителей. Съ нею ласково заговорилъ маленькій старичекъ съ сѣдыми волосами и большимъ носомъ. Спрашивалъ, любитъ-ли она учиться; оказалось, что это графъ Деляновъ, министръ народнаго просвѣщенія; «а, вѣдь, онъ совсѣмъ не страшный», — подумала она. Тамъ же сидѣлъ красивый старикъ съ глубокими глазами и бѣлоснѣжной бородой, который подарилъ ей книжку «Гуттаперчевый мальчикъ». Это былъ самъ авторъ — Григоровичъ. Дѣвочкѣ очень понравился этотъ разсказъ, не менѣе, чѣмъ прочитанная въ дѣтствѣ повѣсть «Безъ семьи».

Какъ ей ни лестно было познакомиться съ извѣстнымъ писателемъ, все же она очень обрадовалась, когда ей разрѣшили вернуться въ свою комнату. Непріятно, когда васъ разсматриваютъ съ головы до ногъ, какъ диковинку. Ее, правда, угощали конфетами, но онѣ какъ-то теряли всю прелесть: второпяхъ, ей не удавалось выбрать любимую, приходилось довольствоваться первой попавшейся.

Вскорѣ она пережила такой страхъ, что жутко даже вспомнить. Она получала теперь цѣлыхъ 50 копѣекъ карманныхъ денегъ въ недѣлю, которыя она тщательно копила, чтобы иногда покупать у Елисѣева жестянку омаровъ въ консервахъ, стоившую цѣлый рубль. Дѣвочка ихъ очень любила, почти, какъ книги. Но, конечно, это держалось въ секретѣ.

Однажды, дѣвочка сидѣла передъ глубокой

тарелкой и съ восторгомъ лакомились запретнымъ блюдомъ; желая продлить наслажденіе, она дѣлала это, не торопясь, и на столько была погружена въ свое занятіе, что совершенно забыла окружающую обстановку. Вдругъ она, — о, ужасъ! — услыхала голосъ мамà. Не успѣла она опомниться, какъ дверь открылась, и мамà вошла въ комнату. Спасенія не было. Дѣвочку вдругъ осѣнило: схвативъ тарелку, она спрятала ее за спиной и, разговаривая съ мамà, все пятилась назадъ, до самаго книжнаго шкапа, и, наконецъ, быстро сунула туда злополучнаго омара. По близорукости, мамà этого не замѣтила; дѣвочка была спасена, но участь ея нѣсколько секундъ висѣла на волоскѣ. Сколько было бы разговоровъ, нравоученій и, что хуже всего, ее навѣрное лишили бы жалованія: тогда она не увидѣла бы больше омаровъ съ уксусомъ, какъ своихъ ушей!

Дѣвочка надняхъ слышала за обѣдомъ, какъ папà разсказывалъ о своихъ дѣтскихъ шалостяхъ. Его очень любилъ и баловалъ его дѣдушка А. М. Фадѣевъ, занимавшій какой-то важный постъ на Кавказѣ. Разъ онъ дѣлалъ служебный объѣздъ и взялъ съ собой внука. Но папà было очень скучно; когда чиновники, ихъ сопровождавшіе, дремали въ экипажѣ, онъ, чтобы разсѣяться, всовывалъ имъ въ носъ свернутую трубочкой бумажку. Они рѣшили ему отомстить, — и разъ, когда дѣдушки не было, предложили папà влѣзть на высокое дерево. Онъ полѣзъ, чтобы выказать свою ловкость, и уже добрался до верхушки, какъ, вдругъ, посмотрѣлъ внизъ: тамъ барах-

тался привязанный къ стволу мѣдвежонокъ. Это устроили, конечно, чиновники. Слѣзть папà боялся, и ему пришлось просидѣть на деревѣ цѣлый день. Больше онъ никогда къ нимъ не приставалъ. «А здорово было бы выкинуть какую-нибудь штуку», — подумала дѣвочка. Она ходила серьезная, пресерьезная, все надумывая, что бы ей продѣлать? Наконецъ, нашла.

Переодѣвшись въ платье Вѣры Иннокентьевны, надѣвъ парикъ куклы и маленькую шляпку съ густой вуалью, она незамѣтно пробралась въ пустую пріемную министра, и усѣлась въ кресло. Она знала, что отецъ уѣхалъ. Входитъ курьеръ и вѣжливо спрашиваетъ:

— Что вамъ угодно, сударыня?

— Я желаю видѣть министра.

— Его Превосходительства нѣту, потрудитесь придти въ пріемный день.

— Нѣтъ, мнѣ необходимо съ нимъ говорить, я подожду.

Курьеръ пожалъ плечами, и дѣвочка слышала, какъ онъ заговорилъ со швейцаромъ:

— Иванъ Федоровичъ, вы знаете, что министръ не принимаетъ, почему же вы впустили какую-то подозрительную просительницу, которая не хочетъ уходить?

— Что вы, батенька, чушь несете, никакая просительница тутъ не проходила!

Курьеръ возвратился въ пріемную и спрашиваетъ:

— Вы, сударыня, какъ пришли?

— Я? Конечно, по лѣстницѣ

Вновь онъ идетъ на площадку и начинаетъ ругаться со швейцаромъ, который тоже выходитъ изъ терпѣнія:

— Слава Богу, кажется, я зрячій, неужто не понимаю, идетъ ли человѣкъ или его нѣту? .. Это вы, черти полосатые, болтаетесь въ курьерской и не замѣчаете, что у васъ творится.

Въ душѣ дѣвочка помирала со смѣху, но начинала безпокоиться, чѣмъ это кончится.

Во дворъ въѣхала карета министра. Все больше и больше головъ заглядывало въ дверь пріемной — посмотрѣть на эту страшную женщину, которая отказывается уходить. «Навѣрное, она какая-нибудь революціонерка, а то не была бы такъ настойчива», — рѣшили они.

Вдругъ дѣвочка вся похолодѣла: къ ней подошелъ чиновникъ въ вицъ-мундирѣ съ золотыми пуговицами и строго заявилъ:

— Извольте слѣдовать за мной въ канцелярію, сударыня, — тамъ разберемъ, въ чемъ дѣло.

Она такъ перепугалась, что вскочила съ кресла и убѣжала къ себѣ въ комнату.

Еслибы, съ нею разговаривалъ курьеръ Козловскій, онъ, навѣрно узналъ бы ее. Онъ часто велъ съ ней длинныя бесѣды о людской несправедливости.

Это былъ красивый, высокій старикъ съ правильными чертами лица и военной выправкой. Вся его грудь была увѣшана медалями, а на шеѣ красовалась большая золотая. Разъ его кто-то обидѣлъ; грустно качая сѣдой головой, онъ сказалъ дѣвочкѣ: «подумайте, барышня, какъ тяжело

въ мои года выслушивать дерзости отъ какихъ-то молокососовъ, — мнѣ, который продѣлалъ всю Крымскую кампанію! Еслибы война еще продлилась, я бы, навѣрное, дослужился до офицерскаго чина. А это мужичье равняетъ себя со мною. Ну и времена! — не то, что было при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, блаженная ему память, не то, не то» ... — И, продолжая бормотать себѣ подъ носъ, онъ уходилъ медленнымъ шагомъ въ курьерскую, гдѣ сидѣли люди, которыхъ онъ презиралъ, но терпѣлъ по необходимости.

Недавно дѣвочка очень веселилась, хотя и тутъ ей попало. У родителей завтракалъ государственный контролеръ, Тертій Ивановичъ Филипповъ, нѣжно любившій дѣтей; у него у самого была цѣлая серія очень невзрачныхъ внучекъ, — онъ же всегда ими любовался. Филипповъ собиралъ старинные церковные напѣвы для домовой церкви, гдѣ ихъ чудесно пѣли. Завтракъ былъ, какъ завтракъ; послѣ фруктовъ подали полоскательницы для пальцевъ, такія славныя, зубчатыя, какъ будто выплоенныя щипцами; Тертій Ивановичъ вообразилъ, что это rince-bouche и, при всей честной компаніи, началъ полоскать ротъ, но изъ-за зубчатаго края вода не попадала въ ротъ, а текла мимо. Дѣвочка все краснѣла и краснѣла и, подъ конецъ, фыркнула; всѣ смутились. Къ счастью, самъ Тертій Ивановичъ при видѣ этихъ неудобныхъ полоскательницъ былъ въ такомъ недоумѣніи, что не замѣтилъ грубой выходки.

Гуляя ежедневно по набережной, дѣвочка все на томъ же мѣстѣ и постоянно въ тотъ же самый часъ встрѣчала двухъ пожилыхъ дамъ, которыя невольно обращали на себя вниманіе. Одна была немного выше и все улыбалась; ничѣмъ больше онѣ не отличались другъ отъ друга. У нихъ были продолговатыя, желтыя лица съ выцвѣтшими глазами. Одѣты онѣ были совершенно одинаково: въ темныхъ костюмахъ, вѣчно съ дождевымъ зонтикомъ въ рукѣ, въ шляпахъ изъ бархата фисташковаго цвѣта съ перьями, какія носили пажи при дворѣ Людовика пятнадцатого; эти перья колыхались при малѣйшемъ движеніи, какъ флаги, вывѣшенные въ царскіе дни. Онѣ всегда говорили между собой по-французски. На почтительномъ разстояніи за ними шла горничная, съ лицомъ Матрешки, съ красными щеками, и вздернутымъ носомъ, въ платочкѣ и въ черномъ пальто въ талію. Онѣ никогда не торопились. Дойдя до Лѣтняго сада, медленно и чинно поворачивали назадъ. Какая бы ни была погода, онѣ не измѣняли своимъ нарядным шляпкамъ и равномѣрной походкѣ.

Мамà настаивала, чтобы дѣвочка каталась на конькахъ, а она этого терпѣть не могла, въ особенности послѣ происшествія на каткѣ на Мойкѣ. Катаясь однажды днемъ, она случайно подслушала разговоръ двухъ мальчишекъ, наблюдавшихъ сверху за конкобѣжцами.

«Посмотри-ка на эту дѣвочку, нѣтъ не на эту, а вотъ, на ту въ синемъ, — утка, настоящая утка». И оба громко расхохотались.

Другой дѣвочки въ синемъ костюмѣ не было, значитъ, это замѣчаніе касалось только ея.

Она пожаловалась мамà, не обратившей на это ни малѣйшаго вниманія, а папà даже засмѣялся.

Единственнымъ утѣшеніемъ было, что миссъ, послѣ катка, давала ей большой кусокъ шеколада; но все же шеколадъ не могъ загладить нанесеннаго оскорбленія. Она была очень счастлива, когда, наконецъ, ледъ растаялъ и ея мученія окончились.

ОСЕНЬ

Въ этомъ году недолго пришлось жить на дачѣ, такъ какъ всей семьей отправились на короткое время въ Аббацію.

Объ этомъ морскомъ купаньѣ на Адріатикѣ дѣвочка старалась забыть. Она тамъ собралась было писать романъ изъ жизни папà и мамà и радостно принялась за работу; но однажды родители, увидя ее съ перомъ въ рукѣ, захотѣли узнать, что она тамъ сочиняетъ. Несмотря на всѣ ея протесты, они прочли все до конца, — и что-же?.. такъ смѣялись, что у нихъ слезы текли; такое оскорбленіе, дѣйствительно, трудно было перенести. Она разорвала тетрадку на клочки, давъ себѣ клятву: никогда больше не писать и вычеркнуть навсегда Аббацію изъ своей памяти.

Оттуда они поѣхали въ Тироль. Поселились въ Грисѣ, близъ Боцена. Гостинница стояла у подножія горы, покрытой чустымъ лѣсомъ. Съ

вершины открывался видъ на Монте-Роза. Когда солнце садилось и озаряло ея снѣжный покровъ, она, дѣйствительно, казалась розовой.

Гостинница была переполнена постояльцами. Дѣвочка познакомилась съ мальчиками Г., съ которыми постоянно играла. Они были много старше ея, — поэтому они относились къ ней съ особеннымъ вниманiемъ. Ей было очень лестно, что находятся люди, справляющiеся о ея мнѣнiи и считающiеся съ нимъ.

Разъ она отправилась съ папà въ горы, гдѣ съ ними случились цѣлыхъ два несчастiя. Первое по ея винѣ. У края дороги росъ огромный кактусъ. Онъ казался такимъ мягкимъ и прiятнымъ, что она схватила одинъ листъ и зажала его крѣпко обѣими руками, но тотчасъ же закричала пронзительнымъ голосомъ: всѣ шипы вонзились ей въ ладонь. Какъ папà ни старался осторожно вытащить ихъ, боль была ужасная. Не зная, чѣмъ утѣшить всхлипывающую дѣвочку, папà замѣтилъ въ сосѣднемъ саду яблоню, съ такими чудными плодами, что рѣшилъ сорвать одно яблоко для дочери. Но не успѣлъ онъ ухватиться за вѣтку, какъ появился хозяинъ сада, и сталъ грозить судомъ и полицiей. Папà извинялся, хотѣлъ ему заплатить, но тотъ все твердилъ свое. Лишь послѣ долгихъ переговоровъ, имъ удалось, наконецъ, уйти, сильно сконфуженными и униженными.

Цѣлый день взрослые объѣдались здѣсь крупнымъ, синимъ, виноградомъ и это называлось Une cure de raisin. А если-бы поступала такъ она,

— подумала дѣвочка, — конечно не съ виноградомъ, къ которому была равнодушна, а съ чѣмъ либо другимъ, — всѣ, навѣрное, завопили бы и жестоко наказали бы ее.

Вскорѣ мама̀ уѣхала въ Парижъ; дѣвочка осталась вдвоемъ съ папа̀ и миссъ. Зажилось весело и привольно. Папа̀ исполнялъ всѣ ея прихоти; чего только онъ ни придумывалъ, чтобы ее развлечь!

Дѣвочка заболѣла ангиной. Папа̀ былъ въ отчаяніи; онъ часами просиживалъ около ея кровати, раскрашивалъ ей цвѣтными карандашами картинки, и такъ хорошо, что нельзя было отличить отъ образца. Одна картинка была особенно красива: голова Мадонны съ опущенными глазами и со щеками, нѣжными, какъ персики.

Ангина прошла. Чтобы отпраздновать выздоровленіе, папа̀ повезъ миссъ и дѣвочку въ Меранъ. Какъ разъ въ это время, тамъ праздновали, кажется, столѣтіе войны съ Наполеономъ. Устроили трибуну на открытомъ воздухѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходила битва. Играли мѣстные жители въ костюмахъ того времени. Ни одинъ художникъ не могъ бы написать такой декораціи, какую создала здѣсь сама природа.

Дѣвочка такъ увлеклась зрѣлищемъ, что уже не различала, театръ это или дѣйствительность; ее едва уговорили ѣхать домой.

Все, пережитое ими въ Тиролѣ, померкло въ памяти, одно это представленіе врѣзалось въ ея воображеніе.

Когда они пріѣхали въ Берлинъ, мама̀ уже ожидала ихъ тамъ. На вокзалѣ было много людей, встрѣчавшихъ министра.

Русскій посолъ, графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ, подарилъ дѣвочкѣ дорогую куклу; пришлось дѣлать видъ, будто рада подарку, хотя кукла ничего больше, какъ обуза. Если ею не заниматься, миссъ и всѣ скажутъ, что дѣвочка неряха; между-тѣмъ, въ ея годы, играть въ куклы это такъ же неумѣстно, какъ ея двоюродной шестилѣтней сестрѣ — читать Жюль Верна.

Она надѣялась, что мама изъ Парижа пріѣдетъ такою красивою и нарядною, какъ картинки въ модныхъ журналахъ. Вѣдь, недаромъ-же папа̀ сказалъ ей, что мама̀ поѣхала «за тряпками». Конечно, онъ мужчина, оттого такъ и выражается о нарядахъ; а вмѣсто этого на мама̀ былъ надѣтъ (прямо никто не повѣритъ!) темный костюмъ и фетровая тирольская шляпа. Стоило ѣздить изъ за этого въ Парижъ. Ахъ, если бы она была на ея мѣстѣ!!!

Изъ Берлина поѣхали въ Петербургъ. На Варшавскомъ вокзалѣ дѣвочка издали замѣтила хитрое лицо курьера Андріенко, котораго папа̀ очень любилъ. Онъ уже много лѣтъ у него служилъ, и былъ его оберъ-кондукторомъ, когда папа̀ управлялъ Юго-Западными дорогами.

Папа однажды разсказалъ, кажется, тетѣ, — да, вѣрно, тетѣ! — что, будучи директоромъ желѣзнодорожнаго департамента, сопровождалъ министра финансовъ Вышнеградскаго, въ Туркестанъ. Жара была страшная. По мѣстному

обычаю, всюду имъ подносили, вмѣсто хлѣба и соли, корзинки съ фруктами. Зной былъ такой, что имъ хотѣлось немного отдохнуть отъ всѣхъ этихъ привѣтствій; они приказали, чтобы ихъ никто больше не безпокоилъ. Въ одной коляскѣ сидѣли два господина въ чечунчовыхъ пиджакахъ, усталые и пыльные, а въ другой — брюнетъ въ формѣ, обшитой серебряными галунами, съ медалями на груди. «Конечно, это министръ», думали туземцы, — и съ поклонами преподносили ему фрукты. Андріенко не протестовалъ, принималъ всѣ подношенія, пока папà не замѣтилъ и не прекратилъ этой комедіи. «А молодчина Андріенко», — рѣшила дѣвочка, вспоминая этотъ разсказъ.

Въ городѣ жизнь потекла своимъ чередомъ. Дѣвочка, по перехваченнымъ ею словамъ родителей, поняла, что они разлюбили Терезу. Ей стало грустно. Какое-то смутное предчувствіе охватило ее, и она еще больше привязалась къ своей англичанкѣ. Въ одинъ прекрасный день ей заявили, что у Терезы заболѣла сестра, и она должна поэтому уѣхать но, конечно, вернется. Дѣвочка чувствовала, однако, что никогда не увидится больше съ Терезой; разставаясь съ ней, она плакала навзрыдъ и потомъ долго не могла успокоиться. Какъ мать ее ни утѣшала, увѣряя, что новая воспитательница будетъ славной и доброй, что она уже слишкомъ велика для nursery governess, ничто не помогало — она твердо рѣшила ненавидѣть новую англичанку и всячески отравлять ей существованіе.

Во время междуцарствія англичанокъ всѣмъ распоряжалась Вѣра Иннокентьевна. Когда дѣвочка не слушалась, она плакала и говорила:

«Какая ты безсердечная, для тебя я все бросила и домъ, и моего Володю, который безъ меня пропадетъ». Дѣвочка полюбопытствовала узнать, сколько лѣтъ Володѣ. «Двадцать», отвѣтила сквозь слезы Вѣра Иннокентьевна. Степанида ее ненавидѣла, хотя Авдѣева и не была англичанкой. По субботамъ передъ всенощной Вѣра Иннокентьевна брала всегда ванну изъ крутого кипятка; Степанида увѣряла, что ошпарила себѣ пальцы, когда опустила ихъ въ воду. Длилось это долго; наконецъ, открывалась дверь, — и Вѣра Иннокентьевна выходила въ бѣлой, туго накрахмаленной, юбкѣ съ воланомъ, въ ночной кофточкѣ, обшитой фестонами, и въ прюнелевыхъ ботинкахъ. Ея волосы были еще туже затянуты, чѣмъ обыкновенно; она совершенно походила на китайца, котораго окунули въ кипятокъ. Она была очень набожная, соблюдала всѣ посты. Дѣвочка, сама любившая сласти, скрѣпя сердце откладывала въ коробку для Вѣры Иннокентьевны конфеты; та сказала ей: «когда ты берешь себѣ одну конфету, откладывай мнѣ двѣ, такъ какъ я постомъ никогда ихъ не ѣмъ». Дѣвочка добросовѣстно исполняла наказъ и даже была почти готова ей это простить; но, какъ только кончался постъ, Вѣра Иннокентьевна беззастѣнчиво начинала лакомиться и поддразнивала: «Вотъ, ты уже съѣла всѣ свои конфеты, а у меня ихъ цѣлая коробка» и ни разу не попотчивала ни единой.

Тутъ обиженная рѣшила ей отомстить. Вѣра Иннокентьевна ненавидѣла ходить пѣшкомъ. Дѣвочка, зная, что мамà старалась, чтобы она почаще была на воздухѣ, прибѣжала къ ней и попросила разрѣшенія гулять два часа. Мамà немного удивилась ея прыти, но не обратила на это никакого вниманія. Дѣвочка торжественно объявила учительницѣ распоряженіе мамà, но, конечно, скрыла, что объ этомъ сама попросила. Они вышли, погода была чисто петербургская, пронизывающая и холодная.

«Вѣра Иннокентьевна, чтобы васъ не безпокоить, я сама буду слѣдить за временемъ», — съ милой улыбкой предупредила проказница.

Гувернантка ни о чемъ не догадалась; она, вздыхая, думала о Володѣ, который, быть можетъ, ѣстъ теперь холодный завтракъ; Даша — ихъ прислуга — такая неряшливая, конечно, о немъ не позаботится.

Дорогой дѣвочка забрасывала спутницу вопросами объ институтѣ, зная, что это любимый конекъ старой дѣвы; когда доходили до эпизодовъ о maman и о времени, когда она была пепиньеркой, Вѣра Иннокентьевна становилась чуть не краснорѣчивой. У Николаевскаго вокзала Вѣра Иннокентьевна приказала повернуть назадъ. Тутъ-то дѣвочка и пустила въ ходъ давно задуманную месть: показывая на часы, она замѣтила скромнымъ голоскомъ:

— Милая Вѣра Иннокентьевна, вы забыли, что мамà велѣла гулять два часа, по часу на каждый конецъ; въ нашемъ распоряженіи еще

цѣлыхъ двадцать минутъ и мы успѣемъ дойти до Александро-Невской Лавры.

Какая была пытка проходить мимо дома, гдѣ жилъ Володя, и не взглянуть на него! Ноги у Вѣры Иннокентьевны болѣли, а дѣвочка шагала бодро и весело; потомъ, шалунья, дернувъ ее за рукавъ, сказала: «Намъ надо торопиться, иначе опоздаемъ къ завтраку», — а это была самая большая провинность, папа̀ бывалъ въ такихъ случаяхъ неумолимъ.

Безъ разрѣшенія матери, Вѣра Иннокентьевна не смѣла взять извозчика и пришлось ей бѣдной поспѣвать гимнастическимъ шагомъ за маленькимъ, замучившимъ ее тираномъ.

Если-бъ она только знала, что все это было нарочно подстроено этимъ, съ виду безобиднымъ существомъ!

СМЕРТЬ ЦАРЯ

Двадцатаго октября дѣвочка справляла день своего рожденія. Она получила много подарковъ и всѣхъ въ этотъ день любила, даже Вѣру Иннокентьевну.

Днемъ она хотѣла показать родителямъ только-что подаренную книгу, радостно вбѣжала въ комнату матери — и остановилась, какъ вкопанная. Мама̀ лежала на кушеткѣ и плакала. У папа̀ были тоже заплаканные глаза; онъ сказалъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

«Императоръ Александръ III сегодня скончался».

Дѣвочка не знала, что ей сдѣлать, чтобы показать папà, какъ она ему сочувствуетъ; она царя видѣла только на фотографіяхъ, поэтому испытывала лишь растерянность и недоумѣніе. Но папà его такъ любилъ, такъ крѣпко любилъ, и ей стало до того жаль отца, что, прильнувъ головой къ его плечу, она тихо заплакала.

Всѣ облеклись въ трауръ. Вскорѣ должны было прибыть останки покойнаго Государя. Мамà сказала, что онѣ будутъ смотрѣть на похороны изъ квартиры Белюстина, директора таможеннаго департамента, у самаго Дворцоваго моста. Дѣвочкѣ сшили черное платье и черную шляпу, о чемъ она такъ давно мечтала. Она раньше всѣхъ спустилась по лѣстницѣ и старалась, чтобы платье волочилось по ступенькамъ также, какъ шлейфъ мамà.

Траурная процессія приближалась очень медленно. Наконецъ, издали стали доноситься торжественно-печальные звуки похороннаго марша и вскорѣ процессія появилась; на этомъ черномъ фонѣ, ярко выдѣлялись бѣлые кавалергардскіе мундиры и золотое шитье придворныхъ. Въ траурной каретѣ, запряженной цугомъ, рядомъ съ овдовѣвшей Императрицей Маріей Федоровной, обрисовывалось обрамленное пепельными волосами, прекрасное, съ тонкимъ профилемъ, лицо невѣсты молодого Государя, — принцессы Алисы Гессенской.

Дѣвочка очень обрадовалась, когда увидѣла своего отца; его было легко узнать, по громадному росту, который его всегда выдѣлялъ. Онъ

шелъ рядомъ съ Константиномъ Петровичемъ Побѣдоносцевымъ, лицо котораго несмотря на треуголку съ перомъ, походило на мумію съ круглыми очками. Его худая, костлявая фигура какъ будто еще больше съежилась. Здѣсь у него былъ строгій видъ, она стала бы его бояться, если бы всегда видѣла такимъ, — но, когда онъ приходилъ смотрѣть на ея урокъ танцевъ, то былъ такой добрый, добрый, ласково ее гладилъ по головѣ, дарилъ конфеты и всегда разсказывалъ что-нибудь веселое.

А вотъ и Иванъ Николаевичъ Дурново, съ русыми бакенбардами и немного свиной физіономіей. Больше всѣхъ ей понравился князь Александръ Сергѣевичъ Долгорукій со своимъ жезломъ. Его орлиный профиль, съ лентой черезъ плечо, напоминалъ портреты вельможъ Екатерининскаго времени. Вообще, было занятно отыскивать знакомыхъ, часто бывавшихъ у родителей, но казавшихся теперь ей чуждыми, словно замаскированными.

Среди иностранцевъ она узнала только принца Уельскаго, по рисункамъ въ «Грэфикѣ». Все было интересно и хорошо, за исключеніемъ пушечныхъ выстрѣловъ, отъ которыхъ дѣвочка вся вздрагивала.

Какимъ маленькимъ, застѣнчивымъ казался молодой царь рядомъ съ величественными фигурами великихъ князей Владиміра и Алексѣя Александровичей и всѣхъ сыновей Михаила Николаевича. Но зато у него были добрые, груст-

ные, карія глаза, и дѣвочкѣ стало жалко видѣть его слѣдующимъ пѣшкомъ за гробомъ своего отца.

Среди духовенства она замѣтила митрополита Кіевскаго, изъ-за котораго получила отъ отца выговоръ два года тому назадъ; дѣвочка была чрезвычайно довольна, что узнала его.

У всѣхъ были сосредоточенныя, скорбныя лица, и она старалась подражать старшимъ.

Когда, позже, въ журналахъ были напечатаны снимки похоронъ Императора, дѣвочка дѣловымъ шопотомъ объясняла всѣ подробности Вѣрѣ Иннокентьевнѣ, которая на похоронахъ не была, и Степанидѣ, которая, по глупости, многаго не поняла.

Четырнадцатаго ноября вѣнчали Государя; изъ оконъ министерства дѣвочка видѣла, какъ, въ золотой каретѣ, проѣхала царская невѣста, вся въ бѣломъ, покрытая жемчугами и бриліантами; выраженіе ея лица было почти такимъ-же печальнымъ, какъ въ день похоронъ Императора Александра III.

У молодой царицы, когда она кланялась народу, лицо не озарялось той привѣтливой улыбкой, которая придавала столько обаянія ея свекрови. Отъ нея вѣяло холодомъ и отчужденностью. Дѣвочка всегда сравнивала ее съ ледяной царевной, и очень ею любовалась.

Гуляя по набережной, дѣвочка часто встрѣчала царскія сани съ гайдукомъ, стоящимъ на запяткахъ, и пристально на нихъ смотрѣла, пока они не исчезали изъ вида.

ВЕСНА

Въ этомъ году была ранняя Пасха. Вѣра Иннокентьевна ужъ начала, однако, думать о новыхъ соломенныхъ шляпахъ. Она каждую весну покупала по двѣ: черную, для ежедневнаго обихода, и бѣлую, съ перомъ, для торжественныхъ случаевъ; хотя она вѣчно съ дѣвочкой ссорилась, но все же очень уважала ея вкусъ, и всегда въ такихъ случаяхъ совѣтовалась съ ней.

Вотъ отправились они въ Гостинный дворъ. Примѣряетъ Вѣра Иннокентьевна передъ зеркаломъ безконечное число шляпъ: та не къ лицу, эта неудобна, такъ какъ она, по институтской привычкѣ, носила ихъ на резинкѣ. Наконецъ, къ ужасу дѣвочки, на гладко причесанной головѣ появилась бѣлоснѣжная шляпа со страусовымъ перомъ! Контрастъ съ природной желтизной кожи Вѣры Иннокентьевны былъ настолько рѣзокъ, что, набравшись храбрости, она стала отговаривать свою учительницу отъ этой покупки.

«Ты ничего не понимаешь», — отвѣтила ей та, — «въ институтѣ, по праздникамъ, мы всегда носили такія шляпы». Дѣвочка хотѣла ей доказать, что она не находится больше въ стѣнахъ этого почтеннаго учрежденія и что возрастъ тоже уже не тотъ. Но Вѣра Иннокентьевна, упоенная нахлынувшими воспоминаніями, чувствовала себя юной пепиньеркой, въ бѣломъ кашемировомъ платьѣ и въ шляпѣ съ такимъ же перомъ,

поздравляющею maman въ день ея ангела, и, не долго думая, купила эту шляпу. Приказчикъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, окинулъ ее восторженнымъ взоромъ и сказалъ: «Сударыня, можно подумать, что эта шляпа сработана нарочно для васъ, въ ней васъ всякій сочтетъ за совсѣмъ молоденькую барышню».

«Вотъ видишь», — упрекала Вѣра Иннокентьевна свою юную спутницу, — «какъ ты была неправа, отговаривая меня: ты слышала, что говорилъ приказчикъ! Какой ему интересъ говорить неправду мнѣ, покупающей всего на всего двѣ шляпы въ годъ».

Дѣвочка хотѣла-было разсказать о гримасѣ, которую приказчикъ скорчилъ за ея спиной, но не желая огорчать учительницу, промолчала.

Вскорѣ поступила новая англичанка. Звали ее миссъ Шарлотта С., чѣмъ она очень гордилась, увѣряя, будто названа такъ въ честь принцессы Шарлотты, дочери англійскаго короля Георга IV.

Совершенно шарообразная, небольшого роста, новая миссъ считала себя не очень красивой, но въ высшей степени изящной. Ея отецъ былъ разорившійся ирландскій помѣщикъ; она готова была часами разсказывать дѣвочкѣ про ихъ усадьбу, которую называла. The Castle of the Deeps.

Послѣ смерти своего отца, не желая быть обузой для семьи, она взяла мѣсто компаньонки въ домѣ одного испанскаго гранда, а, потомъ, воспитывала дочерей княгини Юрьевской, вдовы императора Александра II.

Впервые дѣвочка узнала столь необычайную для ея пониманія вещь: царь былъ вторично женатъ на простой смертной! Разсказы миссъ о придворномъ мірѣ были неисчерпаемы; стоило навести разговоръ на великосвѣтскую жизнь, и она уже не умолкала, тономъ давая чувствовать, что и себя считаетъ аристократкой.

Разъ миссъ объявила дѣвочкѣ, что она, собственно говоря, измѣнила своему призванію; ей слѣдовало сдѣлаться пѣвицей — ея голосъ былъ столь замѣчателенъ, что, если бы она больше надъ нимъ поработала, легко могла бы сдѣлаться соперницей Патти и Нильсонъ.

Дѣвочка все выслушивала, но ни съ кѣмъ не дѣлилась своими впечатлѣніями. Она начинала привязываться къ англичанкѣ, и боялась, что старшіе подымутъ миссъ на смѣхъ, если она имъ, все это перескажетъ. Ей всегда было такъ больно, когда высмѣивали тѣхъ, кого она любила! И еще больнѣе было, когда она чувствовала, что есть основаніе для насмѣшекъ.

Какая, однако, миссъ строгая! Не дай Богъ ее ослушаться, тотчасъ накажетъ. Какъ только дѣвочка провинится, съ ней прекращались всякіе «посторонніе» разговоры; вначалѣ дѣвочка злилась и рѣшала гордо переносить одиночество, но, любя болтать, не выдерживала характера и униженно просила прощенія, но миссъ доводила наказаніе до конца.

Наступила Пасха. Впервые родители повезли ее къ заутрени въ Ремесленное училище, гдѣ папà состоялъ попечителемъ.

Начальница, Александра Ивановна Филаретова, полная бѣлокурая особа, причесанная, какъ Вѣра Иннокентьевна, была очень смѣшна. Видя папà или мамà, она краснѣла, суетилась; не существовало въ русскомъ языкѣ такого нѣжнаго слова, съ которымъ она не обращалась бы къ нимъ: и голубчикъ, и красавецъ, — чего, чего только она ни приговаривала!

Служба была длинная и чинная; дѣвочка очень безпокоилась: когда запоютъ «Христосъ Воскресе», любой сосѣдъ вправѣ съ ней похристосоваться! Съ нея довольно и того, что придется цѣловаться съ Александрой Ивановной.

Усталая, она успокоилась только дома, когда стали разговляться, набросилась на любимыя блюда и пасху съ большими изюминками. Она очень гордилась пасхальными яйцами, которыя сама раскрашивала акварелью и мраморной бумагой.

По случаю праздника, мамà обѣщала взять ее вечеромъ на Стрѣлку, смотрѣть на закатъ солнца. На Елагиномъ островѣ дѣвочка издали видѣла, какъ проѣзжали экипажи, но сама никогда еще не каталась тамъ вечеромъ. Вырядившись въ новое красное пальто и большую шляпу, она чинно сидѣла въ коляскѣ около матери, которая была такъ красива въ черномъ костюмѣ; на ручкѣ ея газоваго зонтика были вырѣзаны по дереву вишни, совсѣмъ, какъ настоящія. По Каменноостровскому проспекту тянулась длинная вереница экипажей; дѣвочка обратила вниманіе на двухъ очень красивыхъ и нарядныхъ дамъ, которыя громко разговаривали

съ молодыми людьми. Когда она спросила мама̀, кто онѣ, мама̀ сказала, что это актрисы. Вокругъ Стрѣлки ѣхали шагомъ, въ два ряда, смотрѣли другъ на друга; на закатъ никто не обращалъ вниманія, — а какъ было красиво небо, какъ-будто охваченное пожаромъ! На взморьѣ легко покачивались яхты съ распущенными парусами. Солнце сѣло, въ воздухѣ колыхалась туманная завѣса, которая начала всѣхъ заволакивать своею влажной пеленой. Нетерпѣливыя лошади топтались на мѣстѣ; вскорѣ всѣ направились въ городъ.

Во время вечерняго чая, разсказывая папа̀ про прогулку и про туалеты двухъ актрисъ, мама̀ замѣтила по французски: Ces deux cocottes etaient ravissantes. Что это значитъ, cocotte, — подумала дѣвочка и тотчасъ спросила, но отвѣта не получила; миссъ тоже не могла ей объяснить. «Не къ Степанидѣ же мнѣ итти», — негодовала дѣвочка, ложась спать и размышляя надъ этимъ вопросомъ.

Степанида, вѣрная себѣ, возненавидѣла новую англичанку и всячески ее изводила.

Передъ отъѣздомъ на дачу, у родителей былъ большой офиціальный обѣдъ. Миссъ лежала больная; дѣвочка была предоставлена самой себѣ. Обѣдала она въ комнатѣ, недалеко отъ столовой. Лакей, зная ея аппетитъ и желая угодить барышнѣ, приносилъ ей все новыя блюда и несчетное число винъ. Скоро наша дѣвочка уже не въ состояніи была ѣсть. Но жаль было упустить этотъ единственный случай въ ея жизни.

Она рѣшила имъ воспользоваться во что бы то ни стало, и заставила себя одолѣть весь обѣдъ, который былъ безконеченъ. Она не помнила, какъ добралась до своей комнаты и до своей кровати. Сознаніе, что она такъ ловко напроказила, смягчило охватившее ее непріятное чувство. Но у нея сильно болѣли голова и многое другое.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ВЫСТАВКА

Въ маѣ должна была состояться коронація. Въ Петербургъ начали съѣзжаться чрезвычайныя посольства. Отъ Китая пріѣхалъ Лихунчангъ — самый выдающійся государственный дѣятель Небесной имперіи. Дѣвочка это знала со словъ папа̀.

Зная, что Лихунчангъ терпѣть не можетъ собакъ, папа̀ въ тотъ день, когда китайскій сановникъ долженъ былъ пріѣхать съ визитомъ, велѣлъ запереть Арапку. Дѣвочки не было дома, когда было сдѣлано это распоряженіе; вернувшись и услыхавъ жалобный вой собаки, она выпустила ее изъ заточенія.

За обѣдомъ папа̀, видимо недовольный, разсказывалъ, какъ онъ совершенно растерялся, когда, во время безконечныхъ комплиментовъ и торжественныхъ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, Арапка, какъ шальная пуля, влетѣлъ и съ лаемъ бросился на Лихунчанга. Дѣвочка не произнесла ни слова; она боялась, что, вдругъ, отецъ узнаетъ, кто вызвалъ непріятное проис-

шествіе. На ея счастіе, папа̀ чѣмъ-то въ эту минуту отвлекли, и чуть было не разразившаяся драма осталась тайной между нею и Арапкой.

Оказывается, Лихунчангъ былъ такой важный, что самъ не сморкался; стоило ему шевельнуть ноздрей, какъ немедленно вскакивали его секретари и утирали носъ Великому Вице-Королю. Онъ для папа̀ привезъ отъ богдыхана грамоту и эмблемы на званіе «мандарина», шапочку съ коралловой шишкой, и какую-то золотую вещь съ изображеніемъ драконовъ.

Папа̀ уѣхалъ въ Москву, а дѣвочка съ мама̀ переѣхали на дачу, но уже на другую, гораздо большую, тоже на Елагиномъ. Раньше въ ней жилъ шефъ жандармовъ, старый генералъ Шебеко. Дача состояла изъ двухъ флигелей, соединенныхъ большой залой съ террасою, выходящей въ садъ. Мебель была еще красивѣе, чѣмъ на прежней дачѣ. Много карельской березы Александровскихъ временъ. Во всѣхъ углахъ цвѣты. За домомъ былъ устроенъ теннисъ. Папа̀ обѣщалъ играть съ дѣвочкой, когда вернется.

Часто въ партіи участвовалъ князь Хилковъ, министръ путей сообщенія, веселый, добродушный старикъ, съ козьей бородкой. Въ молодости онъ, желая основательно изучить желѣзнодорожное дѣло, служилъ простымъ рабочимъ въ Америкѣ.

Папа̀ игралъ неважно, онъ былъ слишкомъ грузенъ для этого спорта, а о самой дѣвочкѣ лучше не говорить: пока она, чтобы не упустить мячика, смотрѣла вверхъ, онъ уже былъ въ

противоположномъ лагерѣ. Завела дѣвочка очки, но и они не помогли.

Родители собирались ѣхать на выставку въ Нижній Новгородъ; къ своей великой радости, она узнала, что и ее возьмутъ съ собой.

На вокзалѣ папа̀ встрѣчалъ губернаторъ и много лицъ въ орденахъ и лентахъ. Она же съ миссъ прямо поѣхали въ домъ, который былъ отведенъ для министра. Вокругъ росли сирени такъ густо, что листья совершенно терялись въ этихъ лиловыхъ, душистыхъ гроздьяхъ.

Дѣвочку поражалъ этотъ городъ множествомъ церквей съ золотыми куполами, торговыми рядами и причудливымъ несоотвѣтствіемъ построекъ: къ богатому каменному особняку сиротливо прижимался жалкій, деревянный домикъ, точно бѣдная родственница, плетущаяся за знатнымъ дядюшкой. По булыжной мостовой грохотали извозчики съ пристяжными, собственные выѣзды, съ толстыми разбухнувшими кучерами, и телѣги съ мусоромъ.

Послѣ обѣда всѣ катались вдоль высокихъ береговъ рѣки и любовались на матушку Волгу во всей ея лѣтней красѣ. Пристань была загромождена ящиками и тюками, которые грузили на пароходы. На улицахъ толпились, среди русскихъ, татары, армяне, даже буряты въ мѣховыхъ шапкахъ съ наушниками, несмотря на почти тропическую жару. Сюда стекался торговый людъ со всѣхъ концовъ обширной Россіи, придавая городу пестрый восточный колоритъ.

Днемъ отправились на выставку. Дѣвочка была совершенно ошеломлена всей этой роскошью, хотя нѣкоторые отдѣлы показались ей очень скучными, какъ, напримѣръ, машины или какія-то Морозовскія мануфактуры. Приходилось часами стоять и ждать, пока разные важные люди давали папà самыя подробныя объясненія. А тамъ, гдѣ были выставлены интересныя вещи, платья или великолѣпныя игрушки кустарнаго производства, папà почти-что не останавливался. Надъ дѣвочкой сжалился очень милый, пожилой господинъ съ мечтательными глазами и доброй улыбкой — Савва Ивановичъ Мамонтовъ. Ей сказали, что онъ извѣстный московскій меценатъ. Она рѣшила отыскать это слово въ словарѣ: ей не хотѣлось признаться, что она его не понимаетъ. Мамонтовъ подарилъ ей куклу-самоѣдку и повелъ смотрѣть на ученаго моржа, выдрессированнаго какимъ-то армяниномъ. Бѣдное животное словно понимало все, что ему говорили, и показывало удивительныя штуки. Вообще, Савва Ивановичъ былъ предобрый, и, тогда, какъ другіе обращались съ ней, какъ съ пятилѣтней дѣвочкой, онъ съ ней разговаривалъ, какъ съ толковымъ человѣкомъ, за что она была ему очень благодарна.

Во всѣхъ отдѣлахъ она получала подарки; въ одномъ ей дали куклу, почти ея роста, съ богатымъ приданымъ: все было ручной работы и вышито изумительно.

Подъ вечеръ, у нея прямо мутилось въ головѣ отъ всего видѣннаго. Всѣ три дня, кото-

рые они провели въ Нижнемъ, промелькнули, какъ сонъ.

Отъѣздъ былъ назначенъ вечеромъ. Въ этотъ день ихъ пригласилъ обѣдать губернаторъ, генералъ Барановъ — сухой, подвижной и большой балагуръ, все смѣшившій мама̀. Во время обѣда пѣли цыгане и еще другой хоръ, кажется, Славянскаго. Быдо очень весело, она жалѣла только, что на нее, изъ-за крошечнаго роста, всѣ смотрѣли, какъ на маленькую.

Ея кавалеръ за столомъ разсказалъ, что, во время посѣщенія выставки царемъ и царицей, сыновья именитаго московскаго купечества были одѣты рындами, какъ въ допетровской Руси.

Съ обѣда полусонная дѣвочка попала прямо въ вагонъ. Раньше, чѣмъ она успѣла опомниться, раздался свистокъ, поѣздъ тронулся, — и клубы чернаго дыма отъ паровоза хлынули въ открытое окно.

Въ сосѣднемъ отдѣленіи папа̀ разговаривалъ съ мама̀, а въ ушахъ дѣвочки все звенѣлъ задушевный припѣвъ русской пѣсни — «а изъ рощи, рощи темной» —, которую она, незадолго передъ тѣмъ, слышала на обѣдѣ у губернатора.

КРЫМЪ

Послѣ чуднаго путешествія на лошадяхъ, пріѣхали изъ Севастополя въ окрестности Ялты. Виды смѣнялись, какъ въ волшебномъ фонарѣ.

Миссъ была немного смущена этимъ способомъ передвиженія, который казался ей допо-

топнымъ. Отъ качки экипажа она часто впадала въ дремоту и похрапывала. Горничныя, сидѣвшія напротивъ, переглядывались и ухмылялись, что приводило дѣвочку въ отчаяніе. Она дергала англичанку за рукавъ, но ничто не помогало; та просыпалась лишь, когда вынимали корзинки съ провизіей.

На каждой перегонной станціи происходила невѣроятная суета. Хозяинъ ругалъ кучеровъ, праздный людъ глазѣлъ на проѣзжающаго министра, а дѣвочка съ равнымъ интересомъ смотрѣла на зѣвакъ. Въ мигъ перепрягали лошадей и мчались дальше. Завтракали въ Бахчисараѣ, во дворцѣ, описанномъ Пушкинымъ, затѣмъ немного погуляли и осматривали какой-то монастырь.

Промелькнула и сама Ялта. Наконецъ, миновавъ ворота Никитскаго сада, коляска безшумно покатилась по тѣнистой аллеѣ и остановилась передъ крыльцомъ дома. На ступенькахъ, среди мѣстной прислуги, красовались поваръ, въ своемъ бѣломъ колпакѣ, и хмурая физіономія ворчливой Степаниды.

Директоръ земледѣльческаго училища, находившагося въ Никитскомъ саду, очень скромный и застѣнчивый человѣкъ въ формѣ, краснѣя и запинаясь, что-то пробормоталъ мама̀ и преподнесъ ей букетъ изъ темно-желтыхъ чайныхъ розъ, наполнившихъ комнату своимъ благоуханіемъ. «Какіе всѣ любезные и какъ любятъ папа̀ и мама̀, — подумала дѣвочка, «куда они ни пріѣдутъ, всѣ радуются и не знаютъ, чѣмъ и выразить расположеніе. Вотъ, даже здѣсь всѣ

ходятъ съ какимъ-то особенно праздничнымъ видомъ.» Хозяйствомъ завѣдывала полная, крупная женщина съ энергичнымъ лицомъ — Марія, жившая въ домѣ уже цѣлыхъ двадцать лѣтъ, а лакеемъ былъ ея братъ Нилъ, маленькій, забитый, всегда растерянный, во фракѣ, шитомъ на великана.

Дѣвочка пришла въ восторгъ отъ своей комнаты, съ террасой и видомъ на море.

На балконѣ былъ накрытъ ужинъ; сквозь разноцвѣтныя стекла, огромныя бѣлыя магноліи, словно вылѣпленныя изъ воска, принимали опаловые оттѣнки.

Вдругъ сразу стемнѣло, и почти черное небо усѣялось безчисленными звѣздами, блестѣвшими необычайно ярко. Гдѣ-то, вдали, играли на гитарѣ; когда вѣтеръ дулъ оттуда, доносились отрывистые пѣвучіе звуки.

«Какъ здѣсь хорошо», — все повторяла дѣвочка и, отъ восторга, обнимала то папà, то мамà. Она даже не обратила вниманія на кислое настроеніе миссъ, уставшей отъ непривычнаго путешествія и успѣвшей поссориться со Степанидой.

На слѣдующее утро, вскочивши чуть свѣтъ, дѣвочка отправилась изучать садъ. Ей казалось, что она перенеслась въ какой-то сказочный міръ. Изъ пробковой рощи попадала въ бамбуковую, изъ нея — въ померанцевую, и такъ далѣе. Немыслимо было пересчитать всѣ деревья самыхъ рѣдкихъ породъ, а ужъ о фруктовомъ садѣ и говорить нечего: онъ казался раемъ, снова очутившимся на землѣ.

Къ завтраку пріѣхалъ докторъ Шапировъ, красивый, сѣдой, съ большими выразительными глазами; «только почему, когда онъ улыбается, постоянно показываетъ свои зубы», — думала она. Папа̀ ему все говорилъ: «Вотъ подождите, Борисъ Михайловичъ, все разскажу вашей женѣ, какъ вы ухаживаете за дамами, и достанется же вамъ», а тотъ все улыбался. Докторъ привезъ съ собой свою дочь Таню, очень на него похожую, которая была однихъ лѣтъ съ нашей дѣвочкой.

Онѣ постоянно играли въ карты, которыя изображали живыхъ людей. Разыгрывались безконечные романы въ діалогахъ. Любимыми героями были пиковая дама, съ напудренными волосами, и валетъ бубенъ, съ благороднымъ профилемъ и длинными рѣсницами. Какъ дѣвочкѣ ни хотѣлось оставить ихъ себѣ, все же она уступила эти карты Танѣ, которая была гостьей, а сама взяла трефовую даму, которую терпѣть не могла за ея приторную улыбку. Дѣвочки цѣлыми часами играли, изображая съ карточными лицами свадьбы, похороны; вымысламъ не было конца. Увлекаясь игрой, подруги часто ссорились и, надувшись, расходились.

Иногда миссъ, когда была въ духѣ, устраивала театръ. Публикой являлись: мама̀, папа̀, миссъ и всѣ горничныя. Больше всего любила дѣвочка представлять Рашель. Изъ двухъ сколотыхъ простынь составлялся греческій хитонъ, и, съ вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ на головѣ, она съ пафосомъ декламировала стихи. Таня, тоже одѣтая гречанкой или римлянкой, но безъ

вѣнка, какъ-то разъ перепутала реплику, и получила отъ разсерженной Рашели звонкую пощечину, за что миссъ немедленно наказала дѣвочку.

Когда Таня уѣхала, жизнь опять вошла въ обычную колею.

Миссъ ей много разсказывала про свое дѣтство и обученіе въ Couvent du Sacré coeur, гдѣ она, за хорошее поведеніе, удостоилась быть принятой въ число enfant de Marie и, въ праздничные дни, одѣвала платье изъ голубого popeline съ воланами.

Дѣвочка настолько проникласъ этими разсказами, что ей казалось, будто она сама живетъ въ Couvent; она съ трепетомъ слѣдила за эпизодами изъ жизни миссъ Шарлотты, обладавшей въ ея глазахъ всѣми хорошими качествами. Дѣвочка никогда не прощала тому, кто подымалъ ея гувернантку на смѣхъ.

Она очень много гуляла съ папà, но терпѣть не могла, когда онъ увѣрялъ, будто у него чудный голосъ: гуляя въ горахъ, прислонится, бывало, къ скалѣ, положитъ руку на сердце и запоетъ арію изъ Русалки, «у этихъ грустныхъ береговъ». Выходило пискливо, звучало непріятно, а папà все настаивалъ на своемъ й смѣялся, когда она злилась. А, вѣдь, она-то желала ему добра: могло случится, что кто-нибудь его услышитъ, и что же скажутъ про его пѣніе? Навѣрное, безжалостно посмѣются надъ нимъ.

Недавно, муфти изъ мечети, находящейся въ деревнѣ надъ Никитскимъ садомъ, пригла-

силъ ее и миссъ на чай. Онъ былъ и учителемъ въ школѣ. Познакомивъ ихъ со своей женой, въ шелковомъ платьѣ, съ бархатной, обшитой золотомъ шапочкой и ярко рыжими волосами, онъ попросилъ ихъ сѣсть и сталъ угощать шербетомъ, вареньемъ изъ розовыхъ листьевъ и всевозможными фруктами. Жена упорно молчала, но все время улыбалась. Затѣмъ онъ имъ показалъ мечеть, причемъ пришлось надѣть мягкія туфли; ничего интереснаго въ мечети не оказалось. Было чинно и скучно, но дома дѣвочка хвасталась передъ родителями, увѣряя, что провела время чрезвычайно интересно, и гордилась своимъ новымъ знакомствомъ.

Папà заявилъ, что они поѣдутъ въ Сочи на два, три дня осмотрѣть участокъ, который предлагаютъ ему тамъ купить. Миссъ осталась дома.

На пароходѣ страшно качало. Мамà лежала и вдыхала кислородъ, а папà куда-то исчезъ. Дѣвочка же чувствовала себя прекрасно. Усѣвшись у самаго носа корабля, она съ восторгомъ смотрѣла на бушующее море и на стаи чаекъ, летѣвшихъ вслѣдъ за пароходомъ и опускавшихся иногда на волны, зачерпывая крыломъ кипящую пѣну. Она распѣвала цыганскіе романсы и очень веселилась.

Вдругъ, запыхавшись, къ ней подбѣгаетъ служанка при каютахъ, съ блаженнымъ лицомъ, и, словно рѣчь идетъ о величайшемъ счастіи ея жизни, торжественно заявляетъ:

«Министрасъ укачало».

За обѣдомъ дѣвочка сидѣла рядомъ съ капитаномъ и воображала себя вполнѣ взрослой.

Ночью качка нѣсколько улеглась; море ярко сверкало, солнце такъ и пекло. Когда приближались къ Сочи, появились папà и мамà, мрачные и блѣдные послѣ пережитой болѣзни.

Къ капитанскому мостику причалила лодка, въ которую они пересѣли; гребцы были отъ пограничной стражи. За отсутствіемъ мола, пароходы не могли ближе подходить къ пристани.

На берегу былъ выстроенъ почетный караулъ отъ пограничной стражи, шефомъ которой нѣкогда состоялъ папà. По его лицу дѣвочка видѣла, что онъ думалъ совсѣмъ о другомъ; онъ, къ слову сказать, былъ очень плохой морякъ.

У самой пристани или, вѣрнѣе, на мѣстѣ, носившемъ это названіе, стоялъ жалкій домишка. Эта была гостинница, изъ которой выселили жильцовъ, чтобы устроить помѣщеніе для министра.

Дѣвочка замѣтила, что кровати очень твердыя. Ей сдѣлали выговоръ за то, что она никогда ничѣмъ не довольна. Она рѣшила держаться въ сторонѣ: родители не въ духѣ и, чего добраго, ей еще попадетъ.

Послѣ завтрака поѣхали вмѣстѣ съ А. А. Абаза смотрѣть участокъ, который продавался. Дорога, вдоль берега, черезъ густой дѣвственный лѣсъ, заросшій дикими рододендронами и азаліями, была изумительна. Въ воздухѣ разливался не то пряный ароматъ кофе, не то сладкій запахъ ванили. Иногда, навстрѣчу попадался

какой-нибудь туземецъ, одѣтый въ лохмотья, но сохранявшій гордую и непринужденную осанку. Сколько было красоты въ ихъ тонкихъ, правильныхъ чертахъ, точно высѣченныхъ изъ мрамора.

Въ экипажѣ дѣвочкѣ, наконецъ, удалось пристально разсмотрѣть Абазà, съ которымъ папà былъ друженъ со временъ комиссіи графа Баранова. Маленькій, худощавый, съ острымъ лицомъ, онъ носилъ какую-то странную длинную накидку и соломенную шляпу. Онъ былъ піонеромъ этого края, которымъ восторгался. Участокъ былъ, дѣйствительно, превосходный. Сплошная аллея розъ и кипарисовъ вела къ крошечной дачѣ; съ горы, надъ нею, открывался видъ величественный и живописный.

Съ одной стороны, каменные утесы спускались крутыми уступами къ рѣкѣ Мацестѣ, которая съ дикимъ ревомъ неслась по каменистому дну; съ другой, какъ выложенная на ладони, обрисовывалась длинная цѣпь снѣжныхъ вершинъ Кавказа. Среди этой угрюмой природы, на скалистомъ берегу Чернаго моря, зеленѣла у подножія вышки почти тропическая растительность. Даже дѣвочка, относившаяся довольно равнодушно къ природѣ, была очарована этою картиной.

Абаза сказалъ, что здѣсь самый замѣчательный участокъ на всемъ черноморскомъ побережьи и самый благоустроенный.

Обѣдали у инженера, завѣдывавшаго шоссе. Мамà какъ-то вскользъ, за завтракомъ, когда

подавали курицу, замѣтила, что любитъ куриные пупки.

На верандѣ дачи И..... усѣлись за столъ; горничная, для пущей важности, принесетъ то тарелку, то вилку, положитъ и медленнымъ, чиннымъ шагомъ выйдетъ. Наконецъ, подали первое блюдо, — и что же оказалось? Цѣлая миска куриныхъ пупковъ въ молокѣ. Для этого надо было зарѣзать по меньшей мѣрѣ цѣлую сотню куръ. Гостямъ чуть не сдѣлалось дурно. Все меню обѣда было въ томъ же духѣ. Всѣмъ хотѣлось ѣсть, а горничная, чтобы поддержать достоинство хозяевъ, продолжала своимъ медленнымъ, торжественнымъ шагомъ подавать столь же невѣроятныя блюда.

Вернулись въ Сочи. Уставши, дѣвочка заснула крѣпкимъ сномъ на жесткой кровати; за утреннимъ чаемъ, добрая и веселая, она спросила, какъ папà провелъ ночь.

«Лучше не напоминай мнѣ про это», сказалъ онъ. — «Всю ночь напролетъ промучился въ борьбѣ съ клопами и тараканами! кончилось тѣмъ, что я вытащилъ тюфякъ на полъ и тамъ кое-какъ вздремнулъ полчаса, но они и туда добрались».

Отъѣздъ былъ не изъ пріятныхъ. Фелюгу ставили на доску и, когда всѣ пасажиры усядутся, ее толкали съ берега въ море. Ловчѣй всѣхъ сталкивали турки; но это было удовольствіемъ весьма сомнительнаго свойства. Было невѣроятно трудно попасть на пароходъ, въ особенности, если качало.

Дѣвочка съ нетерпѣніемъ ждала пріѣзда въ Ялту, чтобы разсказать все видѣнное миссъ, по которой соскучилась.

ДОМА

Несмотря на петербургскую слякоть, дѣвочка всегда съ радостью возвращалась въ городъ, къ своимъ уютнымъ комнатамъ. Ко дню ея рожденія отдѣлали заново классную и разрѣшили выбрать ситецъ по своему вкусу. Было замѣчательно красиво: на сѣроватомъ фонѣ большіе малиновые букеты. На стѣнѣ висѣли, въ кожаныхъ рамкахъ, раскрашенныя фотографіи Государя и Государыни въ русскомъ придворномъ платьѣ съ Екатерининской лентой. На этажеркахъ она разставила всевозможныя бездѣлушки, дѣвочекъ въ кружевныхъ платьицахъ изъ фарфора, которыхъ покупала на кровныя деньги въ магазинахъ на Невскомъ. Кромѣ того появились настоящій книжный шкафъ и піанино отъ Шредера.

Увеличилось и число уроковъ. Ходили даже учителя: французъ Monsieur Grisar, въ морской формѣ, вѣчно разсѣянный, и учитель танцевъ Monsieur Cechetti, порхавшій, какъ бабочка, и объяснившій ей, что высшаго искусства, чѣмъ хореографія, не существуетъ. Мамà тоже относилась къ танцамъ очень серьозно. Она сидѣла на урокѣ съ лорнеткой въ рукѣ и внимательно слѣдила за тѣмъ, какъ дѣвочка выдѣлывала па. Иногда съ мамà приходилъ Побѣдоносцевъ, и

хотя онъ всегда хвалилъ плясунью, восторгаясь ея граціей, тѣмъ не мѣнѣе часто приходилось выслушивать наставленія: то реверансъ недостаточно глубокъ, то рука недостаточно закруглена или улыбка недостаточно пріятна.

«Хуже грамматики, ей-Богу, хуже», — жаловалась дѣвочка въ минуты откровенности англичанкѣ.

Недавно у нихъ завтракалъ какой-то сослуживецъ папà; фамиліи она не запомнила, но знала, что его зовутъ Иваномъ Павловичемъ. Онъ былъ круглый, краснощекій, и смѣялся этажами, видно было, какъ смѣхъ подымался и опускался. Дѣвочка не могла отъ него оторвать глазъ.

Она всегда радовалась, когда къ обѣду пріѣзжалъ большой другъ ея родителей, Дмитрій Сергѣевичъ Сипягинъ. Онъ былъ грузный, полнокровный, съ громадной лысиной и добрыми глазами. Какъ онъ любилъ покушать! Для него всегда готовили что-нибудь изысканное и онъ съ чувствомъ распространялся о тонкостяхъ приготовленія того или иного блюда. Часто призывали повара и Дмитрій Сергѣевичъ говорилъ ему комплименты. Разъ подали какое-то рѣдкое вино; Дмитрій Сергѣевичъ, взявъ въ руки рюмку, понюхалъ ее, какъ нюхаютъ цвѣтокъ, чмокнулъ кончики пальцевъ и восторженно сказалъ мамà;

— «Букетъ, настоящій букетъ».

«Навѣрное было очень вкусно, коли ему такъ понравилось», — подумала дѣвочка.

Сипягинъ каждую недѣлю устраивалъ у себя интимный обѣдъ для своихъ друзей и всегда собственноручно приготовлялъ одно изъ блюдъ. Онъ разсказывалъ такъ забавно, что всѣ хохотали. Но разъ онъ очень напугалъ дѣвочку. Заговорили про гипнотизмъ. Дмитрій Сергѣевичъ увѣрялъ, что обладаетъ силою внушенія и обѣщалъ показать живой примѣръ. Онъ приказалъ дѣвочкѣ сѣсть въ кресло, сдѣлалъ какія-то движенія руками и, глядя на нее пристально, пристально, сказалъ:

— «Ты останешся сидѣть въ одной рубашкѣ».

Ею овладѣлъ страхъ: она почувствовала, что сидитъ голая при гостяхъ, боялась на себя взглянуть... Вдругъ всѣ начали громко хохотать, а она, сконфуженная, убѣжала къ себѣ.

По воскресеньямъ, вечеромъ собирались друзья родителей; часть играла въ карты, другіе сидѣли за длиннымъ чайнымъ столомъ и разговаривали. Большинство были старые, престарые. Разъ, когда она пришла проститься, она увидѣла высокаго господина съ сѣдыми волосами, съ очень строгимъ выраженіемъ лица и пронизывающими глазами, который оживленно что-то разсказывалъ про убійство Александра II, отчеканивая каждое слово. Всѣ внимательно слушали. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ сутуловатый человѣкъ въ очкахъ, весь обросшій волосами, съ густой всклокоченной бородой, но съ добродушнымъ близорукимъ взглядомъ, и еще свитскій генералъ. На слѣдующій день дѣвочка спросила у мамà, кто они.

«Высокій — Плеве, другой — Алексѣй Сергѣевичъ Ермоловъ, министръ земледѣлія, а третій — генералъ Черевинъ, другъ императора Александра III», — отвѣтила она.

Вскорѣ умеръ одинъ изъ обычныхъ посѣтителей воскресныхъ вечеромъ — Кохановъ. Мамà была больна и послала дѣвочку съ миссъ, возложить на гробъ цвѣты. Дѣвочка никогда не видѣла покойниковъ, и очень боялась.

Поѣхали послѣ завтрака. Въ залѣ на катафалкѣ стоялъ открытый гробъ. Дѣвочка подошла, опустилась на колѣни съ одной мыслью, какъ сдѣлать, чтобы на него не взглянуть: ей было бы слишкомъ страшно. Къ счастію, это ей удалось, а то она, навѣрное, нѣсколько ночей не могла бы заснуть.

Зимой на короткое время пріѣхалъ дядя Боба, братъ папà, но совершенно на него не похожій: круглый, невысокій и большой весельчакъ. У него былъ ученый пудель, творившій чудеса; а все же Арапка казался дѣвочкѣ лучше. Жена его, тетя Катя, была мрачная, сухая, некрасивая дама. Дядя очень смѣялся, когда наша дѣвочка ему разсказала, какъ надняхъ, въ пріемный день мамà, въ гостиную вошелъ молодой человѣкъ съ мохнатой гривой бѣлокурыхъ волосъ, съ типично-русскимъ лицомъ, какъ рисуютъ мужиковъ сѣверныхъ губерній, но во фракѣ съ бѣлымъ галстухомъ. Онъ представился подъ именемъ Борисова. Когда папà ѣздилъ на Мурманъ, въ школѣ церковной живописи при Соловецкомъ монастырѣ ему указали на этого само-

родка; сынъ рыбака, онъ обладалъ большимъ природнымъ дарованіемъ и мечталъ попасть въ академію. Папà взялъ его на пароходъ, привезъ въ Петербургъ и помѣстилъ въ Академію Художествъ за свой счетъ. Мамà спросила художника:

«Вы были на свадьбѣ, что въ такомъ парадѣ?»

«Никакъ нѣтъ-съ, это для васъ, ваше превосходительство», съ поклономъ, привставая съ мѣста, отвѣтилъ ей Борисовъ.

«Не попади папà въ Соловецкій монастырь, такъ и писалъ бы онъ всю жизнь иконы», — подумала дѣвочка.

Ее впервые свезли въ итальянскую оперу; давали Севильскаго цирюльника, съ Зембрихъ, Мазини и Баттистини, въ котораго она влюбилась и сейчасъ же пріобрѣла его фотографію. Ей казалось, что такъ поютъ въ раю. Она обожала музыку и, возвратившись домой, безъ конца играла переложеніе этой партитуры на роялѣ.

Какъ она ни любила миссъ, но все же не вѣрила, что та когда-либо могла продѣлывать такія трели и рулады. Не желая поставить миссъ въ неловкое положеніе, она не затрагивала этого щекотливаго вопроса.

Въ гостинной мамà устроили театрофонъ: приложишь трубку къ ушамъ и слышишь всю оперу, словно сама присутствуешь на представленіи.

Какъ-то разъ сидѣла дѣвочка въ гостинной и слушала; вдругъ раздались шаги и голоса. Она шмыгнула за драпировку, въ надеждѣ незамѣтно выйти въ зимній садъ. Увы, дверь была

закрыта на ключъ. Съ мама̀ пришла Евгенія Ивановна Муравьева. Онѣ усѣлись въ кресла и давай болтать про всякую всячину. Надежда, что онѣ скоро уйдуть, все гасла. Боясь дохнуть, чтобы не выдать себя, дѣвочка скорчилась на полу. Она страдала отъ неудобнаго положенія и отъ сознанія, что подслушиваетъ, хотя и неумышленно, чужой разговоръ. Часы пробили десять, но тѣ ни съ мѣста, одиннадцать — все сидятъ, наконецъ, въ двѣнадцать, нѣжно расцѣловавшись, дамы разошлись. Къ счастію, миссъ была въ театрѣ, поэтому дѣвочки не искали и все обошлось безъ скандала.

МАЙСКІЙ ПАРАДЪ

Мать объявила дѣвочкѣ, что поѣдетъ съ ней на Майскій парадъ. Удовольствіе предстояло двойное: смотрѣть на военный праздникъ и надѣть новую красную шляпу съ перьями и костюмъ, привезенный изъ Парижа.

На Марсово поле отправились спозаранку. Ложа была отличная, какъ разъ напротивъ царской ставки. Всѣ войска выстроились. Латы кавалергардовъ и кирасиръ, какъ и орлы на ихъ каскахъ, пышно и весело сверкали на солнцѣ. Алыя черкески конвоя Его Величества ярко выдѣлялись около бѣлыхъ ментиковъ съ бобровыми воротниками лейбъ-гусаръ. Павловцы въ своихъ конусообразныхъ вычурныхъ шапкахъ переносили въ эпоху сумасброднаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ преисполненнаго рыцарскихъ чувствъ

правнука Петра Великаго; скромные мундиры преображенцевъ заставляли обращать все вниманіе на высокій ростъ солдатъ. Знамена красиво развѣвались по вѣтру.

Къ царской палаткѣ съѣзжались всѣ великія княгини, въ бѣлыхъ платьяхъ. Заиграли трубачи и начался объѣздъ войскъ. Государь ѣхалъ на сѣромъ конѣ, за нимъ слѣдовала свита.

Среди великихъ князей выдѣлялся своимъ высокимъ ростомъ великій князь Николай Николаевичъ, съ острой бородкой; онъ разговаривалъ съ широкоплечимъ, статнымъ великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Его сыновья, одинъ красивѣе другого, рядомъ съ сѣдыми генералъ-адъютантами, среди которыхъ были носившіе вензеля императора Николая Перваго, казались еще болѣе молодыми. Баронъ Фредериксъ, министръ двора, въ юности, навѣрное, походилъ на Лоэнгрина; теперь еще онъ поражалъ своею красивою наружностью. Въ коляскѣ, запряженной à la Daumon сидѣла Императрица, какъ всегда красивая, но холодная.

«Какъ велика мощь самодержавнаго царя», — невольно думалось при видѣ этого зрѣлища, напоминавшаго могущественныя державы древней Азіи, погасшія царства мечтательной Индіи и богатой Персіи.

Окончивъ объѣздъ, Государыня вошла въ палатку, у которой остановился Императоръ со своей свитой, и начался парадъ. Войска стройно прошли передъ царемъ, гордо неся свои полковыя знамена. Лихо промчалась кавалерія,

вздымая облака пыли. Всѣ окна и балконы домовъ и дворцовъ, построенныхъ еще въ Екатерининское время, были биткомъ набиты народомъ; съ другой стороны, вдоль Марсова поля, зеленѣлъ Лѣтній садъ съ его тѣнистыми вѣковыми деревьями.

Парадъ кончился, начался разъѣздъ, Марсово поле опустѣло. Остались лишь рыхлые слѣды лошадиныхъ копытъ и тяжелыхъ солдатскихъ сапогъ.

Нѣсколько дней спустя, переѣхали на дачу. Сирени было еще больше, чѣмъ обыкновенно, она цвѣла сплошною лиловою стѣной. Дѣвочка слышала отъ отца, что скоро пріѣдетъ съ визитомъ къ царю президентъ французской республики Феликсъ Форъ. «Вотъ было бы интересно посмотрѣть на приходъ французской эскадры», — подумала она, но ничего не сказала.

Въ жизни дѣвочки ничто не измѣнилось. Учителя приходили, какъ всегда, но уроки давались теперь въ саду. По вечерамъ, она съ миссъ бродила по живописнымъ, обросшимъ акаціями и разбросаннымъ вокругъ прудовъ дорожкамъ. Островки соединялись между собою горбатыми мостиками и паромами, у которыхъ стояли сторожа въ коричневыхъ тулупахъ. Иногда миссъ и она садились въ лодку и подолгу катались. Въ воздухѣ парило; лѣниво плеская веслами, дѣвочка слушала въ тысячный разъ подробности жизни въ Couvent и описаніе прелестей Castle of the deeps. Миссъ говорила свое, а она думала и мечтала совсѣмъ о другомъ

Часто издали, съ Крестовскаго, доносились звуки какого нибудь знакомаго вальса, и грезы становились еще краше.

Она уже совершенно забыла о президентѣ французской республики, какъ вдругъ ее позвала мамà и сказала: «Насъ пригласили на большой катеръ смотрѣть на пріѣздъ президента въ Кронштадскій рейдъ». Дѣвочка была на седьмомъ небѣ, она такъ любила все, что связано съ моремъ. Когда ѣхали въ Кронштадтъ было очень весело и интересно. Встрѣча эскадръ происходила въ большомъ отдаленіи, а на рейдѣ салюты изъ пушекъ портили все удовольствіе. Каждый выстрѣлъ пугалъ дѣвочку, какъ громовой ударъ; не успѣетъ она оправиться отъ одного, какъ уже раздавался другой. Каково было переносить это ей, избѣгавшей очутиться на набережной въ двѣнадцать часовъ, когда стрѣляютъ съ Петропавловской крѣпости! А тутъ еще даже малѣйшимъ движеніемъ нельзя было показать, какъ ей непріятно. «Корабли, какъ корабли», — думала она, — «стоило очень ѣхать такую даль, чтобы слушать сотни салютовъ; лучше бы дома осталась съ миссъ и Арапкой, было бы, покрайней мѣрѣ, спокойнѣе».

Черезъ два дня президентъ присутствовалъ при закладкѣ новаго Троицкаго моста. Дѣвочка попала и сюда. Съ трибуны можно было хорошо разсмотрѣть Феликса Фора. Онъ ей не понравился: какой-то большой, пухлый, безцвѣтный, во фракѣ. «Не то, что наши великіе князья», — съ гордостью замѣтила дѣвочка миссъ, нахо-

дившейся около нея. Она особенно любовалась великимъ княземъ Алексѣмъ Александровичемъ, въ адмиральскомъ мундирѣ. Она часто встрѣчала его, гуляющимъ на островахъ; великій князь всегда ласково улыбался дѣвочкѣ. Ея любимицей была также великая княжна Елена Владиміровна, всѣ новыя фотографіи которой она всегда покупала. Она имѣла два альбома, которыми очень дорожила. Въ одномъ была коллекція снимковъ Государя и Государыни и членовъ Царскаго дома, которые почему-либо ей нравились, а въ другомъ —фотографіи артистовъ, которыхъ она видѣла на сценѣ.

Во всѣхъ кондитерскихъ продавали шоколадъ Alliance Franco-russe, вкусный и дешевый, стоившій всего полтора рубля. У нея еще остались нѣкоторыя сбереженія послѣ зимы и дѣвочка купила цѣлыхъ двѣ коробки, одну для миссъ, другую для себя.

ОДЕССА

Умерла внезапно мать папà. Дѣвочка отнеслась къ этому семейному горю равнодушно, такъ какъ бабушки не знала, но очень жалѣла отца. Панихиды служили въ Ремесленномъ училищѣ; Александра Ивановна Филаретова горячо молилась, клала земные поклоны, и, глядя на «обожаемаго» Сергѣя Юльевича, чуть не разрыдалась.

При первой возможности, поѣхали въ Одессу, гдѣ жила старая тетя Фадѣева и сестры отца.

Дѣвочку очень интересовала встрѣча съ незнакомыми теткам.

Поѣздъ, медленно пыхтя, подходилъ къ Одессѣ. На вокзалѣ она, среди должностныхъ лицъ, увидѣла двухъ дамъ въ траурѣ. Не успѣлъ папà сойти на платформу, какъ онѣ бросились къ нему на шею. Потомъ стали цѣловать и ее. Тетя Оля, какъ двѣ капли воды, походила на папà. Тотъ же ростъ, тотъ же голосъ, даже тотъ же смѣхъ. Однимъ словомъ, папà —въ юбкѣ. Другая тетя, Соня, была маленькая, худенькая, очень смуглая, съ большой бородавкой на подбородкѣ, и держала бумажный вѣеръ въ рукѣ. Позже дѣвочка узнала, что она писала романы, и, къ отчаянію брата, подписывала ихъ «С. Витте»; всѣ думали, что авторъ — папà.

Жара стояла удушливая. Отправились съ вокзала прямо на кладбище. Тети всю дорогу, безъ передышки, забрасывали папà вопросами. У склепа отслужили панихиду и поѣхали въ гостинницу «Лондонъ» переодѣться послѣ пыльнаго вагона. Всюду народъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на прiѣзжаго министра, котораго считали своимъ, одесситомъ, такъ какъ онъ здѣсь учился. Одна улица даже была названа, въ его честь, улицей Витте. Многiе помнили папà еще студентомъ. Хозяинъ гостинницы, Ящукъ, встрѣтилъ его, какъ своего заблудшаго сына. Въ юные годы, возвращаясь съ лекцiй, отецъ постоянно завтракалъ въ его ресторанѣ. Тогда у папà, послѣ того, какъ его родители разорились, было мало денегъ, а Ящукъ содержалъ скром-

ную кухмистерскую. Онъ, буквально, млѣлъ передъ папа̀, въ особенности, когда тотъ вспоминалъ старину. Единственно, чѣмъ Ящукъ могъ доказать свою преданность, — это накормить на славу; и дѣйствительно, завтракъ былъ достоинъ Лукулловскаго пира. Хозяинъ самъ прислуживалъ и, блаженно улыбаясь, говорилъ папа̀:

«А, помните, въ молодости, ваше Превосходительство, вы любили хорошій, поджаристый бифштексъ съ картофелемъ? и аппетитъ-то у васъ былъ хорошій. Какъ сейчасъ, вижу васъ въ студенческомъ мундирѣ!»

Послѣ завтрака поѣхали навѣстить тетушку, восмидесятилѣтнюю старушку, незамужнюю сестру покойной бабушки, прожившую съ нею всю свою жизнь. Она занимала помѣщеніе въ томъ же домѣ, гдѣ жили племянницы. Открылась дверь; въ гостинной, настолько загроможденной вещами, что нельзя было повернуться, не уронивъ чего нибудь, сидѣла въ креслѣ владѣлица этой квартиры, Надежда Андреевна Фадѣева. Это было крошечное, сгорбленное существо, въ черной кофтѣ безъ таліи, съ безграничнымъ выраженіемъ доброты на сморщенномъ лицѣ. Около нея стояла высокая, полная, очень пожилая женщина, которая бросилась обнимать папа̀; это была его кормилица, оставшаяся жить въ ихъ семьѣ.

Видно было, что здѣсь всѣ его боготворили, жадно ловили его каждое слово.

Рядомъ съ гостинной, находился рабочій кабинетъ Надежды Андреевны, съ громадной библіо-

текой и портретами всѣхъ ея предковъ въ одинаковыхъ гладкихъ, золотыхъ рамахъ. Старушка воплощала въ себѣ исторію не только всей семьи, но и цѣлыхъ трехъ поколѣній. Она отчетливо помнила пріѣздъ императора Александра Перваго и Пушкина, который былъ завсегдатаемъ въ домѣ ея матери, замѣчательной женщины того времени. За свои труды въ области естественныхъ наукъ она чуть-ли не была выбрана членомъ Петербургской академіи, которой подарила собранную ею коллекцію растительности Кавказа. Многіе европейскіе ученые вели съ нею переписку. Судя по портретамъ, папа̀ на нее былъ очень похожъ. Здѣсь все дышало отдаленною стариной.

Въ столовой уже кипѣлъ самоваръ; всѣ усѣлись за круглымъ столомъ. Тети пичкали дѣвочку, какъ младенца, конфетами, вареньемъ, печеньемъ и дивились ея скромному поведенію. Вдругъ поднялся лай, всѣ засуетились и впустили въ комнату жирнаго, противнаго мопса.

Папа̀ ненавидѣлъ маленькихъ собакъ, но, изъ уваженія къ тетѣ, молчалъ. Она такъ любила этого пса, что въ былое время, брала его съ собою, даже въ театръ, «чтобы Бобикъ одинъ не скучалъ». Забравшись подъ столъ, Бобикъ обнюхалъ ноги присутствующихъ, стараясь ихъ укусить. Папа̀ сидѣлъ, какъ на иголкахъ.

Становилось поздно; родители сказали, что отвезутъ дѣвочку домой и вернутся.

Въ гостинницѣ было уже заказано мороженое, которымъ разрѣшили полакомиться. Про-

стившись съ дочерью, они ушли. Сбросивъ тутъ скромную личину, удобно усѣвшись въ самое мягкое кресло, юная дѣвица принялась за ванильное мороженое, но, послѣ третьей порціи, ей, что-то больше не захотѣлось ѣсть. Подумавши немного, она пришла къ убѣжденію, что это исключительный случай, которымъ надо воспользоваться и, собравъ всѣ свои силы, одолѣла остальныя три. Ночью она подумала, что умираетъ, и позвала на помощь Лизу, горничную мама̀. Та ей принесла eau de Melisse; дѣвочка на вѣки вѣчные съ благодарностью запомнила Les péres des Carmes, которые изобрѣли средство, спасшее ей жизнь.

Когда сгладилось впечатлѣніе новизны, ей стало скучно; она чувствовала себя гораздо самостоятельнѣе съ миссъ, хотя та иногда и ворчала. Здѣсь же она должна была слѣдовать, какъ тѣнь, за родителями. Цѣлый день проводили съ тетками и Шуваловыми. Графъ Шуваловъ въ то время былъ одесскимъ градоначальникомъ. Жили они въ Воронцовскомъ дворцѣ, съ живописнымъ видомъ на море. Чѣмъ всей компаніи было веселѣе, тѣмъ дѣвочкѣ становилось грустнѣе. Ее тянуло домой къ миссъ, къ Арапкѣ и даже къ Степанидѣ. Катались, ѣли; опять катались, опять ѣли. Жарко было, точно грѣшникамъ на страшномъ судѣ. Ѣдешь въ экипажѣ, а пыль такъ и хруститъ подъ зубами.

Наконецъ, насталъ, давно желанный, день отъѣзда. Дѣвочка съ чувствомъ расцѣловала всѣхъ тетушекъ, такъ она была рада уѣхать.

Онѣ крестили, обнимали папа̀, плакали, разставаясь съ нимъ, но ее это не трогало; дѣвочка съ нетерпѣніемъ ждала третьяго звонка, — а то, кто знаетъ, вдругъ родителямъ вздумается еще пожить въ Одессѣ, и они не уѣдутъ съ этимъ поѣздомъ.

НОВЫЕ УЧИТЕЛЯ

Вернувшись изъ-за границы, дѣвочка совершенно погрузилась въ ученіе. На смѣну Вѣрѣ Иннокентьевнѣ появился Дмитрій Алексѣевичъ, строгій молодой человѣкъ, преподававшій всѣ науки. Она читала, съ жадностью какъ-бы проглатывала книги и все больше увлекалась исторіей и литературой. Единственный предметъ, который она не могла одолѣть и который ненавидѣла всей душой, была математика. Дмитрій Алексѣевичъ призывалъ ее къ вниманію, стуча по столу линейкой, но ничто не помогало. Часто занятія проходили подъ аккомпаниментъ храпа миссъ, засыпавшей въ креслѣ подъ говоръ незнакомаго ей языка, но никогда въ этомъ не признававшейся. Эти уроки дѣвочкѣ доставляли истинное наслажденіе, она мечтала сдѣлаться ученою женщиной.

Музыкою съ ней занимался профессоръ консерваторіи, Карлъ Карловичъ Ванъ-Аркъ, сынъ органиста голландской церкви. Съ этимъ учителемъ она вскорѣ подружилась, несмотря на его страшную наружность. Квазимодо, навѣрное, на него походилъ. Голова, какъ котелъ, со вскло-

коченными волосами, носъ крючкомъ, глаза, смотрящіе изъ подъ нависшихъ густыхъ бровей, низкое, коренастое туловище; наружность эта дополнялась хромой ногой, которую Карлъ Карловичъ волочилъ за собою. Сердясь, онъ запускалъ пальцы въ свою сѣдую гриву и хромалъ еще сильнѣе, сердито припѣвая въ тонъ замученной ученицѣ. Этотъ превосходный преподаватель, котораго Рубинштейнъ ставилъ выше всѣхъ въ консерваторіи, имѣлъ несчастіе быть композиторомъ. Болѣе нудныхъ, трудныхъ и растянутыхъ композицій нельзя себѣ вообразить; между тѣмъ приходилось не только учить, но и учить наизусть вещи вродѣ «Chant élégiaque» въ пятнадцать страницъ, съ семью діезами! Когда Ванъ-Аркъ бывалъ въ духѣ, онъ игралъ съ ученицей въ четыре руки, что доставляло ей большое наслажденіе, хотя профессоръ никогда не допускалъ, чтобы останавливались по серединѣ, заявляя: «Все равно, лучше врите, потомъ разберемъ, въ чемъ дѣло, только продолжайте». Онъ умѣлъ вдохновлять своей музыкальностью, и дѣвочкѣ чудились всѣ ея дѣтскія грезы въ ноктюрнахъ Шопена или въ пѣсняхъ Грига, которыя она при немъ играла. Рояль говорилъ человѣческимъ голосомъ, угрюмое лицо хромого урода одухотворялось, дышало вдохновеніемъ. Въ комнатѣ темнѣло, но оба этого не замѣчали...

Ванъ-Аркъ любилъ черноглазую дѣвочку, хотѣлъ изъ нея сдѣлать настоящую артистку.

Вмѣсто Гризара, приходила M-me Федотова, премилая француженка. Но пріятнѣе всѣхъ для

нея была миссъ. Она никогда не насмѣхалась надъ вымыслами дѣвочки, которая при ней могла размышлять вслухъ. Дѣвочка всегда надумывала какой-нибудь разсказъ, въ которомъ играла первенствующую роль и въ которомъ всѣ лица, вымышленныя или существующія, почему-либо интересовавшія ее когда-нибудь, принимали участіе. Мысленное сочинительство тянулось мѣсяцами, такъ какъ единственное время, когда она могла предаваться своей фантазіи, было ночью или на прогулкѣ. Случалось, что разсказъ еще не былъ конченъ, а отношеніе дѣвочки къ одному изъ лицъ мѣнялось: тогда она отодвигала его на второй планъ, ставила въ какое-нибудь невыгодное положеніе. Всѣ повѣствованія кончались смертью героини, послѣ тяжкой болѣзни; она умирала, окруженная всѣми, которые ее любили, безутѣшно рыдавшими у ея постели. Дѣвочкѣ самой становилось безгранично жаль, что она должна умереть такой молодой. Ею овладѣвало вдругъ малодушіе, — и, хотя она сознавала, какъ это неправильно, — заставляла себя выздоравливать въ самую рѣшительную минуту. Миссъ всегда слушала ея разсказы съ большимъ интересомъ, никогда не находила ихъ глупыми.

Одно только не нравилось ей въ милой англичанкѣ: ея пѣніе, въ особенности The last rose of summer.

Но миссъ была непоколебима; когда она пѣла, ея непріятный, высокій голосъ доносился до третьей комнаты.

Она развивала въ дѣвочкѣ вкусъ ко всему прекрасному водила ее по музеямъ, обращала ея вниманіе на природу и заботливо отвлекала отъ сплетенъ и пустой болтовни.

Разъ дѣвочка совершила большое преступленіе: она тайкомъ прочла весь романъ Madame Sans-Gène, приложеннный къ «Живописному Обозрѣнію», которое для нея выписывали. Грѣхъ былъ ужасный, но соблазнъ былъ слишкомъ великъ. Сколько страха она пережила! Читала она въ кровати; вдругъ, въ самомъ интересномъ мѣстѣ, ей послышатся въ сосѣдней комнатѣ шаги миссъ. Она поскорѣй тушила свѣчку и пряталась подъ одѣяло. Какъ стихнетъ, она опять бралась за книгу и съ жадностью впивалась въ каждую страницу. Ее повергъ въ большое недоумѣніе разсказъ о родахъ императрицы Маріи-Луизы. Наполеонъ сказалъ Корвизару: sauvez la mère. Что это могло означать? Она, конечно, могла бы спросить подругу, но непріятно будетъ сознаться, что она этого не понимаетъ; придется остаться въ невѣдѣніи. Въ эту минуту, ей очень было жаль Наполеона: онъ, вѣдь, такъ хотѣлъ имѣть наслѣдника.

«Отчего, въ сущности, ей не позволяютъ читать французскіе романы, что въ нихъ особеннаго?» думала она. Прочитавши книгу до конца, дѣвочка все же чувствовала себя прескверно. Ее мучила совѣсть, что, обманувъ миссъ, она поступила нечестно; а ей всегда такъ довѣряли. Чѣмъ больше она объ этомъ размышляла, тѣмъ сильнѣе раскаивалась. Наконецъ, дѣвочка не выдержала

и пришла къ миссъ съ повинной. Ей было очень трудно на это рѣшиться; самолюбіе жестоко страдало.

Вскорѣ въ Петербургъ пріѣхалъ знаменитый трагикъ Сальвини; дѣвочку взяли въ театръ. Давали «Короля Лира». Онъ игралъ по итальянски, а остальные актеры по русски. Но это двоеязычіе совсѣмъ не рѣзало слухъ. Сколько мощи, величія и скорби было въ образѣ безумнаго короля, плачущаго надъ тѣломъ своей дочери Корделіи. Дѣвочка сама готова была зарыдать, но тщательно старалась, чтобы родители не замѣтили ея волненія.

На масляной она очень веселилась на дѣтскихъ балахъ, гдѣ съ нею танцовали сплошь да рядомъ пажи старшихъ классовъ и, иногда, совсѣмъ взрослые. Многія изъ подругъ очень завидовали ей.

Къ мама̀ пришелъ съ визитомъ старый графъ Протасовъ-Бахметьевъ, стоящій во главѣ вѣдомства Императрицы Маріи. Высокій, длинный, съ сѣдымъ парикомъ, въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ, онъ держалъ въ рукѣ куколку, одѣтую институткой, которую преподнесъ нашей дѣвочкѣ. Пришлось пріятно улыбнуться и поблагодарить, но, вернувшись въ свою комнату, она съ негодованіемъ бросила куклу за шкафъ. Видно, такъ и не освободиться ей отъ надоѣвшихъ подарковъ!

Дѣвочка никакъ не могла отдѣлаться отъ впечатлѣнія, которое произвело на нее извѣстіе, услышанное за обѣдомъ. Папа̀ сказалъ,

что днемъ, во время пріема, какой-то студентъ застрѣлилъ министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова. Она его помнила, онъ приводился родственникомъ князю Ливенъ, у котораго она такъ веселилась на масляной.

Папà былъ очень разстроенъ, всѣ ходили сосредоточенные и почему-то говорили шопотомъ. «Вдругъ и на папà сдѣлаютъ покушеніе», — съ ужасомъ подумала она.

Разсуждая о случившемся во время прогулки съ миссъ, дѣвочка нечаянно толкнула одну изъ двухъ пожилыхъ дамъ, вѣчно гулявшихъ по набережной. Въ этомъ сезонѣ у нихъ были шляпы прежняго фасона, но не фисташковаго цвѣта, а vieux rose. Все было по старому, — тѣ-же зонтики въ рукахъ, таже улыбка, тотже французскій разговоръ; не хватало лишь обыкновенно слѣдовавшей за ними горничной въ черномъ пальто и платкѣ. Поэтому, вѣроятно, у нихъ былъ такой растерянный, безпомощный видъ.

ЗАГРАНИЦЕЙ

Пріѣхали въ Карлсбадъ. Сезонъ былъ въ полномъ разгарѣ. Утромъ около Шпруделя толпились пріѣзжіе, говорившіе на всевозможныхъ языкахъ. Нарядныя дамы, весело болтая, ходили взадъ и впередъ, со стаканами воды въ рукѣ. Въ креслахъ на колесикахъ подвозили укутанныхъ пледами больныхъ, съ измученными, блѣдными лицами. Тутъ же продавали розы,

которыя быстро раскупались предупредительными кавалерами.

Послѣ прогулки около источника, гдѣ узнавали всѣ новости и сплетни, ту же публику можно было видѣть опять, сидящею за столиками у Пуппа и пьющею съ апетитомъ кофе, истребляя ветчину и вкусныя вѣнскія булки.

Въ окнахъ магазиновъ красовались богемскій хрусталь, съ золотыми узорами на красномъ или бѣломъ фонѣ, разноцвѣтные камни и вѣера изъ ястребиныхъ крыльевъ.

Окрестныя горы были покрыты рощами, перерѣзанными ручейками, въ которыхъ водились форели; во время прогулокъ, можно было отдыхать въ маленькихъ ресторанахъ, разбросанныхъ на небольшомъ разстояніи другъ отъдруга.

Вилла «Амалія», въ которой они жили, находилась въ сторонѣ отъ главной части города.

Разъ отецъ рѣшилъ пойти съ дѣвочкой пѣшкомъ въ какое-то мѣстечко, находившееся въ двѣнадцати километрахъ отъ города, разсчитывая вернуться въ экипажѣ. Прошли три четверти дороги; началъ накрапывать дождь. Зонтика у нихъ не было. Спрятались подъ большимъ дубомъ; капли становились все крупнѣе и вдали загрохоталъ громъ. Раскаты гремѣли все сильнѣе, въ темныхъ тучахъ сверкнула молнія, разразился такой ливень, про какіе только въ романахъ пишутъ. Оставаться подъ деревомъ было опасно; вернуться въ Карлсбадъ пѣшкомъ — немыслимо. Къ счастію, до ресторанчика оставалось всего три километра. Гроза не сти-

хала, свинцовыя тучи заволокли небо, такъ что приходилось пробираться во мракѣ, и только молнія на мгновеніе освѣщала все вокругъ. Дождь, какъ бичъ, хлесталъ по лицу, деревья качались отъ дико воющаго вѣтра. Вдругъ раздался оглушительный трескъ, и, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, упалъ, сраженный молніей, коренастый дубъ. Вода текла съ одежды ручьемъ; дѣвочка съ трудомъ передвигала окоченѣвшія ноги, въ разбухшихъ отъ воды башмакахъ. Путь казался безконечнымъ; и какъ жутко было въ этомъ безлюдномъ лѣсу! Наконецъ, уставшіе и мокрые, они увидѣли въ окнѣ какого-то дома огонекъ. Это былъ желанный ресторанъ. Столовая его была биткомъ набита народомъ, искавшимъ убѣжища отъ непогоды. Хозяйка, старая женщина, увѣряла, будто болѣе ста лѣтъ не видывали такой грозы. Дѣвочка вся тряслась, какъ въ лихорадкѣ, въ своемъ мокромъ платьѣ, прилипшемъ къ тѣлу. Хозяйка сжалилась, дала ей сухую одежду и напоила горячимъ кофе.

Уже было поздно, гроза стихла, но дождь все лилъ; дѣлать нечего — надо было двинуться въ путь. Увы, всѣ экипажи оказались уже разобранными. Опять предстояла длинная прогулка пѣшкомъ черезъ темный лѣсъ. Папа̀ очень безпокоился о мама̀, зная, въ какой она, должно быть, тревогѣ. Они вновь очутились во мглѣ и сырости, во мракѣ шлепали по лужамъ, не замѣчая ихъ. Они даже потеряли счетъ времени. Наконецъ, сквозь туманную завѣсу различили городскіе фонари и, измученные, попали къ себѣ

домой. У подъѣзда ихъ ждала, до смерти перепуганная, мама̀, считавшая ихъ уже погибшими. Она не сразу узнала въ жалкой фигурѣ, облаченной въ толстую длинную юбку и грубую холщевую рубашку, свою выхоленную дочь.

На слѣдующее утро, отдохнувши отъ волненій прошедшаго дня, дѣвочка была очень довольна, что могла всѣмъ разсказывать, какъ она и папа̀ чуть не были убиты молніей въ Карлсбадскомъ лѣсу. Жизнь снова потекла однообразно и скучно. Въ видѣ развлеченія, дѣвочку отпустили на два дня съ миссъ въ Нюренбергъ. Глядя на узкіе каналы съ горбатыми мостиками, какъ въ Венеціи, на старыя улицы съ причудливыми домами, она мысленно переносилась ко временамъ Ганса Сакса и мейстерзингеровъ. Въ городской башнѣ, гдѣ выставлены орудія пытки, ей стало жутко, когда сторожъ началъ объяснять ихъ примѣненіе. Въ сумеркахъ средневѣковый городъ казался еще живописнѣе. Некрасивыя очертанія прохожихъ стушевывались въ полумракѣ. Площадь съ соборомъ, при лунномъ свѣтѣ, манила къ себѣ очарованіемъ сказки.

Дѣвочкѣ та́къ не хотѣлось возвращаться въ шумный Карлсбадъ, что она почти со слезами на глазахъ сѣла въ поѣздъ, который долженъ былъ вернуть ее къ будничной жизни.

Послѣ курса леченія, перебрались на нѣкоторое время въ Берлинъ. Дѣвочка не любила эту шумную, богатую, но безвкусную столицу. Языка она не знала. Оставалось лишь осматривать съ миссъ музеи и дворцы. Одинъ только

вечеръ она была, дѣйствительно, счастлива. Она обѣдала съ родителями у Роберта Мендельсона, внука композитора. Онъ самъ былъ настолько выдающійся музыкантъ, что игралъ на віолончели въ квартетахъ Іоахима.

Разговоръ зашелъ о музыкѣ, и, послѣ обѣда, взявъ свой инструментъ, хозяинъ предложилъ дѣвочкѣ ему аккомпонировать на роялѣ. Сначала ей было страшно, но вскорѣ она забыла обстановку, забыла самого Роберта Мендельсона, слышала лишь его пѣвучую, прочувствованную игру. Оба инструмента слились: музыка сравняла возрасты.

Нѣсколько времени спустя, къ отцу пріѣхалъ какой-то банкиръ. Видъ у него былъ очень сконфуженный. Долго мялся и, наконецъ, краснѣя, сказалъ, что въ одной газетѣ была тиснута сенсанціонная новость о смерти папà и что ему очень непріятно являться вѣстникомъ такого нелѣпаго слуха. Папà эта исторія очень разсмѣшила, а его собесѣдникъ такъ и остался при своемъ смущеніи. Вскорѣ послѣ этого, молодой итальянскій анархистъ убилъ въ Женевѣ австрійскую императрицу Елизавету. Родители и дѣвочка были въ театрѣ, когда пришла объ этомъ телеграмма. Въ Берлинѣ на всѣхъ она произвела тяжелое впечатлѣніе. Кому нужна была смерть этой несчастной женщины? Дѣвочка немедленно пріобрѣла ея фотографію и долго всматривалась въ трагическое лицо убитой.

Начали собираться домой. Каждую минуту приносили пакеты, къ величайшему отвращенію

папà. Пріѣхалъ докторъ Шапировъ, тоже возвращавшійся въ Россію.

Мамà везла съ собой широкіе модные абажуры, изъ газа и кружевъ; если ихъ сомнутъ, они превратятся въ тряпки. Она надѣялась, что на таможнѣ чиновники сквозь пальцы посмотрятъ на эти картонки и не раскроютъ ихъ. Въ Вержболовѣ папà потребовалъ ключи, передалъ ихъ чиновнику для осмотра багажа; злополучныя картонки были случайно замѣчены и отнесены въ залъ, для оплаты пошлиной.

Мамà была въ отчаяніи, зная, что абажурамъ смерть, если ихъ начнутъ трепать, и даже расплакалась отъ досады. Чиновникъ, желая доказать министру свое рвеніе къ службѣ, буквально все перерылъ, и заставилъ мамà заплатить двойную пошлину за абажуры.

Докторъ Шапировъ, который ѣхалъ въ томъже поѣздѣ, влѣзъ въ вагонъ, гдѣ сидѣла сестра какого-то важнаго чиновника пограничной стражи. Не зная, что докторъ — пріятель министра финансовъ, она стала откровенничать, безпощадно браня папà. Вдругъ въ отдѣленіе вошелъ курьеръ и сказалъ доктору: «васъ министръ проситъ».

Дама поблѣднѣла, позеленѣла, съ ней чуть не сдѣлалось дурно отъ ужаса. Она уже видѣла своего брата, выгнаннымъ со службы за ея пересуды. Какъ докторъ ее не успокаивалъ, ничто не помогло; она призывала всѣхъ святыхъ, чтобы вывести ее изъ этого отчаяннаго, по ея мнѣнію, положенія.

ЗИМА

Пятнадцать лѣтъ. «Мнѣ сегодня пятнадцать лѣтъ», — повторяла, проснувшись дѣвочка и рѣшила, что съ этого дня она должна сдѣлаться серьезнѣе. Она чувствовала себя далекой отъ того времени, когда увлекалась такими книгами, какъ «Безъ семьи» или «Гуттаперчевый мальчикъ». Теперь она зачитывалась Тэномъ и Монтескье, размышляла о соціальныхъ вопросахъ, по своему разбираясь въ нихъ. Французская революція ее увлекала. Она жалѣла Марію Антуанету и дофина, оплакивала ихъ трагическую судьбу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, питала большую симпатію къ Madame Rolland и интересовалась Робесьперомъ. Единственнымъ человѣкомъ, котораго она посвящала въ свои размышленія, была миссъ, казавшаяся ей теперь наивной и сантиментальной, но которую она продолжала нѣжно любить. Верхъ безнравственности въ глазахъ старой англичанки представлялъ романъ Дюма «Дама съ камеліями», хотя онъ ей очень нравился; миссъ была огорчена, что героиня не успѣла на смертномъ одрѣ покаяться въ своей бурной жизни.

Въ области литературы и исторіи дѣвочка чувствовала свое превосходство надъ гувернанткой, судившей обо всемъ, какъ во времена своей жизни въ Couvent.

Дмитрій Алексѣевичъ все больше и больше развивалъ въ юной ученицѣ любовь къ литера-

турѣ и поэзіи; она чрезвычайно дорожила его уроками.

Съ Карломъ Карловичемъ она уже играла «лунную» сонату; слушая ее, онъ покачивалъ своей сѣдой головой и говорилъ: «Еслибы только вы были менѣе лѣнивы, какую бы артистку я изъ васъ сдѣлалъ!»

Хотя она и любила подругъ, но никогда съ ними не дѣлилась своими мыслями, а болтала о флиртѣ и кавалерахъ. Она бывала очень довольна, когда за ней ухаживали, и считала это чуть не любезностью со стороны поклонниковъ, такъ какъ была очень скромнаго мнѣнія о своей наружности и преувеличивала достоинства другихъ людей.

Разъ въ недѣло для нея приглашали молодежь. Среди ея товарокъ была одна толстенькая, добродушная, съ голубыми круглыми глазами, которые она часто закатывала, умиленно восторгаясь. Это была старшая дочь Танѣева, управляющаго канцеляріей Его Величества, Аня. Дѣвочкѣ она напоминала разсказы Вѣры Иннокентьевны о пламенныхъ институткахъ, всегда обожавшисъ кого-нибудь.

Привелось пережить большое горе, померъ отъ старости Арапка. Бѣдный песъ словно предчувствовалъ свой конецъ. Больной, хромой, онъ еще ходилъ за дѣвочкой, какъ тѣнь, все лизалъ ея руки, и, въ одно пасмурное утро, его не стало. Классная какъ-будто осиротѣла, не хватало обычнаго посѣтителя, грѣющаго свои старыя кости на медвѣжьей шкурѣ, у пылающаго ками-

на. Степанида была безутѣшна. Арапка былъ ея питомцемъ, она его нѣжно любила, хотя ворчала, когда приходилось присматривать за нимъ.

Въ Петербургъ пріѣхала труппа Московскаго Художественнаго театра. Дѣвочку взяли на «Дядю Ваню». Сидя въ театрѣ, она скоро забыла, что это только сценическое представленіе. Ея сердце усиленно билось. Она не могла видѣть равнодушно, какъ мучились Соня и дядя Ваня, безпомощные передъ жестокой жизнью, разрушившей ихъ мечтательные порывы и навсегда приковавшей къ сѣрому, ничтожному существованію. Дѣвочку покоробило, когда она замѣтила, что публика смѣется надъ жалобами такъ несправедливо обиженныхъ судьбою. Ей стало невыразимо грустно и какъ-бы совѣстно за свою безпечную и счастливую жизнь, столь не похожую на участь этихъ страдающихъ людей.

Чтобы не выдать своего волненія, она, по окончаніи спектакля, сдѣлала равнодушное лицо и всячески избѣгала разговаривать о томъ, что глубоко запало въ ея душу. Кто могъ бы ей объяснить все, что она сейчасъ видѣла и слышала? Не къ кому было обратиться съ волновавшимъ ее вопросомъ. Миссъ русской жизни совершенно не знала, а съ другими ей не хотѣлось дѣлиться своимъ тоскливымъ недоумѣніемъ. Дѣвочка впервые смутно почувствовала одиночество человѣческой души.

Вскорѣ у великой княгини Маріи Павловны должны были восемь или десять паръ танцовать въ костюмахъ.

Дѣвочку пригласили на репетицію. Она немного стѣснялась, но радушный пріемъ хозяевъ дворца быстро разсѣялъ ея смущеніе. По всей залѣ раздавался зычный голосъ добродушнаго Великаго Князя, съ мощной фигурой богатыря. Великая Княгиня, ласково улыбаясь, привлекала своей простотой и любезностью; всякому, съ кѣмъ она говорила, казалось, что именно къ нему она питаетъ невыразимое расположеніе. Раздались первые звуки вальса; плавно вошли въ залу исполнители, одѣтые въ костюмы первой имперіи. Въ первой парѣ танцовала великая княжна Елена Владиміровна, съ грустными лучистыми глазами и тонкими чертами лица, обрамленнаго черными локонами, которые выбивались изъ подъ ея шляпы съ перьями. Остальныя дамы были на подборъ красивы, одна привлекательнѣе другой. Кавалеры, въ формахъ Александровскаго времени, напоминали балы, въ которыхъ участвовали наши прабабушки и въ вихрѣ которыхъ красавица Гончарова плѣнила молодого Пушкина. «Когда-нибудь и про насъ такъ будутъ разсказывать», — думала дѣвочка, любуясь этимъ видѣніемъ старины, воскресшей въ исполненіи знатной молодежи.

Опять потянулись однообразные дни и недѣли; дѣвочка съ нетерпѣніемъ ждала Благовѣщенія, полкового праздника конной гвардіи. Мамà сказала, что возьметъ ее съ собою.

Насталъ давно желанный день. Погода стояла весенняя, хотя снѣгъ еще не растаялъ. Къ полковому манежу подъѣзжали нарядныя дамы

въ свѣтлыхъ платьяхъ. На трибунѣ, отведенной для приглашенныхъ, виднѣлись бѣлокурыя и темныя головки веселыхъ барышень, окруженныхъ офицерами въ каскахъ съ золотыми орлами. Царская ложа постепенно наполнялась. За великими княгинями съ букетами, перевязанными синими и желтыми лентами, стояли полковыя дамы. Вскорѣ прибыли и обѣ Государыни. Одна — привѣтливая, съ неправильными чертами, но съ прекрасными темными глазами и чарующей улыбкой, другая — высокая, съ гордой, величественной осанкой и съ застывшимъ выраженіемъ лица, отъ котораго вѣяло холодомъ и равнодушіемъ.

Солнце озаряло весь манежъ, придавая ему еще болѣе радостный и праздничный видъ. Забили барабаны, загремѣли трубачи и вошелъ царь, въ сопровожденіи блестящей свиты. На немъ былъ конногвардейскій мундиръ и андреевская лента. Хотя онъ казался маленькимъ около своихъ рослыхъ дядей, но подкупалъ задумчивыми карими глазами и, какъ казалось дѣвочкѣ, загадочной улыбкой. Когда онъ поздравилъ полкъ съ праздникомъ и сказалъ свое Царское спасибо, ура, которое вырывалось изъ тысячи грудей, потрясло своды манежа. По окончаніи торжества, когда коляска императора уже удалилась, съ улицы донеслись радостные возгласы привѣтствующей его толпы.

«Какъ всѣ любятъ Государя», — замѣтила дѣвочка матери, уходя довольная и восторженная. Черезъ два года, и она будетъ выѣзжать на балы,

будетъ танцовать съ красивыми конногвардейцами, а не съ какими-то пажами и лицеистами. Хотя они и милые, но все же пока еще только мальчики.

Мать тяжело заболѣла и зима окончилась грустно. Папа̀ ходилъ мрачный и разстроенный; онъ всегда, когда мама̀ не принимала участія въ жизни семьи, становился унылымъ. Всѣ въ домѣ волновались, выписывали докторовъ, но больная все ослабѣвала. Пріѣхала какая-то иностранная знаменитость, извѣстный профессоръ. Съ замираніемъ сердца ждали его приговора. Минуты, когда онъ осматривалъ больную, казались вѣчностью. Онъ вышелъ изъ ея комнаты и начался консиліумъ съ русскими коллегами. Душевная пытка близкихъ продолжалась. Наконецъ, дверь открылась, вошелъ папа̀, растроганный, со слезами на глазахъ, и объявилъ, что жизнь мама̀ не въ опасности, но что ей надо набрать силъ и уѣхать заграницу. У всѣхъ свалился камень съ сердца. «Мама̀ поправится, опять будетъ веселая и здоровая», — повторяла дѣвочка, радостно волнуясь.

Дѣйствительно, вскорѣ мать встала съ кровати, и блѣдная, слабая, въ сопровожденіи доктора и дочери, отправилась на югъ.

ЕЛАГИНЪ ОСТРОВЪ

Дѣвочка такъ сроднилась съ Елагинымъ, что не могла бы себѣ вообразить существованіе безъ этого милаго острова, съ его бѣлымъ дворцомъ

и колоннадами. Цвѣтники сплошнымъ ковромъ спускались до самой Невы. Съ павильономъ на берегу рѣки были связаны воспоминанія всей ея юной жизни; бывало, она бѣгала здѣсь на гигантскихъ шагахъ съ Арапкой, который ее догонялъ и, видя на недосягаемой высотѣ, яростно лаялъ. Старикъ Егоровъ, завѣдывавшій садомъ и оранжереями, скончался зимой и ей недоставало этой симпатичной фигуры, которую всегда можно было встрѣтить въ питомникѣ.

Дѣвочка любила бродить по заламъ заглохшаго дворца, сохранившаго въ себѣ всю прелесть былыхъ дней. Въ этихъ самыхъ комнатахъ, съ мебелью изъ карельской березы съ бронзовыми орнаментами, за клавесиномъ сиживала хрупкая, златокудрая императрица Елизавета Алексѣевна, ожидая прихода своего рѣнценоснаго супруга. Тутъ же мрачный Аракчеевъ дѣлалъ доклады императору Александру Павловичу. Отъ каждаго предмета вѣяло старрной, любой стулъ или столъ могъ бы разсказать длинную исторію своего былого величія и блеска. Дѣвочка сожалѣла, что не служили въ дворцовой церкви. Здѣсь, навѣрное, молилось бы лучше, чѣмъ гдѣлибо. Какъ она любила бѣлыя ночи, когда дворецъ казался волшетнымъ замкомъ, гдѣ беззвучно скользятъ призраки минувшаго!

Лѣтомъ было больше свободнаго времени, и она попросила мать учить ее по итальянски. Рекомендовали учителя; урокъ былъ назначенъ на слѣдующій день. Появился маленькій старичекъ точно изъ сказокъ Гормана, съ восторжен-

нымъ видомъ и театральными жестами; звали его signor Capelini.

Оказалось, что въ юности онъ былъ артистомъ итальянской оперы въ Тифлисѣ и давалъ уроки бабушкѣ папа̀. Онъ сразу началъ объяснять значенiе самыхъ выспреннихъ словъ. Вскорѣ она могла разсказывать по итальянски, какъ летаютъ по небу ангелы съ бѣлоснѣжными крыльями, какъ звѣзды блестятъ на темномъ небѣ, какъ вѣтеръ проносится по волнамъ океана, но еслибы ее спросили, который часъ, или какъ называется стулъ и столъ, она врядъ-ли бы съумѣла отвѣтить: это были слишкомъ низменные предметы для высокопарной души стараго синьора, мечтавшаго еще о Тамберликѣ и Гризи. Онъ очень подходилъ къ духу Елагина, но мама̀ скоро прекратила эти занятiя, не приносившiя ни малѣйшей пользы.

Карлъ Карловичъ прiѣзжалъ съ дачи и они часами играли въ четыре руки; за чаемъ, онъ разсказывалъ о своей музыкальной дѣятельности и о своихъ встрѣчахъ съ Вагнеромъ и Листомъ, которыхъ очень почиталъ. Онъ тогда оживлялся и картинно передавалъ все пережитое. Но, если, не дай Богъ, Карлъ Карловичъ бывалъ не въ духѣ или ученица брала фальшивую ноту, онъ съ яростью грозилъ ей линейкой, нетерпѣливо вздыхалъ и ворчалъ, какъ Степанида.

Иногда друзья родителей брали дѣвочку въ Сестрорѣцкъ, гдѣ недавно устроили курортъ. Безконечный пляжъ, покрытый сыпучимъ пескомъ, тянулся вдоль хвойнаго лѣса, пахнувшаго

сосной. Среди лѣса были разбросаны деревянныя дачи всевозможныхъ размѣровъ; на балконахъ въ соломенныхъ креслахъ сидѣли дачники. Вечеромъ большая терасса курзала была очень красива. Публика стушевывалась во мракѣ, видна была только ширь Финскаго залива, озаренная луннымъ свѣтомъ ; музыка, доносившаяся изъ залы, сливалась съ легкимъ плескомъ волнъ.

Разъ, когда дѣвочка вернулась изъ Сестрорѣцка, она застала въ гостинной у матери министра иностранныхъ дѣлъ, графа Муравьева. Онъ ей подарилъ махровую чайную розу, желтую съ легкимъ абрикосовымъ оттѣнкомъ. Онъ былъ очень оживленъ и разсказывалъ мамà анекдоты, которые ее очень смѣшили.

На слѣдующее утро, Степанида, явившись будить молодую барышню, равнодушно сказала: «Графъ Муравьевъ приказалъ вамъ долго жить, они ночью скончались».

Дѣвочку охватилъ невообразимый ужасъ. На ея столѣ, грустно опустивши голову, стояла чайная роза съ слегка поблекшими лепестками, которую онъ ей вчера далъ, а теперь она никогда больше его не увидитъ.

На мѣсто Муравьева назначили графа Ламздорфа, чрезвычайно застѣнчиваго, но очень милаго человѣка. Онъ любилъ дѣвочку и, когда навѣщалъ ея родителей, подолгу съ ней разговаривалъ.

Какъ-то отправились большой компаніей въ Шлиссельбургъ, на яхтѣ «Роксана», находящейся въ распоряженіи министра финансовъ.

Взяли и дѣвочку. Она себя чувствовала, одна среди взрослыхъ, немного растерянной и подсѣла къ князю Петру Дмитріевичу Святополкъ-Мирскому, котораго хорошо знала. Его некрасивое, смуглое лицо съ бородкой привлекало къ себѣ своею выразительностью. Веселый и добродушный, онъ отличался сердечностью и имѣлъ мужество не скрывать своихъ убѣжденій. Съ ними же ѣхалъ Михаилъ Александровичъ Стаховичъ, красивый и нарядный, остроумный собесѣдникъ, увлекающаяся художественная натура. Когда онъ говорилъ о Толстомъ, котораго высоко чтилъ, или о другихъ писателяхъ, его восторгъ невольно заражалъ слушателей. Родители его очень любили и онъ всегда у нихъ бывалъ, когда пріѣзжалъ изъ Орла въ Петербургъ.

Послѣ долгаго плаванія вверхъ по Невѣ, вдоль ея зеленыхъ береговъ, показался вдали Шлиссельбургъ; вскорѣ подъѣхали къ страшному замку. Жутко было подумать, что за его стѣнами, въ казематахъ, томятся заживо похороненные люди. О нихъ избѣгали говорить, какъ-будто они — зачумленные, а у каждаго изъ нихъ, вѣроятно, есть семья и близкіе. Неужели они и для нихъ мертвецы? «За что и почему они погибаютъ», — недоумѣвала дѣвочка. Эта мысль неотвязно ее преслѣдовала, но она не рѣшалась спросить отца, несмотря на то, что онъ былъ единственнымъ человѣкомъ, который могъ бы разрѣшить мучительное сомнѣніе. Она боялась, что вдругъ его отвѣтъ ея не удовлетворитъ и

онъ скажетъ, что съ осужденными поступили правильно.

Встрѣтилъ ихъ комендантъ и, гуляя по двору, давалъ папà объясненія. Онъ производилъ впечатлѣніе добраго человѣка. Но каковъ-бы онъ ни былъ, никакая доброта не можетъ замѣнить узникамъ Божьей природы и жизни среди людей, — думалось дѣвочкѣ. Всѣмъ, вѣроятно, это посѣщеніе было не по душѣ, такъ какъ очень скоро опять сѣли на пароходъ и поѣхали обратно.

Солнце уже садилось и, задергивая свою пурпурную завѣсу, еще больше оттѣняло бѣлизну коллонъ Елагинскаго дворца.

ДОМЪ

Сѣренькая, непривлекательная Мойка и бурое зданіе министерства финансовъ были тѣсно связаны со всею сознательною жизнью черноглазой дѣвочки. Она знала каждый камень отъ Пѣвческаго до Полицейскаго моста, и всѣ въ околодкѣ знали черненькую, длинноногую дѣвочку, ежедневно гуляющую съ шарообразной англичанкой и большимъ сетеромъ. На ихъ глазахъ она росла, въ то время, какъ они старились. Одѣтыя въ платочки и салопчики, курносыя дочки министерскихъ дворниковъ, которыя дѣлали книксенъ барышнѣ, теперь уже превратились въ гимназистокъ или воспитанницъ рукодѣльной школы, куда попадали, благодаря протекціи мамà или папà. Онѣ уже менѣе дру-

желюбно относились къ той, которую раньше любили, а теперь считали почти что врагомъ, потому что она жила богато, а они бѣдно, потому что ея отецъ министръ, а ихъ — сторожъ. Дѣвочка этого не сознавала. Иногда, на Рождество, она устраивала елку для дворовыхъ ребятишекъ, но у нихъ былъ столь сытый, обезпеченный видъ, что ей какъ-то совѣстно было преподносить имъ свои скромные подарки.

Въ министерствѣ ей всегда казались непонятными испуганныя лица просителей, наполнявшихъ пріемную по пятницамъ. Ихъ всегда можно было отличить отъ тѣхъ, которые приходили представляться по должности: послѣдніе самодовольно расхаживали по комнатѣ, а тѣ нервно то поглядывали на часы, то на дворъ, то спрашивали секретаря, когда наступитъ ихъ очередь.

«Неужели они страшатся папà», — думала дѣвочка, — «его, который и мухи не обидитъ?» Она не могла догадаться, что у него часто просятъ невозможнаго и что ему приходится поневолѣ отказывать.

Частное помѣщеніе министра финансовъ состояло, главнымъ образомъ, изъ гостиныхъ, — жилыхъ комнатъ почти не было. Тянулись амфиладами залы и гостинныя, голубая, красная, билліардная, зимній садъ и много другихъ. Мебель была обыкновенная, мягкая, обитая штофомъ. Мамà нашла на министерскомъ чердакѣ множество великолѣпной старинной бронзы, которую привели въ надлежащій видъ; ею украсили

голыя громадныя комнаты. Было уютно только тамъ, гдѣ стояла собственная обстановка родителей. Отецъ былъ неумолимъ, когда дѣло касалось казны; онъ не позволилъ тратить деньги на украшенiе министерскаго помѣщенiя и урѣзалъ смѣту на ремонтъ до крайности. Дѣвочка очень любила столовую съ дубовыми стульями Петровскихъ временъ и огромнымъ персидскимъ ковромъ. На стѣнахъ висѣло много серебряныхъ блюдъ, поднесенныхъ отцу. Рядомъ была безконечная голубая, бальная зала. Чтобы попасть изъ спальни въ кабинетъ, помѣщавшiйся въ самомъ концѣ квартиры, папà приходилось пройти чуть не всю Мойку. Несмотря на всѣ неудобства, дѣвочка не могла представить себя безъ Мойки, безъ этихъ комнатъ, съ каждою изъ которыхъ было связано какое-нибудь воспоминанiе. Швейцаръ, каждый курьеръ — ей были близки. Она въ лицо знала каждаго ребенка и каждую бабу на дворѣ. Даже извозчичьи лошади, запряженныя парой въ пролеткѣ, на которыхъ ѣздили курьеры и которыхъ она видѣла черезъ свои окна, казались ей не чужими. Единственно, кого она терпѣть не могла, были агенты тайной полицiи, гулявшiе взадъ и впередъ по улицѣ, въ мягкихъ шляпахъ, галошахъ и съ зонтикомъ. «Хороши тайные», — посмѣивалась дѣвочка, — «каждый ихъ въ лицо знаетъ»; а ей самой они почтительно кланялись, гдѣ бы ее ни встрѣчали.

«Я никогда отсюда не уѣду», — говорила она всегда миссъ, — «конечно, если только не выйду замужъ, когда выросту. Я ни на что на свѣтѣ,

даже на дворецъ, не промѣняла бы Мойку и бурый домъ министерства финансовъ».

ОТЕЦЪ

Стремглавъ вбѣжавши въ кабинетъ отца, дѣвочка испуганно остановилась: папà былъ не одинъ. Онъ сидѣлъ, со строгимъ лицомъ, и разговаривалъ съ какимъ-то чиновникомъ въ вицъ-мундирѣ. Отецъ ей показался чуждымъ и далекимъ. Но, замѣтивъ дѣвочку, онъ ей ласково сказалъ: «что тебѣ надо, маленькая?» Чиновникъ скорчилъ сладкую, пріятную улыбку, а она такъ растерялась, что ничего не отвѣтила и улизнула къ себѣ. Она боялась, что за обѣдомъ папà ей сдѣлаетъ выговоръ за неумѣстное вторженіе въ запретную для нея область, но онъ, видимо, забылъ, такъ какъ ничего не сказалъ.

«Неужели всѣ люди также много работаютъ, какъ отецъ?» — часто спрашивала она себя. Вѣроятно, многіе завидуютъ тому, что онъ живетъ въ хоромахъ, окруженъ почетомъ и уваженіемъ. Но, вѣдь, онъ никогда не бываетъ свободенъ, не пользуется благами жизни. Ну, вотъ, если сравнить хотя бы съ Карломъ Карловичемъ, — тотъ старый, хромой, небогатый, но зато, какъ только окончитъ свои уроки, возвращается къ себѣ домой, къ своей семьѣ и друзьямъ, въ праздники наслаждается музыкой, отдыхаетъ отъ всѣхъ невзгодъ. А папà, половина девятаго, уже въ столовой, еле успѣваетъ за кофе, въ какія-нибудь четверть часа, пробѣжать вскользь

газеты и уже долженъ идти заниматься дѣлами. Онъ такъ равнодушенъ къ внѣшней обстановкѣ, что даже ничего не измѣнилъ въ кабинетѣ своего предшественника.

Въ кабинетѣ — шкапы съ книгами или бумагами, кожаная мебель, придвинутая къ стѣнѣ: папà, когда работалъ, всегда ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Много мѣста занималъ громадный письменный столъ, заваленный бумагами; вокругъ него стояли кресла съ деревянными спинками, для посѣтителей. На стѣнѣ висѣли портреты царствующаго и покойнаго государей.

Чиновники, приходившіе съ докладомъ, страшно его боялись. Дѣвочка слышала отъ Дмитрія Алексѣевича, служившаго въ министерствѣ, что одинъ директоръ департамента всегда принималъ валеріановыя капли прежде, чѣмъ идти къ министру. Чиновниковъ канцеляріи министра приводилъ въ отчаяніе неразборчивый почеркъ папà; иногда собирался цѣлый совѣтъ для разбора той или иной буквы. Но, несмотря на всю его требовательность, служащіе цѣнили его за уваженіе къ чужому труду и за то, что онъ самъ работалъ за троихъ. Для него не существовало отдыха; единственное, что онъ себѣ позволялъ, и то ради здоровья, это — ѣздить часъ утромъ въ манежѣ верхомъ, вмѣсто прогулки, отъ которой ему приходилось зимой отказываться изъ-за вѣчной простуды. Время завтрака и обѣда было сокращено до крайняго предѣла; на нихъ удѣлялось не больше двадцати минутъ, и папà еще умудрялся приглашать людей, которыхъ онъ

хотѣлъ видѣть, но не успѣвалъ принять втеченіе дня. Когда подавали кофе послѣ обѣда, онъ шагалъ по комнатѣ и бесѣдовалъ съ гостями объ интересующихъ его вопросахъ. Дѣвочку всегда удивляло, что она часто, когда другіе говорили о какомъ-нибудь предметѣ, не понимала сути, а, когда папа разсуждалъ о томъ же самомъ, ей казалось смѣшнымъ, что она сразу не разобралась во всемъ. Между тѣмъ, онъ и въ разговорѣ дорожилъ временемъ, говорилъ сжато и кратко. Вдорныя слова выводили его изъ терпѣнія; онъ быстрыми доводами разбивалъ противника, всѣмъ становилось очевидно, что не о чемъ больше спорить. Мама̀ всегда старалась смягчить его рѣзкость. Зато, какъ онъ бывалъ доволенъ и радушенъ, когда въ Петербургъ пріѣзжали его старые университетскіе товарищи, служившіе въ провинціи на скромныхъ должностяхъ. Папа̀ вспоминалъ съ ними старину; строгое выраженіе лица смягчалось, улыбка казалась почти дѣтскою.

Папа̀ очень любилъ подшучивать надъ домашними, но и на это не хватало времени. Не успѣвалъ онъ кончить кофе, какъ уже докладывали, что его ждутъ, и онъ поспѣшно уходилъ.

Когда, среди занятій по вечерамъ, удавалось улучить свободную минуту, онъ забѣгалъ къ мама̀ и иногда игралъ съ ней партію въ безикъ.

Папа̀ любилъ, чтобы она сидѣла дома. Ему пріятно было чувствовать, что она тутъ же, неподалеку, и что въ любую минуту можно повидаться съ нею: время, которое онъ съ нею проводилъ, отдыхая отъ государственныхъ заботъ,

было единственной его отрадой. Вообще вся его жизнь была заведена, какъ часы, и проходила въ работѣ на благо другихъ: трудясь, онъ не щадилъ ни силъ, ни здоровья.

Онъ былъ строгъ къ великимъ міра сего и снисходителенъ къ маленькимъ, скромнымъ людямъ. Какъ онъ внимательно всегда выслушивалъ ихъ просьбы и какъ старался всегда помочь имъ!

Теплѣе всего онъ относился къ учащейся молодежи и радовался, когда замѣчалъ, что его посѣщеніе доставляло удовольствіе студентамъ. Онъ лелѣялъ, какъ любимое дѣтище, Политехническій институтъ, мечтая изъ него сдѣлать первое высшее учебное заведеніе въ Россіи.

Не терпя сплетенъ и интригъ, онъ всегда былъ недоволенъ, когда кто-нибудь начиналъ злословить; онъ старался найти что-нибудь въ защиту отсутствующаго, которому хотѣли повредить.

Дѣвочкѣ казалось страннымъ, что папа̀ всѣ боялись, ее же онъ никогда не бранилъ, — наоборотъ, былъ гораздо менѣе строгъ, чѣмъ мама̀.

Сосредоточенный въ себѣ, онъ какъ будто не видѣлъ мелкихъ подробностей повседневной жизни. Разъ мама̀ заново обила свою гостиную, а онъ и не замѣтилъ. Мама̀ приходилось заказывать ему костюмы, выбирать галстухи; онъ ничего не разбиралъ, лишь бы было удобно. Камердинеръ приходилъ часто плакаться, что барину, молъ, нечего надѣть, вещи уже износились; «я изволилъ докладывать», — жаловался онъ, — «ихъ превосходительство сказали — хо-

рошо —, а ничего не сдѣлали, чтобы поправить положеніе». Если бы не мама̀, папа̀, навѣрно, ходилъ бы въ отрепанной одеждѣ и въ истоптанныхъ сапогахъ.

Какой папа̀ былъ громадный, онъ всегда казался великаномъ рядомъ съ другими!

Хотя онъ не успѣвалъ много заниматься чтеніемъ, но каждый вечеръ, раньше, чѣмъ заснуть, прочитывалъ главу изъ лежавщаго на столикѣ у его кровати евангелія въ простомъ черномъ переплетѣ.

Онъ очень былъ привязанъ къ Кавказу, ко всѣмъ воспоминаніямъ дѣтства, и такъ ярко ихъ разсказывалъ, что дѣвочкѣ все казалось знакомымъ и близкимъ.

Обращеніе его съ другими людьми отличалась крайнею простотою. Большая часть министровъ были важные, торжественные, а папа̀ всегда одинаковъ и съ рабочимъ, и съ сановникомъ, — даже милѣе съ рабочимъ, такъ какъ его жалѣлъ. Дѣвочка помнила, какъ разъ на какой-то станціи по юго-западной дорогѣ, на которой папа̀ началъ службу, онъ гулялъ по платформѣ съ должностными лицами. Вдругъ, онъ узналъ какого-то машиниста; оба страшно обрадовались и долго жали другъ другу руку. Машинистъ, пріятно пораженный встрѣчею съ Сергѣемъ Юліевичемъ, служившимъ здѣсь двадцать лѣтъ тому назадъ, забылъ, что онъ весь въ сажѣ, — и, къ ужасу подобострастныхъ чиновниковъ, рука министра сдѣлалась отъ этого пожатія черною и грязной.

Дѣвочка много разъ была свидѣтельницей, какъ папа̀ съ горечью говорилъ мама̀, что его не понимаютъ и представляютъ всѣ его побужденія въ превратномъ свѣтѣ, совершенно искажая его замыслы и стремленія. Какое у него часто бывало измученное и издерганное лицо, когда онъ приходилъ немного отдохнуть въ уютную комнату мама̀, гдѣ пріятно жужжалъ кипящій маленькій самоваръ на кругломъ столикѣ и гдѣ въ углу, лежа на коврѣ, храпѣлъ старый Арапка. Здѣсь, у тихаго домашняго очага зарождались его мечты о величіи родины, которую онъ любилъ больше всего на свѣтѣ.

МАТЬ

Въ воображеніи дѣвочки отецъ представлялъ собой мозгъ, а мать очарованіе. Въ ней воплощалась пѣснь дома, пѣснь очага, кроткое творчество семейной жизни. Сколько она своей обворожительной улыбкой сглаживала шероховатостей, залечивала уколовъ самолюбія, причиненныхъ рѣзкостью открытой натуры папа̀, сколько враговъ превратила въ друзей. Она служила твердою опорой отцу во всѣ тяжелыя минуты его жизни. Безъ нея онъ себя чувствовалъ одинокимъ и потеряннымъ среди интригъ, чуждыхъ его прямотѣ. Мама̀, съ ея глубокимъ знаніемъ и пониманіемъ людей, чутко улавливала каждое содроганіе въ наболѣвшемъ сердцѣ.

Дѣвочка въ ранніе годы призадумывалась, видя, какъ матери ея подругъ выѣзжаютъ весе-

литься, а мамà — молодая, красивая — почему-то предпочитаетъ сидѣть дома. Она не хотѣла прямо задать этотъ вопросъ матери, старалась сама найти отвѣтъ. Она замѣтила, что папà скучалъ въ отсутствіи матери, и только, когда стала старше, поняла, что это былъ ключъ къ загадкѣ. Но мамà такъ охотно отказывалась отъ развлеченій, что, вѣроятно, отецъ никогда не узналъ, какую жертву приносила ему жена.

Дома мамà управляла всѣмъ; она стремилась лишь къ одному: смягчить уютомъ семьи всѣ разочарованія, всѣ препятствія, съ которыми отецъ сталкивался на своемъ государственномъ поприщѣ. Никто такъ не радовался его успѣхамъ, какъ она.

Часто, когда, въ пріемные дни матери, ее призывали въ гостиную, дѣвочка видѣла дамъ красивѣе и наряднѣе мамà, но она ихъ всѣхъ затмѣвала какимъ-то необъяснимымъ обаяніемъ, подъ которое всѣ невольно подпадали. Уходя, уносили съ собой образъ этой стройной женщины съ сѣрозелеными, грустными глазами и загадочной улыбкой, которую скрадывала прозрачная тѣнь розоваго абажура.

Во всѣхъ углахъ гостиной стояли темныя пальмы. Много саксонскихъ и севрскихъ фарфоровыхъ статуекъ пестрѣло на каминѣ и на старинныхъ столикахъ, рядомъ съ фотографіями въ эмалевыхъ рамкахъ. На стѣнѣ, среди картинъ, висѣлъ небольшой портретъ акварелью бабушки Фадѣевой съ ея тремя внуками Витте; глядя на ея лицо, дѣвочка узнавала будущія черты папà,

которому здѣсь было лѣтъ шесть. Цвѣтъ мебели напоминалъ глаза мама̀; вся комната носила какой-то спокойный оттѣнокъ, который подходилъ ко всему облику мама̀.

Дѣвочка была въ восторгѣ, когда ей удавалось уговорить мать спѣть, подъ ея аккомпаниментъ, цыганскіе романсы. Мама̀ не обладала большимъ голосомъ, но нѣсколько низкихъ грудныхъ нотъ звучали превосходно, къ этому присоединялась дивная дикція. Мама̀ пѣла съ увлеченіемъ, видимо, не сознавая, сколько таланта было въ ея исполненіи. И сколько въ ея душѣ таилось гибкаго юмора, заразительнаго веселья. Когда она бывала въ настроеніи посмѣяться, дѣвочка совершенно забывала, что это ея мать, и веселилась съ ней, какъ съ равной.

Но она, всетаки, побаивалась матери, призывавшей дѣвочку отъ грезъ, въ которыхъ та любила витать, къ дѣйствительной жизни. Поэтому воздушные замки, наполнявшіе всѣ мысли дѣвочки, остались тайной для молодой женщины, обожавшей свою черноглазую дочку, которая упорно защищала свой сказочный мірокъ отъ какого бы то ни было вторженія, даже отъ собственной мама̀, морской царевны своего ранняго дѣтства.

ПАРИЖЪ

Поѣхали, на мѣсяцъ, на всемірную выставку въ Парижъ. Недалеко отъ выставки была заранѣе приготовлена небольшая, но очень уютная

квартира со старой кухаркой и съ представительнымъ лакеемъ.

Весь Парижъ казался охваченнымъ какой-то горячкой. Все двигалось, волновалось, шумѣло. Съ непривычки, у дѣвочки кружилась голова отъ этой неугомонной сутолоки.

По утрамъ, отецъ бралъ ее съ собой на выставку, но она предпочитала ходить туда съ миссъ, потому что папà преимущественно и очень подробно осматривалъ техническіе отдѣлы, къ которымъ она была равнодушна. По вечерамъ, она, большею частью, обѣдала вдвоемъ съ миссъ и ходила съ ней въ театръ, когда давали пьесы, которыя ей разрѣшали смотрѣть.

Она наслаждалась Кокленомъ въ Cyrano de Bergerac: какъ онъ былъ трогателенъ въ сценѣ смерти, когда падаютъ осенніе листья и онъ выдаетъ Роксанѣ тайну своей любви! Сирано не казался дѣвочкѣ уродомъ, она возмущалась, что Роксана могла предпочесть ему пустого фата.

Въ первый же день своего пріѣзда дѣвочка отправилась въ Musée Carnavalet взглянуть на свои любимые уголки. Потомъ, отдыхая на скамейкѣ въ саду, она представляла себѣ, какъ въ немъ гуляла Madame de Sevigné, окруженная всѣми завсегдатаями отеля Rambouillet, которые, вѣроятно, сидѣли на той же скамейкѣ и разсуждали о послѣдней трагедіи Корнеля или новой комедіи Вуатюра.

Гдѣ она только съ миссъ не побывала! Онѣ бродили по старому Парижу и любовались всѣми памятниками прошлыхъ вѣковъ. Почти каждый

день онѣ забѣгали въ librairie Garnier на rue des St. Pères, гдѣ дѣвочка все забывала, роясь въ грудахъ книгъ. Она цѣлый годъ копила деньги, чтобы пріобрѣсти себѣ французскихъ классиковъ въ хорошемъ изданіи. Мама̀ ужасалась, когда посыльный являлся съ тяжелыми связками купленныхъ книгъ.

Вернувшись разъ послѣ прогулки, она застала споръ между родителями и очень удивилась, узнавши, что была предметомъ обсужденія. Министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассе, устраивавшій парадный обѣдъ на Quai d'Orsay въ честь папа̀, послалъ приглашеніе и для дѣвочки. Мама̀ говорила, что въ такіе годы не ходятъ на официальные обѣды: дѣвочка еще носитъ короткія платья и косу. Папа̀ возражалъ, что это такой интересный случай, который, можетъ быть, больше не представится; пусть дѣвочку какъ-нибудь снарядятъ, вѣдь, никто тамъ не знаетъ, сколько ей лѣтъ. Къ ея великой радости, восторжествовало мнѣніе отца. Заказали у самого Редферна платье; сдѣлали дѣвочкѣ высокую прическу. Глядя въ зеркало, она не узнавала себя въ бѣломъ платьѣ съ четырехугольнымъ вырѣзомъ, изъ-за котораго ея длинная смуглая шея казалась еще длиннѣе. Красива она не была, даже, пожалуй, казалась немного смѣшной въ этомъ необычномъ для нея нарядѣ. Подъѣзжая къ ярко освѣщенному министерству, она уже жалѣла, что не попросила, чтобы ее оставили дома. Всѣ приглашенные были въ полномъ сборѣ. Дамы въ бальныхъ платьяхъ

съ діадемами, мужчины при лентахъ и орденахъ.

Самъ хозяинъ, маленькій курносый, черный французъ, чрезвычайно любезный и предупредительный, но совсѣмъ не разговорчивый, какъ французы обыкновенно бываютъ, представлялъ ея матери какихъ-то важныхъ людей. Доложили, что обѣдъ поданъ, и къ дѣвочкѣ на положеніи взрослой подошелъ ея кавалеръ, старый академикъ Monsieur Lefevre-Pontalis.

Войдя въ огромную столовую, онъ не хотѣлъ повѣрить дворецкому, указавшему ему мѣсто, и сталъ водить свою несчастную даму вокругъ всего стола, за которымъ уже сидѣли приглашенные, съ посломъ, княземъ Урусовымъ, во главѣ. Послѣ неудачныхъ поисковъ, пришлось вернуться на то самое мѣсто, на которое имъ раньше указалъ распорядитель. По другую сторону дѣвочки сидѣлъ директоръ Comédie française Jules Claretie съ козьей бородкой и веселыми глазами. Немного освоившись съ незнакомой обстановкой, юная дѣвица рѣшила осмотрѣться.

Столъ утопалъ въ орхидеяхъ, которыя обрамляли группы изъ севрскаго фарфора. Сосѣдъ обратилъ ея вниманіе на историческій сервизъ съ видами стараго Парижа. На стѣнахъ висѣли рѣдкіе гобелены и, вообще, роскошь была необычайная. Разговоръ ея сосѣдей былъ столь занимателенъ и остроуменъ, что у дѣвочки пропалъ весь страхъ. Она болтала безъ умолку съ двумя стариками, улыбавшимися при видѣ пылкой восторженности ея лица, когда упоминали какой-

нибудь фактъ изъ исторіи Франціи или объ отдѣльныхъ личностяхъ, чѣмъ-нибудь прославившихся. Claretie, узнавъ, что она большая театралка, предложилъ ей на слѣдующій день свою ложу въ Theatre français и обѣщалъ ей достать фотографіи Sarah Bernard, Bartet, Mounet Sully и другихъ съ собственноручной надписью. Дѣвочка блаженствовала. Но, когда кончился обѣдъ и она очутилась одна среди чужихъ, ей опять взгрустнулось. Гости все прибывали на раутъ. Въ обширныхъ залахъ министерства жужжало, какъ въ ульѣ. Затѣмъ, всѣ усѣлись и начался концертъ. Участвовали лучшія силы Theatre français. Дѣвочка была огорчена, когда концертъ кончился и ей сказали, что пора ѣхать домой. Делькассе спросилъ ее, была-ли она въ Версалѣ. Когда она отвѣтила «нѣтъ», онъ сказалъ, что переговоритъ съ ея матерью.

На слѣдующій день, онъ за ними заѣхалъ на автомобилѣ и повезъ въ царство Roi Soleil. Завтракали вчетверомъ съ Monsieur Nolhac, хранителемъ версальскаго дворца, который имъ все показывалъ и объяснялъ. Дѣвочка жадно ловила каждое его слово. Она прочла столько мемуаровъ и историческихъ изслѣдованій, что каждый уголъ ей напоминалъ какое-нибудь интересное событіе. Она могла бы, кажется, всю жизнь бродить по безконечнымъ аллеямъ дворцоваго парка, съ его стриженными деревьями, павильонами и фонтанами. Все время ей мерещились напудренныя дамы въ платьяхъ съ фижмами, кокетничающія съ кавалерами въ

нарядныхъ камзолахъ и треугольныхъ шляпахъ. А на террассѣ ей чудился Людовикъ Четырнадцатый, окруженный всѣмъ своимъ дворомъ и плеядой великихъ писателей того времени. На обратномъ пути, она сидѣла въ автомобилѣ, какъ зачарованная, продолжая переживать недавнія впечатлѣнія. Ночьно она, во снѣ, гуляла по Версалю, и даже танцовала менуэтъ въ присутствіи королевы Маріи-Антуанеты и ея друзей.

Наконецъ-то она на яву увидитъ воплощеніе своего самого великаго грѣха! Madame Sans Gènes играла Réjane. Эта изумительная актриса такъ сжилась со своей ролью, что, казалось, будто она всегда была Катериной Лефевръ, случайно воскреснувшей. Дѣвочка живо вспомнила всѣ подробности чтенія запрещеннаго романа въ «Живописномъ Обозрѣніи». Теперь она была полу-взрослой и думала: какое счастіе имѣть возможность все читать, смотрѣть и одѣваться по своему собственному вкусу, — а, вѣдь, есть такіе, которые не умѣютъ пользоваться своей свободой. Она надняхъ завтракала у одной пріятельницы своей матери съ молодоженами; оказалось, что новобрачные побывали только въ ресторанахъ и въ кафе-концертахъ. Они особенно радовались, что нашли на выставкѣ мѣсто, гдѣ днемъ танцуютъ danse du ventre; все остальное было, по ихъ словамъ, скучно.

«Надо спросить миссъ, что это за танецъ», — рѣшила мнимо-взрослая, — «навѣрное, что-нибудь неприличное, въ гостиныхъ никогда не упо-

минаютъ про ventre.» Дать бы ей волю, чего бы она только не посмотрѣла!

Разъ она пошла съ миссъ въ Musée Grévin, та немного отъ нея отстала, дѣвочка желая спросить о дорогѣ, подошла къ какой-то дамѣ, сидѣвшей на диванчикѣ и упорно молчавшей. Дѣвочка повторила вопросъ и въ недоумѣніи остановилась: всѣ вокругъ хохотали. Дама оказалась восковой фигурой. «Осталась я въ дурахъ», — подумала раздосадованная дѣвочка. Дома она, конечно, умолчала объ этомъ происшествіи.

Время незамѣтно летѣло, уже говорили объ отъѣздѣ. Былъ обѣдъ у Рафаловича, агента министерства финансовъ, воспитаннаго и жившаго много лѣтъ въ Парижѣ; его особнякъ на avenue Hoche былъ полонъ гостей. За столомъ, рядомъ съ дѣвочкой, уже вошедшей въ роль взрослой, сидѣлъ министръ финансовъ Кайо, черноглазый, съ хлыщеватой наружностью французикъ, болтающій, какъ мельница. Онъ очень напоминалъ парикмахера и крайне ей не понравился.

Послѣ обѣда, извѣстная датская мимическая актриса Charlotte Wiehe сыграла сцену подъ названіемъ «la main», изображавшую вторженіе апаша въ спальню богатой женщины. Актриса играла съ такимъ реализмомъ, что дѣвочка долго не могла отдѣлаться отъ непріятнаго чувства; стоило ей закрыть глаза, какъ передъ ней выростала фигура апаша, поджидающаго свою жертву.

Передъ отъѣздомъ изъ Парижа, въ квартирѣ водворилась обычная суматоха — бранились, укладывались, суетились. Всѣ были не въ духѣ

и нервные. Настало печальное утро, и дѣвочкѣ пришлось распрощаться со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ: шиньонъ смѣнился косой, длинное платье уложили и опять одѣли прежнее. Недолго она наслаждалась неожиданной ролью взрослой! Папà ее поддразнивалъ, а этого она терпѣть не могла.

Трогательно распрощавшись со старой кухаркой и важнымъ лакеемъ, они сѣли въ экипажъ и вскорѣ очутились на Gare du Nord, полномъ дыма и копоти. Отдѣленіе родителей утопало въ цвѣтахъ. Всякіе господа въ цилиндрахъ ихъ провожали, любезно раскланиваясь и съ ней. Раздался звонокъ, поѣздъ тронулся, и они понеслись въ матушку-Россію.

ЯЛТА

Передъ отъѣздомъ въ Крымъ, остановились на нѣсколько дней въ Петербургѣ. Какъ неуютно было въ домѣ, находившемся еще на лѣтнемъ положеніи: мебель вся въ чехлахъ, картины завѣшены, окна замазаны, ковры спрятаны. Дѣвочкѣ нечего было дѣлать и она много гуляла.

Какъ-то на набережной, у Лѣтняго сада, она издали увидѣла силуетъ старой, улыбающейся дамы, ея невѣдомой подруги; та гуляла одна, въ глубокомъ траурѣ. Сначала дѣвочка подумала, что сестра немного отстала, такъ какъ онѣ никогда не ходили врознь, но старуха продолжала гулять одинокая, со своимъ чернымъ зонтикомъ, со шляпой неизмѣннаго фасона, тоже чернаго

цвѣта. Умерла-ли ея сестра или нѣтъ, осталось невыясненнымъ для дѣвочки, уѣхавшей вечеромъ съ родителями на югъ.

На этотъ разъ они поселились въ самой Ялтѣ, въ домѣ инженера, завѣдующаго шоссе, Степана Ивановича Руденко, добродушнаго толстяка съ сухой женой и веселой свояченицой, Ольгой, обладательницей красиваго контральто.

Квартира инженера была внизу, а имъ отвели верхній этажъ.

Сезонъ былъ въ полномъ разгарѣ. Въ Ливадіи жилъ царь, со своей семьей. Графъ Ламздорфъ занималъ дачу недалеко отъ нихъ, устраивалъ роскошные завтраки и всегда приглашалъ свою любимицу. Дома дѣвочку дразнили, что онъ за нею ухаживаетъ; она страшно на это злилась, но, въ душѣ, ей было лестно, что такой серьезный государственный дѣятель охотно съ ней разговариваетъ и всегда старается сдѣлать ей что-нибудь пріятное. Фредериксы поселились въ гостинницѣ «Россія» и составляли средоточіе придворнаго кружка.

Поѣхали разъ взглянуть на Никитскій садъ, но на дѣвочку онъ не произвелъ уже прежняго чарующаго впечатлѣнія. Садъ былъ тотъ же, но все остальное измѣнилось. Бывшій директоръ померъ, Нила тоже не было въ живыхъ, оставалась одна Марія, но и она уже осунулась, казалась своею собственною тѣнью.

Во время пребыванія Государя, Ялта очень оживлялась, но теряла свою непосредственную прелесть: царскія имѣнія, самыя красивыя мѣста

побережья, бывали закрыты для посѣтителей. Вся жизнь вертѣлась вокругъ гостинницы «Россія», кондитерской Верне и обычныхъ петербургскихъ сплетенъ и придворныхъ интригъ. Въ болѣе простой обстановкѣ, всѣ старались ближе подойти къ Государю и Императрицѣ, заручиться ихъ благоволеніемъ и подставить ножку своему врагу.

Государь тяжело заболѣлъ. Все замерло. Опасались печальнаго исхода, многіе уже строили тайные замыслы, на случай, если все перемѣнится. Папà ходилъ грустный и озабоченный; онъ искренно любилъ молодого царя, былъ ему особенно преданъ, какъ сыну Государя, котораго такъ глубоко чтилъ. Въ Ялту съѣхались всѣ министры. Настроеніе у всѣхъ было тревожное.

Послѣ многихъ недѣль, полныхъ самыхъ мрачныхъ предчувствій, кризисъ миновалъ. Императоръ былъ внѣ опасности. Опять начались обѣды, пикники, всѣ торопились наверстать потерянное время.

Въ Ялту пріѣхалъ молодой піанистъ Іосифъ Гофманъ. Зала «Россіи» не могла вмѣстить всю публику, желавшую присутствовать на его концертѣ. Въ первыхъ рядахъ сидѣли лица свиты, пріѣхавшія изъ Ливадіи, и весь set Фредериксовъ. Всѣ на нихъ смотрѣли, не сводя глазъ, — гораздо больше интересовались, кто съ кѣмъ разговариваетъ и какъ одѣта фрейлина царицы или жена министра двора, чѣмъ игрой молодого музыканта. Посерединѣ andante сонаты Бетховена сосѣдка шепотомъ спросила у дѣвочки:

— Скажите, кто это тамъ сидитъ за графиней Бетси? это, кажется, ея племянница Мери, обратите вниманіе, какая у нея красивая шляпа, навѣрное отъ Reboux.

Потомъ, сладко зѣвнувъ за вѣеромъ, со скукой слушала продолженіе сонаты. Къ отвращенію дѣвочки, въ антрактѣ она была свидѣтельницей тому, какъ эта самая барышня самоувѣренно заявила графинѣ Б.: «Я такъ люблю Бетховена, онъ столько говоритъ душѣ, но я нахожу, что Гофманъ его невѣрно передаетъ, и тушэ его мнѣ не нравится, деревянное». А восторженная графиня Б. говорила матери этой дѣвицы: «Какъ чувствуется въ вашей дочери настоящая музыкантша, которая понимаетъ классиковъ! Я въ молодые годы безумно увлекалась игрой Рубинштейна». Кто-то изъ свиты, сидѣвшей въ первомъ ряду, ушелъ раньше конца; всѣ были такъ заинтересованы причиной ухода, что уже мимо ушей пропускали вторую половину программы и только изъ приличія досидѣли до конца.

На слѣдующее утро дѣвочка получила анонимные стихи, ей посвященные, отъ лица, замѣтившаго ее на концертѣ. По стилю можно было принять автора за гимназиста. Хотя дѣвочка этого не показывала, но была стихами очень взволнована и безконечно польщена; чтобы не выдать себя, она презрительно пожимала плечами, когда говорили объ этомъ.

Военный министръ Куропаткинъ жилъ въ Мисхорѣ и, когда пріѣзжалъ въ городъ, всегда

завтракалъ у ея родителей. Посѣщенія браваго генерала приводили дѣвочку въ отчаяніе. Онъ очень любилъ говорить и какъ-бы заслушивался собственною рѣчью. Куропаткинъ всегда выбиралъ какую-нибудь тему и однообразнымъ голосомъ ее развивалъ. Никто ему не противорѣчилъ, а онъ все доказывалъ свою правоту. Въ одно изъ его посѣщеній папà не было дома, а мамà лежала больная. Завтракалъ онъ съ нашей дѣвочкой, съ миссъ и еще съ кѣмъ-то. Основой для своей рѣчи взялъ рыбную ловлю. Никто изъ присутствующихъ ничего не смыслилъ въ этомъ спортѣ, но Алексѣю Николаевичу, по всей вѣроятности, хотѣлось испробовать свои ораторскія способности: онъ досказалъ все до конца, не опустивъ ни одной подробности, — и обвелъ слушателей самодовольнымъ взглядомъ человѣка, побѣдившаго всѣ препятствія.

Какую противоположность представлялъ старый графъ Александръ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, командующій одесскимъ военнымъ округомъ, часто бывавшій у ея родителей. Глядя на этого красиваго, добраго старика, никто не подозрѣвалъ, какая требовалась сила воли, чтобы скрыть тяжелый недугъ, мучившій его. Въ этомъ старомъ генералъ-адъютантѣ чувствовался человѣкъ другого вѣка, представитель поколѣнія, которое уже вымерло. Большой поклонникъ мамà, съ которой постоянно игралъ въ безикъ, онъ всегда, когда пріѣзжалъ съ завтрака у царя, привозилъ ей пышную розу. Очень вспыльчивый, онъ со всѣми ссорился, когда игралъ въ карты,

но никогда не позволялъ себѣ сдѣлать мама̀ хотя бы самое маленькое замѣчаніе.

Папа̀ какъ-то сказалъ, что въ дѣтствѣ игралъ на флейтѣ; дѣвочка къ этому отнеслась довольно скептически и попросила отца на дѣлѣ доказать свои познанія. Пріобрѣли флейту, выбрали вальсъ изъ «Продавца птицъ», который папа̀ отлично исполнилъ подъ ея аккомпаниментъ на роялѣ. Это такъ обоимъ понравилось, что они пользовались каждой свободной минутой для совмѣстной игры.

Погода стояла суровая. Вѣтеръ безпощадно дулъ съ моря и солнце недостаточно грѣло. Говорили, что по городу бродитъ какая-то шайка цыганъ, которая забирается въ дачи и грабитъ; несмотря на всѣ старанія, не удалось ее изловить. Посидѣвъ вечеркомъ у Степана Ивановича и его жены, дѣвочка пошла къ себѣ наверхъ спать. Комната была угловая; вѣтеръ неистово завывалъ и сердито стучалъ въ окно. Погасивъ у двери электричество, дѣвочка легла въ кроват и задремала. Проснувшись черезъ нѣсколько времени, она услыхала чьи-то мягкіе шаги. Убѣждая себя, что это только плодъ ея воображенія, она старалась заснуть и объ этомъ не думать, но шумъ шаговъ становился все отчетливѣе. «Это воры», — рѣшила она. Что дѣлать? Звонокъ у двери, живою до него не доберешься, — единственный исходъ — притвориться спящей. Дѣвочка старалась убѣдить себя, что, вѣроятно, разсказы о шайкѣ цыганъ повліяли на нее и все это ей только кажется. Вдругъ шаги послыша-

лись совсѣмъ близко; она почувствовала, что кто-то къ ней подкрадывается: онъ здѣсь, онъ около кровати. Ее обдало теплымъ дыханіемъ, и она увидѣла пристально устремленные на нее два черныхъ глаза. Дѣвочка замерла отъ страха и начала дрожать, стараясь въ тоже время сохранить видъ спящей. Вѣтки деревьевъ продолжали стучать въ окно, вѣтеръ вылъ, море клокотало. Шаги то стихали, то опять раздавались. Собравъ остатокъ храбрости, дѣвочка встала. Дверь была открыта — значитъ, воръ входилъ въ комнату. Она бѣжитъ къ туалетному столу и находитъ всѣ драгоцѣнности на мѣстѣ. Кто же это былъ? Утромъ, когда Степанида вошла ее будить, на ней не было лица. Горничная спрашиваетъ: «не знаете, ли, кто это вчера выпустилъ нашу собаку, я ее заперла на ключъ, не вы ли это, барышня?» Вотъ, кто былъ нагнавшій на нее ужасъ воръ: песъ, купленный послѣ смерти Арапки, тоже сетеръ! Онъ-то и забрался къ дѣвочкѣ въ комнату. Когда она разсказала это происшествіе, всѣ ее подняли на смѣхъ, но она долго еще тряслась, вспоминая случай, смѣшной для всѣхъ, кромѣ нея.

Незадолго до ихъ отъѣзда, умеръ отъ разрыва сердца Степанъ Ивановичъ. Мамà была больна и это сильно на нее подѣйствовала. Снизу доносилось заупокойное пѣніе. Весь домъ какъ будто замеръ. Насталъ день похоронъ и, по мѣстному обычаю, гробъ несли открытымъ. Нельзя было узнать въ этомъ блѣдномъ обликѣ, съ заострившимися чертами, веселаго добряка,

круглолицаго Степана Ивановича, любившаго и покушать, и попить. Жена его еще больше съежилась, казалась еще суше и чернѣе въ траурномъ вдовьемъ одѣяніи, даже ихъ болонка притихла. Всѣ обитатели дачи думали только объ одномъ — уѣхать отсюда подальше и поскорѣе.

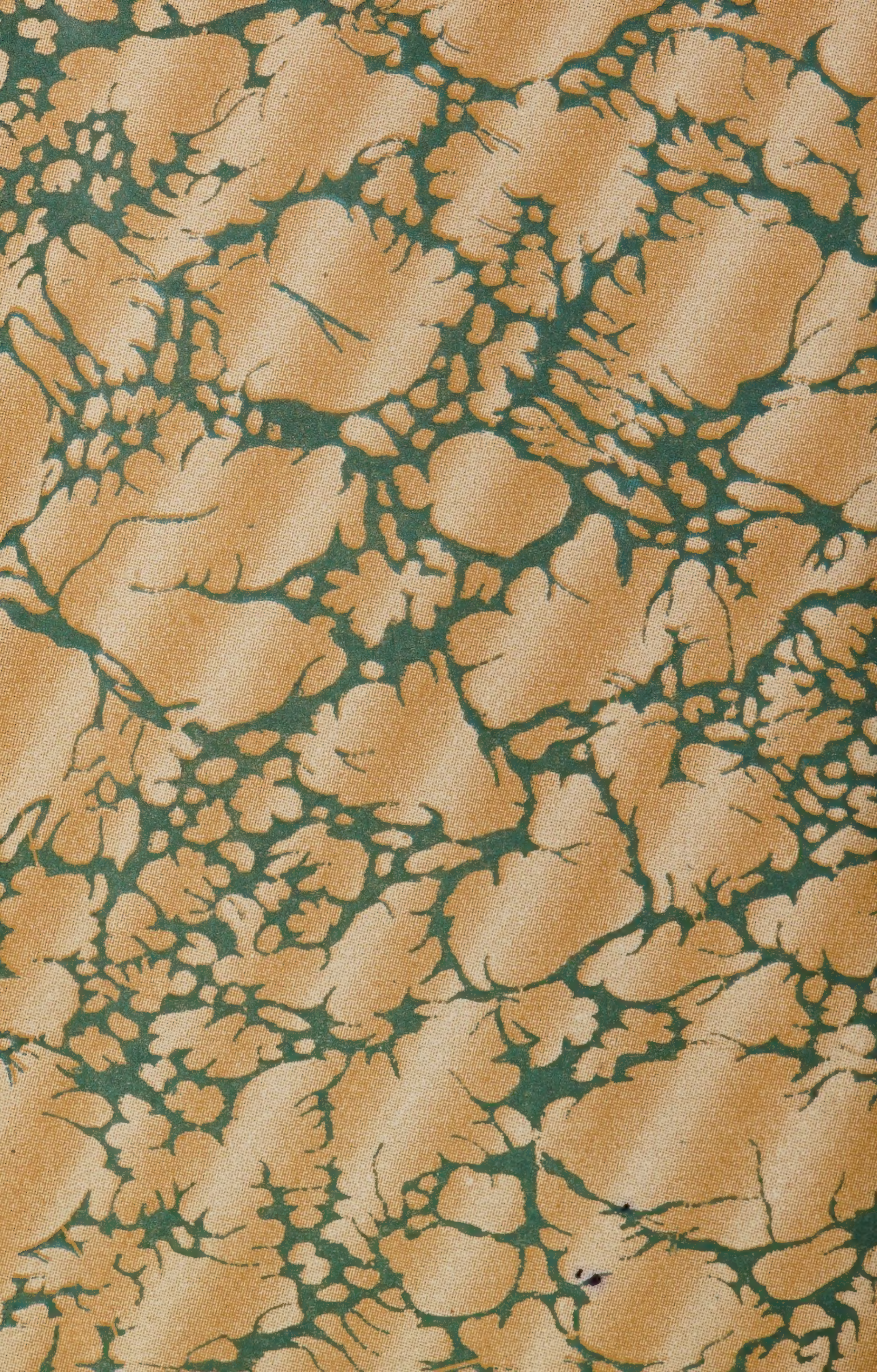
Мама̀ медленно поправлялась, но какъ-то сразу ожила, когда папа̀ объявилъ, что черезъ недѣлю надо вернуться въ Петербургъ. Всѣ лѣтнія переживанія вдругъ поблекли въ воображеніи дѣвочки, передъ ней открывалась новая страница жизни; ей измѣнили прическу и надѣли первое настоящее длинное платье.

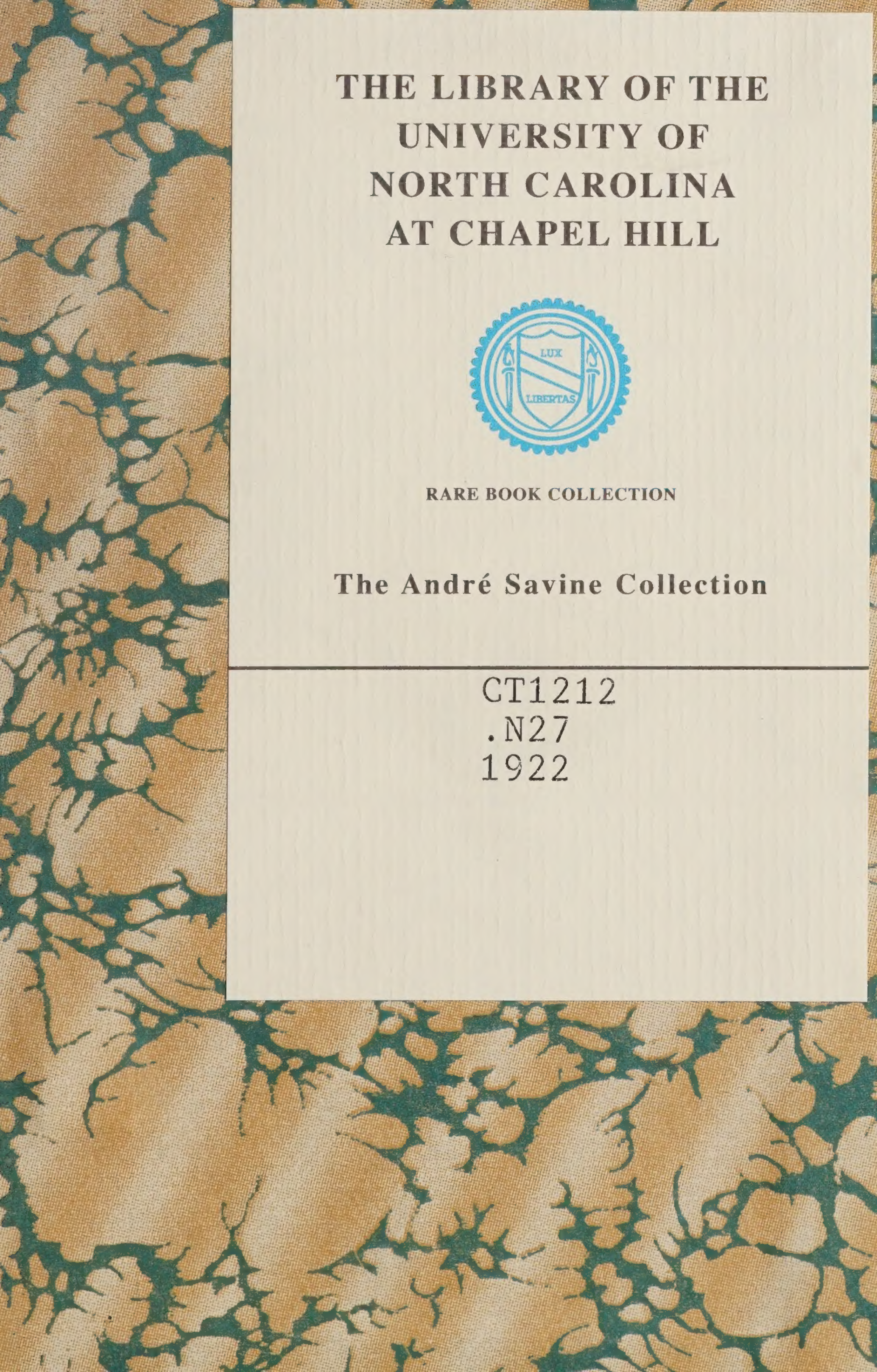
Она почувствовала себя взрослой.

Печатано
Библіографическимъ Институтомъ
въ Лейпцигѣ.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL
LUX
LIBERTAS
RARE BOOK COLLECTION
The André Savine Collection
CT1212
.N27
1922